

6

2009

РОСССНЯ XXI

6.2009 ноябрь-декабрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Судьба развития в современной России _____ **4**

Геоглобалистика

Олег Гриневский

Последние судороги политики СССР _____ **26**

Россия в мире

Ксения Мяло

Русская православная церковь
и советское наследие _____ **56**

Страницы истории

Исаак Розенталь

Николай II и Государственная дума
— новое слово? _____ 96

Ярлыки и мифы

Андрей Мороз

«Шел мимо старичок...»:
почитание святых
в народной культуре _____ 136

Пути духовных исканий

Сергей Половинкин

«Новое средневековье» священника
Павла Флоренского _____ 166

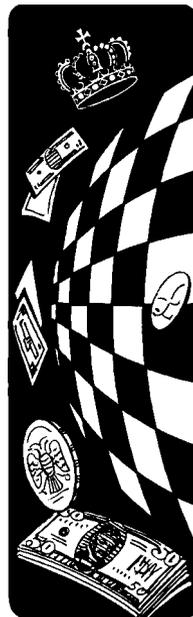
Contents in English look at the page 200

РОССИЯ XXI

**Если прогресс – миф,
то есть, если, приступая к труду,
мы можем сказать: «Зачем?» –
то наше усилие рушится,
увлекая в своем падении
всю эволюцию,
ибо мы – ее воплощение.**

**Знать, чтобы знать.
А может быть, еще больше:
знать, чтобы мочь.**

Пьер Тейяр де Шарден

Сергей Кургинян

СУДЬБА РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

УДК
304.9

The article is a publication of the methodological introduction to S.Kurginyan's new book entitled 'Esau and Jacob'. The central problem of the book is consideration of development's destiny in Russia and the world at large. The author repudiates two methods that prevail nowadays: the academic method which he defines as the retro-method and the postmodernist method. The author offers 'the third method' which requires various syntheses (of actual political studies and political philosophy, of religious metaphysics and the secular philosophy and so on).

Ключевые слова: элиты; антропос; гуманизм и постгуманизм; актуальная политология; политическая философия; развитие в России и мире.
E-mail: ecc@ecc.ru

¹ Отрывок из новой книги Сергея Кургиняна «Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире». Т.1. М., 2009. Методологическое введение.

Любая книга – это объемное и композиционно внятное обсуждение чего-то. Но ведь не чего угодно! Чего же? Есть протокольные и ничего не выражающие формулировки, согласно которым обсуждаемое должно быть «актуальным»... Или «общезначимым»...

Давайте для начала договоримся называть любое обсуждаемое вопросом. И признаем очевидное: есть вопросы и актуальные, и общезначимые, но... мертвые. А есть вопросы, вроде бы и гроша ломаного не стоящие, но живые. Состояние вопроса (живой он или мертвый) является главным условием возможности (или невозможности) написания книги, в которой этот вопрос обсуждается. При этом состояние вопроса – изменчиво. Сегодня тот или иной вопрос – живой и все помирают от желания его обсуждать. А завтра он – «мертвее мертвого». И обсуждать его тогда бессмысленно. Ну, бессмысленно, и все тут. То, как этот вопрос из живого превратился в мертвый, обсуждать можно. А сам вопрос – ни-ни.

Что значит – «ни-ни»? Об этом можно отдельную книгу написать. Сослаться на Дильтея с его философией жизни, на метафизику живого и мертвого. Но я же не собираюсь на эту тему книгу писать. И потому воспользуюсь принципом разъясняющих метафор.

Вы участвуете в танцевальном вечере. И можете выбрать себе партнершу, которая – тут хозяин барин – может быть блондинкой или брюнеткой, худышкой или толстушкой, низенькой или дылдой и так далее. Но если вы вместо партнерши притащите на танцевальный вечер изрядно истлевший труп, скелет из анатомического кабинета или даже очень убедительный в плане человекоподобия манекен, то можно ли ваше вальсирование с подобными объектами назвать участием в танцевальном вечере? Это можно назвать эпатажем, попыткой сорвать танцевальный вечер или же попыткой превратить невинный вечер танцев в вампуку, хэппенинг, миракль или даже черную мессу. Но участием в танцевальном вечере это, согласитесь, назвать никак нельзя.

Вот то же самое и с обсуждаемыми вопросами. С той лишь разницей, что манекен от живого человека отличить – пара пустяков. А живой вопрос от мертвого – поди еще отличи. Кроме того, манекен – это, так сказать, навсегда. А вопрос... Он сегодня живой, завтра мертвый, послезавтра – опять живой.

Скажут: «И слава богу! Сумели угадать, что вопрос снова оживет, начали его обсуждать заблаговременно – выиграли будущее. А другие пусть себе упиваются обсуждением разного рода сиюминутностей». В полемической запальчивости чего только не скажешь. А как поостынешь да пораскинешь мозгами, то обнаружишь, причем с беспощадной очевидностью, что никто и никогда в книгах не обсуждал вопросов, мертвых на момент написания книги.

В таких случаях иногда (кстати, крайне редко) сочиняется какой-нибудь секретный манускрипт. Или – проводится узкий коллоквиум в кругу ценителей, особо безразличных к сиюминутному. Но книги пишутся и печатаются только ради обсуждения живых вопросов. Причем – подчеркну еще раз – живых именно на момент, когда создается книга. По качеству своему книги чем отличаются друг от друга? Тем, насколько автор продвинулся вперед в плане разрешения того или иного, но именно живого – больного, животрепещущего на момент написания книги – вопроса. Никто не мог этот животрепещущий вопрос разрешить, а ты разрешил. Никто даже подходов к решению такого вопроса найти не мог, а ты нашел. Никто не понимал, насколько вопрос животрепещущий, а ты понял. Понял и другим объяснил.

Но мертвый вопрос в книге обсуждать, рассчитывая на его воскрешение, бессмысленно и смешно. Вопросы, знаете ли, не так воскрешают. Почему не так? Потому что... вас, видимо, моя метафора с танцевальным вечером не убеждает? Приведу еще одну. Более грубую, но, как мне кажется, доходчивую донельзя. Вы можете восхищаться мраморной статуей Праксителя. Но детей, коль скоро вы соберетесь их заводить, вы заводить будете от живой женщины. Наверняка менее совершенной, чем эта статуя, но живой. Вот так и с книгами... Они суть дети авторского брака с живым вопросом. Уверяю вас, что между этой моей метафорой и ситуацией с созданием книги соответствие абсолютное. То, что называется «один к одному».

Понимая, что никакие метафоры никого никогда ни в чем окончательно убедить не могут, я долго подыскивал убедительный и небезынтересный пример. И не абы какой, но и наглядный, и имеющий отношение к вопросу, который я вознамерился обсуждать в этой книге. То бишь к судьбе развития. А когда я, наконец, подыскал отвечающий этим требованиям пример, то мне стало как-то не по себе. Но тем не менее я его приведу.

Мы не обсуждаем сейчас проблему полета человека на Марс. Я имею в виду под «мы» общество, достаточно широкие группы мысля-

щих людей, а не очень узкие коллективы специалистов. Такое «мы» сегодня очевидным образом не обсуждает полет человека на Марс. Но вчера оно обсуждало этот вопрос, да еще с какой страстностью! «Вчера» – это пятьдесят и более лет назад. «Сегодня» – это... Это сегодня, в 2009 году, когда пишется данная книга.

Значит, вопрос «полет человека на Марс» вчера был живым, а сегодня очевидным образом является мертвым. И это при том, что технических возможностей у человечества сегодня уж никак не меньше, чем вчера. А вот желания тратиться – эмоционально, интеллектуально, даже экзистенциально – на обсуждение этого самого полета на Марс... Нет его сегодня, этого желания, и все тут.

Можно спорить по поводу того, почему в 1959 году страсти по поводу полета человека на Марс были накалены до предела, почему в 1968 году страсти эти подостыли, а в 1978 от них не осталось и следа...

Можно соотносить эту метаморфозу с очень и очень многим, включая и впрямь не лишние странности советско-американские договоренности об одномоментном двустороннем замораживании (а на самом деле закрытии) проектов «Союз» и «Аполлон»...

Но это не значит обсуждать проблему полета человека на Марс. Это значит обсуждать подоплеку определенных международных элитных игр... Ее-то можно обсуждать... А полет на Марс – почему не обсуждается, а? Только потому, что актуальность той или иной темы и ее элитная востребованность взаимоувязаны?

На первый взгляд, это действительно так... Зачем обсуждать тему полета человека на Марс, если ясно, что все, кто мог бы поднапрячься и послать на Марс этого самого человека, (а) поднапрячься явным образом не хотят и (б) абсолютно не понимают, на черта им этот самый человек на планете Марс.

Так-то оно так... Но в эпоху Жюль Верна, то есть не вчера даже, а поза-позавчера, никакие элиты человека на Марс отправить не могли, а публика зачитывалась соответствующей литературой. Да и в эпоху «Аэлиты», то есть позавчера, тоже зачитывалась. Да и в последующую эпоху, то есть вчера... Зачитывалась же, согласитесь! Причем не только научно-фантастической, но и научно-популярной литературой, в которой этот вопрос обсуждался.

В пользу этого моего утверждения можно привести доказательство «от противного». Есть такой старый и далеко не безобидный советский фильм «Карнавальная ночь». В нем комедийный артист Филиппов играет лектора, которому профком заказал лекцию по вопросу о жизни на

Марсе. Лектор надирается в стельку и вместо лекции отплясывает буйный кавказский танец, приговаривая: «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – это науке неизвестно... асса!».

Казалось бы, это пример на тему о том, что к моменту съемки Эльдаром Рязановым фильма «Карнавальная ночь» вопрос о жизни на Марсе, а значит и о полетах на Марс, был уже мертвым. Ан нет! Профсоюзный комитет почему-то заказал лектору лекцию по вопросу о жизни на Марсе... А почему он заказал лектору лекцию на эту тему, а не на какую-нибудь другую, например, о здоровом образе жизни? Ответ однозначен: потому что на момент создания фильма этот самый «марсианский» вопрос был еще жив и в каком-то смысле грел коллективную советскую народную душу. А создателю фильма это очень не нравилось. И он это высмеивал. То бишь убивал живой еще, к его сожалению, вопрос.

Но даже для того, чтобы он мог этот вопрос высмеивать, вопрос должен был быть живым. И в том, что он его высмеивает, абсолютное доказательство того, что вопрос был живым. Не был бы он живым – никто бы не понял юмора. Профком – он ведь не профессор из планетария, которому что мертвый вопрос, что живой. Профком на то и профком, чтобы держать нос по ветру. Не грел бы в каком-то смысле «марсианский» вопрос коллективную душу, профком на другую тему лекцию бы заказал.

Другое дело, что профком (для Рязанова – метафора цепляющейся за уходящий сталинизм власти) считает, что на празднике надо возвышать массы с помощью лекций, а Рязанов и те новые властные группы, которые его поддерживают, считают, что на празднике массы надо, как минимум, ублажать, а как максимум, развращать. Но выбрать тему для лекций в соответствии с общественными умонастроениями профком может. И приглашать лектора для обсуждения мертвого вопроса (например, о роли такого-то иероглифа в такой-то надписи, обнаруженной в храме бога Тота) профком не будет.

Фильм «Карнавальная ночь» – это то, что называется «фига в кармане». Но для того, чтобы такую фигу соорудить, надо испытывать глубокое раздражение (а) в связи с нежелательной престижностью в глазах народных масс возвышающего начала, олицетворяемого лекциями на праздниках, вообще и (б) в связи с престижностью в глазах тех же масс вопроса о контактах с братьями по разуму, якобы проживающими на планете Марс, в частности. Раз раздражение было и отлилось аж в весьма популярный фильм – значит, и престижность была. И кто-то мог бы ответить Рязанову, да и всем другим, начавшим обсуждение целесооб-

разности лекций о жизни на Марсе в новогоднюю ночь: «Вам идея такой лекции не нравится? Значит, скучный, серый вы человек. Вы, может быть, и против того, чтобы к нам космонавт на новогодний вечер приехал?»

Кстати, я помню одну свою детскую новогоднюю елку в Кремле. Хитом этого праздника было появление на нем космонавтов. Космонавты пытались исполнить песню «Заправлены в планшеты космические карты»... Они были пьяны вусмерть – куда там лектор из фильма «Карнавальная ночь»! Они и слов воспроизвести не могли, и на ногах с трудом держались. Но как все радовались тому, что космонавты с ними, на новогоднем кремлевском вечере... Почему радовались? Потому что вопрос об освоении космоса (а значит, о жизни на Марсе и так далее) был живым. А когда он стал мертвым, то что космонавты, что лектор. Тогда сначала радуются в случае появления на вечере популярного эстрадного певца, а потом радуются количеству и качеству закусок и горячительных напитков, и ничему более.

Так умирают вопросы. А вместе с ними – очень и очень многое. Но я-то хочу обсудить в книге не смерть тех или иных вопросов; не то, как умирает некий общественный интерес, например, интерес к освоению космоса; не то, умирает ли этот интерес сам собой или же его убивают; не то, каковы принципы формирования общественной повестки дня, то есть системы живых интересов; не субъектов, формирующих повестку дня; не степень волонтаризма этих субъектов; не степень их же обусловленности потребностями, от воли субъектов не зависящими... Я хочу обсудить – живой, как я убежден (пока живой... как ни странно, живой...), – вопрос о судьбе развития в России и мире. И я привожу пример вопроса уже мертвого с тем, чтобы понятно было, чем вопрос мертвый отличается от живого. Пример мой, согласен, скверный. Но ведь и убедительный, и не чуждый в каком-то смысле тому, что я в книге обсуждаю, – судьбе развития.

Убежден ли я, что вопрос о судьбе развития в России и мире не умер так же, как вопрос о том, есть ли жизнь на Марсе? Да, убежден. Другое дело – могу ли я убедить читателя. Для того, чтобы его убедить, нужны объективные доказательства. А возможны ли объективные доказательства в том, что касается состояния умов, притягательности для этих умов тех или иных проблем, общественных умонастроений?

Являются ли тут доказательствами, например, так называемые соц-опросы? Я считаю, что не являются. И не я один. Многие выражают скепсис по отношению к возможности замерить с помощью обычных

анкет то, что касается глубоких, трудно формализуемых характеристик жизни общества в целом. Да и жизни отдельных социальных групп.

Признающие это предлагают в подобных случаях применять не анкеты, а глубинные социальные зондирования. Для проведения таких зондирований формируются так называемые «фокус-группы». Дело долгое, трудоемкое, высокзатратное – и тоже безусловное. Потому что неорганическое. Участники фокус-групп – зачем приходят в эти группы? Им либо деньги платят, либо у них есть какой-то специфический интерес. Я так вот ни в какую фокус-группу не пойду. Мне раз в неделю какая-нибудь социологическая контора присылает предложение в чем-нибудь поучаствовать. Заполнить какую-нибудь анонимную экспертную анкету. Я этого никогда не делаю. И опять же понятно, почему. Мне жаль времени, я вижу в этом (а почему бы нет?) попытку посылающих мне вопросники вовсе не узнать мое мнение с благородными научными целями, а осуществить нечто типа «разведмероприятия» (подточнить мой психологический портрет и так далее).

Итак, я эти вопросники раз за разом выбрасываю в мусорную корзину. И не я один. А те, кто не выбрасывает, заполняют их, исходя из мотиваций не гносеологического характера. Мотивации эти просты – либо деньги, либо некие возможности поучаствовать в ведущейся игре, создав нужные крены в пользу небезразличных для участвующих субъектов. То есть опять же деньги.

А значит, все эти анкеты – штуки искусственные, деформированные. И считать прямую обработку таких анкет доказательствами чего-либо нельзя. А уж в таком тонком вопросе, как общественный интерес, – тем более.

Итак, социальным опросам я не верю и их доказательствами не считаю. Фокус-группам тоже не верю. Доказательствами их данные опять-таки не считаю. Кроме того, ни обычные соцопросы я не буду проводить, ни фокус-группы сооружать.

Возможны ли тогда доказательства? Да, представьте себе, возможны. Оставим в стороне обычные соцопросы. Тут слишком очевидно, что репрезентативных данных по их результатам получить нельзя. И рассмотрим фокус-группы с позиций pro и contra. Что нас не устраивает в фокус-группах, которые, казалось бы, могут дать искомые доказательства? Их искусственность. Это не органический социальный эксперимент. Но ведь есть и органические, они же полевые, социальные эксперименты. Не зря ведь говорят, что единственный доказательный соцопрос по поводу предпочтений электората – это выборы. Выборы – это

примитивный органический социальный эксперимент, проводимый в особо крупных размерах. Есть ли возможность провести органический социальный эксперимент, аналогичный искусственным фокус-группам? А значит, и лишенный недостатка фокус-группы (искусственность), и обладающий позитивом фокус-группы (необходимой глубиной)?

Да, такой эксперимент возможен. Хотите проверить, есть ли живой общественный интерес к какой-то теме, напишите текст на эту тему и замерьте органические реакции в том, что является органическими аналогами искусственных фокус-групп. То есть в близкой вам читательской среде. Если эта среда не исчерпывается немногими вашими знакомыми и близкими, то это будет социальный эксперимент, равный по глубине фокус-группе, но органический, а не искусственный. То есть такой эксперимент, данным которого можно верить.

Но если для проведения эксперимента нужен текст, то, казалось бы, возникает замкнутый круг. Доказательства тебе нужны для того, чтобы создать текст, но если ты их можешь получить только после того, как текст создан, то зачем тебе эти доказательства?

В рассматриваемом мною случае как раз и нет этого порочного замкнутого круга. Потому что вначале я создал предваряющий текст, а теперь берусь за текст окончательный.

В качестве предваряющего текста я напечатал с марта по ноябрь 2008 года в газете «Завтра» подряд, одну за другой, 36 полосных статей под общим названием «Медведев и развитие». Этот текст и полученные на него реакции как раз и стали для меня тем первичным социальным экспериментом, ориентируясь на который я теперь могу заниматься сразу многим. Например, накапливать данные для той теории, которую собираюсь изложить в этой книге. Но и не только.

Я могу также по реакциям на этот текст судить о том, насколько жива тема развития в современной России. Да, я считаю социальными доказательствами реакции читателей. Но какие еще возможны доказательства? И чем эти доказательства хуже соцопросов или фокус-групп? По мне, так они намного лучше и объективнее! По крайней мере, они получены в полевых условиях и носят органический, а не искусственный характер.

Реакции на эти мои статьи я описываю так же, как социолог, прошедший марафон и выявивший предпочтения участвующих в нем людей, описывал бы результаты марафона. Но только речь идет – подчеркну еще раз – об уникальной возможности провести предваряющий марафон в полевых условиях. Не знаю, будет ли у меня еще когда-нибудь

такая уникальная возможность. Но в данном случае она есть. И грех было бы ее не использовать.

Внутри того, что я называю массивом данных, полученных в результате марафона, есть несколько «полюсов».

Полюс №1 – это несколько моих близких друзей, которые (что в принципе свойственно определенным категориям близких друзей) отнюдь не склонны читать все, что я написал. А также ходить на мои клубы и так далее.

Люди эти занимали высокие должности и продолжают входить в политическую элиту. К нынешней власти, ее желанию что-либо развивать, ее потенциалу и всему прочему они относятся, мягко говоря, более чем скептически. Соответственно, они относятся скептически и ко всему остальному. К процессам, происходящим в России. К обществу, поддерживающему власть. Мне лично казалось, что преодолеть подобный усталый панскептицизм уже вообще невозможно.

Каково же было мое изумление, когда я вдруг увидел, что все мои полосы в газете «Завтра» – одна за другой – жадно читаются подобными скептиками. И не только читаются! Активно обсуждаются, ксерокопируются, посылаются знакомым и так далее. Это крайне атипичное поведение для данной категории людей. Поведение – повторяю – никак не являющееся следствием симпатии указанных людей ко мне лично.

Ибо никакие другие мои публичные мессиджи у этих же людей такого отклика не получали. А значит, их реакция может касаться только самой темы развития. Поразительным образом она жива и в этих сердцах. Пусть те, кто может проводить более развернутые исследования, отвергнут мои апелляции к штучным замерам. Но для меня лично эти замеры убедительны. А в каком-то смысле и доказательны.

Полюс №2 – достаточно многочисленные отклики типичных (консервативно-патриотических) читателей газеты «Завтра». Которые умствований не любят вообще, а умствований на политически недоопределенную тему – тем более.

Не с моей личностью связана позитивность этих откликов на весьма усложненные построения, которыми изобиловали мои 36 статей. Просто развитие нужно дозарезу и этой аудитории. Оно так нужно, что аудитория готова продираться сквозь любые усложнения. Ощущая, по-видимому, что и впрямь или развитие – или смерть любимой страны. Чем подобные отклики менее доказательны, чем материалы соцопросов и фокус-групп? По мне, так они гораздо более доказательны. Потому что, повторяю, естественны.

Полюс №3 – позитивные отклики на те же мои статьи достаточно многочисленных представителей нашего общества, которые газету «Завтра», а заодно и меня, как ее постоянного автора, на дух не переносят.

Эти отклики наиболее показательны. Ибо их совсем уж нельзя списать на фактор личности или фактор издания. Личность чужда, издание – тем более. А отклики есть. И это очень ценный социальный замер.

Киоскеры, продающие газету «Завтра», – люди с твердыми убеждениями и без особых фантазий. И если они делились с менеджерами, организующими продажу газеты, своими недоумениями по поводу спроса на газету со стороны атипичного для нее читателя... Если они однозначно указывали на то, что спрос этот обусловлен моим нескончаемым сериалом, то... Одним словом, суждениям этих «профи» можно верить не меньше, чем исследованиям самых непредвзятых социологических центров.

К сожалению, я по определению не могу иметь никаких других доказательств того, жив или мертв вопрос, обсуждению которого я собираюсь посвятить эту книгу.

Мне бы хотелось иметь доказательства, не связанные с реакциями на мои же собственные тексты. Но заниматься формальной социологией по вопросу о том, жив или мертв в нынешней России вопрос о развитии, я считаю глупым. И как бы ущербны и субъективны ни были приведенные мною данные, по мне, так они лучше любых других.

Окончательной доказательности по обсуждаемому вопросу в принципе быть не может. Но то, чем я располагаю, дает мне личное субъективное право заниматься судьбой развития в современной России, отчужденной от развития, как никогда ранее. А для начала нужно только это личное субъективное право. Всего-то нужно верить и знать, что не безжизненный манекен выбираешь в виде партнерши на танцевальном вечере. Не от мраморной Афродиты ждешь прибавления собственного потомства.

«Ну, и ладненько», – скажет покладистый читатель, намекая на необходимость подводить черту под предваряющими рассуждениями и переходить к обсуждению основного вопроса. А читатель, менее покладистый, даже признав, что вопрос, который я собираюсь обсуждать, жив, атакует меня, обнажая композиционную, а значит, и любую другую противоречивость моего начинания.

«Вы ведь, – скажет он, – не хотите, создавая книгу, стирать начисто все черты тогдашнего – что-то и впрямь задевшего в обществе –

газетного марафона. И глупо было бы с вашей стороны эти черты стирать. Но тут куда ни кинь – все клин. Стирать глупо, но и не стирать их, знаете ли, не слишком умно. А главное – контрпродуктивно. Ведь у газетного сериала – одна, на злобе дня основанная, архитекtonика. Книга же не вправе воспроизводить оную. Одно дело – представление определенного, чуть ли не системообразующего места высказываниям Путина и Медведева о развитии в газетном материале, создаваемом по горячим следам этих высказываний. Другое дело – сохранение того же места (а как вы его измените, не убивая архитекtonику?) в книге. Путин и Медведев вяло произносили какие-то слова о развитии с 2000 по 2008 год. Потом они в 2008 году (в связи с выборами президента РФ) те же слова произнесли чуть более живо. В статьях, которые были одномоментны этим – тогда еще для говорящих и слушающих немаловажным – высказываниям, ваше отстранение от этих высказываний оправданно. А вот в книге...

Уже теперь, в 2009 году, эти высказывания явно поднадоели даже их авторам. Что же касается слушателя этих высказываний, то он благополучно (или неблагополучно, то есть еще более прочно) забыл, что, когда и зачем говорили о развитии эти авторы, они же по совместительству – высочайшие должностные лица России. Развития как не было, так и нет. Сколько ни говори «сахар» – во рту сладко не станет. Вдобавок развитие теперь существенно оттеснено на периферию общественного внимания другими вопросами, прежде всего, глобальным экономическим кризисом. Это – уже теперь!

Между тем издание книги (вы ведь не сборник статей издать хотите, а книгу и понимаете разницу!) предполагает, что ее прочтает кто-то... ну, не через пятьдесят, так через десять лет. И что к этому времени забудутся не только сказанные по прагматическим причинам слова высочайших должностных лиц прошлого, но и... Скажем так, очень и очень многое. По крайней мере, текст под названием «книга» (а это специфический текст) должен выдержать испытание забвением и самих высочайших должностных лиц, и их слов, и реальных причин, эти слова породивших».

Объясниться с таким, особо требовательным, читателем – моя прямая и очевиднейшая обязанность. Что же я должен ему ответить? Что при всей кажущейся очевидности его утверждений они неверны.

Прежде всего, они неверны даже безотносительно к способу обсуждения вопроса о судьбе развития в России и мире, который я выберу. Предположим, что рассматриваемые высшие должностные лица доста-

точно вяло произнесли нечто о развитии. И это нечто безусловно как с интеллектуальной, так и с политической точки зрения.

Предположим далее, что это «нечто» тем не менее возбудило почему-то весьма влиятельные международные группы. Почему возбудило? Какие группы? Это надо обсуждать.

Но предположим, что и группы не являются плодом моей фантазии (что я могу доказать) и возбуждение этих групп реально имело место.

Предположим, наконец, что это возбуждение повлияло на конфликт, который, начавшись с вторжения Грузии в Южную Осетию, чуть было не перерос в войну России и Украины и в глобальный международный конфликт.

Я пока что не говорю, что это так. Я говорю лишь: предположим, что это так.

Можно ли – теперь уже не публицистически, а исторически – игнорировать высказывания и пренебрегать ими в условиях, когда они породили такую цепь последствий? Понятно, что нельзя. А ведь процесс не завершен! Он очевиднейшим образом не завершен! А значит, историческое и политическое неразрывно связаны. Не является ли в таких условиях пренебрежение к определенным высказываниям, пусть и заслуживающим тех оценок, которые я вложил в уста требовательного читателя, непозволительным и неуместным снобизмом? Читатель был бы прав, если бы в книге моей высказывания, заслуживающие подобных оценок, рассматривались как нечто самозначимое. Но ведь этого я не делал и в газетных статьях. И уж тем более не собираюсь делать в книге.

Что еще мы можем предположить? Как ни странно, очень и очень многое. Например, что достаточно блеклые и неубедительные высказывания, подхваченные кем-то в связи с тем-то и тем-то, могут стать элементом какой-то большой игры. Можем ли мы тогда пренебрегать высказываниями?

А если эти высказывания обнаруживают определенную повторяемость чего-то? А это «что-то» заслуживает самого разнообразного рассмотрения, вплоть до историософского и метафизического?

А если за высказываниями, обладающими такими-то и такими-то характеристиками, есть масштабные интересы? Если высказывающиеся фигуры, неадекватным, как нам представляется, способом обсуждающие развитие, на самом деле в каком-то смысле что-то для себя с этим развитием связывают? Неважно пока, в каком смысле они что-то связывают... Неважно, что именно они связывают... Главное – есть ли связь между словами и... не скажу делами, но интересами.

Если эта связь есть, а интересы масштабны, почему, говоря научным языком, должны быть элиминированы слова? Потому что Путин не Гегель, Медведев не Кант, оба они не Ленин со Сталиным? Но такой мотив элиминации, простите меня, носит совершенно богемный и потому не только неубедительный, но и комический характер. Ведь где есть одни интересы, там есть и другие. За словами – любого качества – маячит чуть ли не классовый по масштабу антагонизм интересов, но слова надо элиминировать по причине их качества? Ну, так это... Это, перефразируя классика, «с салонной точки зрения – правильно, а по существу – издевательство».

А если с политической точки зрения высказывания, которые, по мнению требовательного читателя, надо элиминировать, окажутся крохотным импульсом, запускающим огромный процесс, не имеющий ничего общего с развитием, но способный самым сокрушительным образом сказаться на судьбе России и всего мира?

Если, повторяю, этот процесс будет сам по себе, а развитие само по себе, но запуск процесса будет произведен высказываниями о развитии, которые мой требовательный оппонент третирует? Что, и тогда эти высказывания не надо рассматривать, ссылаясь на их неубедительный и сугубо преходящий характер?

А не уподобляется ли в этом случае мой требовательный читатель субъекту, который, обсуждая движение машины, не хочет заниматься рассмотрением запускающих процессов (так называемой искры) в двигателе внутреннего сгорания и говорит: «Да при чем тут искра! Это все так мизерно! Давайте говорить о движении огромной машины, о том, как она ударилась в дом, а дом рухнул, а это обрушение повлекло за собой...»

Таковы вкратце мои соображения касательно принципиальной – и не зависящей от способа обсуждения вопроса о судьбах развития в России и мире – неправоты требовательного читателя.

Но есть еще и соображения, касающиеся той же неправоты, но уже в контексте способа обсуждения вопроса. Они таковы.

Обязательная для публицистической политической литературы апелляция к – синхронным с появлением произведений этой литературы (статей, выступлений etc.) – политическим событиям и высказываниям при других способах обсуждения того же вопроса может быть или трансформирована, или отменена. Все зависит от способа.

При применении одного способа все, что было сказано VIPами, так сказать «к дате», должно быть из книги элиминировано, то есть начисто

убрано. Именно начисто! Не сведено к минимуму, а просто вымарано – и всё.

При другом же способе обязательность публицистической апелляции к подобным высказываниям не отменяется, а превращается в обязательность сравнительно-историческую... А также эвристическую и... мало ли какую еще.

А раз так, то пора, договорившись с читателем о том, что обсуждать судьбу развития в России и мире все-таки стоит (вопреки, повторю еще раз, очевидной для меня регрессивности нынешнего российского бытия, а может быть, парадоксальным образом и благодаря ей), рассматривать теперь те СПОСОБЫ обсуждения данного (равно как и всех прочих) вопроса. Те способы, от выбора одного из которых зависит и отношение к чьим-то ситуационно обусловленным и проблематичным по содержанию высказываниям, и... И нечто намного более важное.

Вы хотите обсуждать нечто? В вашем распоряжении только два способа.

Используя первый, вы обсуждаемое нечто называете «темой». Назвали? Ваше обсуждение сразу же становится «разговором на тему о...». Такой разговор может быть шутливым и серьезным, поверхностным и фундаментальным. И даже исповедальным... Одна из книг Бориса Ельцина называлась «Исповедь на заданную тему». А почему бы нет? Исповедь – это тоже «разговор на тему о...» Недаром доверительный разговор часто называют исповедальным...

Короче – если бы я хотел назвать «судьбу развития в России и мире» темой, то разговор с читателем на данную тему назвал бы беседами... «Беседы о развитии» – чем плохо? Лично я считаю, что тестом на сопричастность классическому (кто-то скажет «старому доброму») гуманизму является способность вести беседы. Гуманистическая философия – это всегда беседа. Парадоксальным примером, подтверждающим правоту этого утверждения, является, по моему мнению, творчество величайшего антигуманистического философа Фридриха Ницше. Ну, не может Ницше вести беседу, и все. Хочет, но не может. Начинается все с попытки побеседовать (то есть пофилософствовать в старом смысле слова), а кончается невесть чем. Скандалом, науськиванием, заклятием и так далее. То есть всем, что несовместимо с беседой.

Итак, нужно всего лишь назвать то нечто, которое я хочу обсудить, темой. А дальше все как по накатанной колее, задаваемой первым (тематизирующим) способом обсуждения чего угодно. В том числе и судьбы развития в России и мире.

Но в том-то и дело, что не хочу я двигаться по этой накатанной колее. Не хочу называть судьбу развития в России и мире темой. Не хочу беседовать! До тошноты не хочу! Кстати, захотел бы – никаких методологических введений сочинять бы не стал... Потому что... Впрочем, вначале о том, почему я не хочу двигаться по этой самой накатанной колее. Она же – первый способ обсуждения чего бы то ни было.

Не потому я не хочу по этой колее двигаться, что являюсь принципиальным «беседофобом». Вот уж чего нет, того нет. По мне, так в том, что несет с собою почитаемое мною слово «беседа», есть важная сегодня, как никогда, несуетливая человечность. Она же – интеллигентность в подлинном смысле этого слова. Человечности вообще и несуетливой в особенности катастрофически не хватало уже XX-му веку. Новое же столетие, как мы видим, тысячекратно перекрыв в своей антигуманности столетие предыдущее, лишено начисто не только способности беседовать, но и понимания того, как оно искромсано и обкрадено отсутствием этой способности.

XXI век выступает под знаменем всех и всяческих «пост» – постистории, постмодерна... Постгуманизма... Постчеловека... На наших глазах это – с рождения дряхлое – дитячко приобретает отчетливо ликвидационный характер... Невозможности, о которых только и лепечет яростно это с рождения больное дитя (невозможность новизны, идеала, будущего, подлинности, телеологии, а значит, и аксиологии), чреватые неслыханными по жестокости конвульсиями, с явной издевкой именуемыми «гуманитарными акциями». Нам остается ждать, когда эти «гуманитарные акции» задействуют, наконец, ядерное (или химическое, бактериологическое etc.) оружие массового уничтожения. Но раньше, чем это оружие начнет ликвидировать «антропологические избытки» физически, эти избытки согласятся на свое отчуждение от единственного, что не позволяет их совсем уж холодно ликвидировать, – от развития.

То есть, конечно же, и при неотчужденности от развития эти «избытки» физически ликвидировали в прошлых столетиях. Да еще как!

Но, во-первых, это делалось не бесстрастно. Кто-то орал освенцимским ликвидаторам: «Изверги! Что вы делаете!» Ему, оравшему, ликвидаторы отвечали: «Никакие мы не изверги. Мы делаем доброе дело – слуг сатаны изводим под корень». А вот если «антропологические избытки» будут сами по себе, а развитие – само по себе, то какие страсти? Если вам докажут, что оптимизация мясо-молочной промышленности требует сокращения крупного рогатого скота на 50%, то вы ведь не начнете орать на зоотехников: «Изверги!»?

Нет развития как чего-то неотчуждаемого от антропоса – нет и антропоса как венца Творения.

Нет антропоса как венца Творения?

Тогда чем он, антропос этот, от крупного рогатого скота отличается? Или от куриц, кудахтающих в своих комфортных курятниках? Голландские курятники для кур на несколько порядков более комфортны, чем африканские хижины для людей. И что?

Итак, во-первых, до отчуждения антропоса от развития его количественные коррекции (те же геноциды, к примеру) осуществлялись не бесстрастно. А после отчуждения антропоса от развития и вытекающего из этого отчуждения превращения человечества как совокупности *homo sapiens* в антропомассу, в специфическую разновидность высокоорганизованного скота, то же самое будет делаться бесстрастно. А во-вторых...

Требовательный и нетерпеливый читатель, реагируя с ходу на «во-первых», наверняка спросит: «А не все ли равно? Какая для «антропологического избытка» разница – будут ли его ликвидировать страстно или бесстрастно?»

Так вот, нетерпеливый взыскатель разницы, не давший мне закончить... Во-вторых, бесстрастная по своему качеству ликвидация отчужденных от развития избытков оскотиненного этим отчуждением антропоса приобретет и иной количественный размах. Ну, на что до сих пор замахивались небесстрастные изверги? На уничтожение миллионов... Ну, десятков миллионов не отчужденных от развития и демонизированных тем или иным способом *homo*.

А бесстрастные изверги будущего... которые и не изверги, вообще-то говоря, а «антропотехники» (ввожу термин по аналогии с «зоотехники») ... Эти антропотехники, оптимизирующие поголовье отчужденного от развития высокоорганизованного скота, вполне способны замахнуться и на уничтожение парочки миллиардов «ненужных антропоособей».

И эту свою способность замахнуться они не будут долго хранить втуне, мечтая о чем-то и перешептываясь. Они эту способность реализуют.

Реализуют-реализуют! Не верите? А вы и сами прикиньте, и... И проверьте все-таки состоятельность моих предыдущих прогнозов. Почему-то, знаете ли, так получается, что я с этими прогнозами, касающимися распада СССР, Югославии, войн на Ближнем Востоке, нового качества террористических вызовов и глобального кризиса, не промахиваюсь. Только сначала все фыркают одним способом («да что это он

такое страшное нам сулит вопреки совершенно оптимистической очевидности!)), а потом, когда все происходит не оптимистически, а по моему, фыркают другим образом («а что особенного? Всем было очевидно, что...») Всем... Как же, как же...

КОМУ было очевидно нарастающее экономическое неблагополучие? Двум десяткам экспертов из миллионов тех, кто отрекомендовался в качестве таковых. Эти миллионы орала как резаные, что никогда никакого неблагополучия не будет. Что мир научился развиваться без кризисов. Самые матерые из миллионов высоколобых кретинов, обещавших вечную экономическую безоблачность (она же – глобализация), получили за свою наглую ложь все высочайшие международные премии, включая Нобелевские.

Так что, господа лжеоптимисты, антропотехники свое дело сделают. Ждите! Ждать осталось недолго. При сохранении нынешних тенденций – лет десять. Максимум – пятнадцать. Нынешние тенденции стремительно переводят человека в разряд высокоорганизованного скота, чье поголовье подлежит очень радикальной оптимизации. Оптимизации никому не снившегося ранее масштаба... Какой там Гитлер! Фюрером Четвертого рейха будет не гиперэмоциональный злодей, а бесстрашный профи, по необходимости оптимизирующий поголовье, ставшее неэффективно избыточным в ходе перепроизводства антропоса. В XIX веке для того, чтобы справиться с кризисом перепроизводства, ликвидировали избыток продуктов. В XXI-м...

Требовательный и нетерпеливый читатель опять же спросит запальчиво: «А может быть, оптимизированному поголовью будет дано новое качество жизни? А может быть, без этой оптимизации всем хана: и природе, и человечеству?»

Коллега, вы не даёте мне доаргументировать до конца. Я же не обещал вам, что, изложив две позиции («во-первых» и «во-вторых»), этим исчерпаю аргументацию. У меня в запасе есть еще и «в-третьих», и «в-четвертых»... Впрочем, в одном вы правы, коллега. В том, что введение (даже и методологическое) не может превращаться в нечто самодостаточное. И потому все из того, что еще не обсуждено мною в плане перспектив отчужденного от развития человечества, я буду излагать уже совсем конспективно.

В-третьих, нетерпеливец вы мой требовательный, не лгите себе и другим по части того, что скота... прошу прощения, homo этих, становящихся все менее sapiens, окажется количественно меньше, а все остальное или не изменится вообще, или изменится к лучшему. Остав-

шийся в живых скот, поделенный на несколько классов (просто скот, скот немного улучшенный, почти не скот и так далее), будет жить в совершенно другом мире, не имеющем к сегодняшнему никакого отношения. Плавный переход от нынешнего мира к миру совершенно другому невозможен? Ну, так он и не будет плавным.

Кстати, у этого нового мира, к которому антропотехники хотят перейти, уже есть готовое название – «многоэтажное человечество». Вам нравится быть особью, проживающей на одном из этажей этой самой «многоэтажки»? Не читайте тогда моего крамольного сочинения. И не тратьте порох на его критику. В том мире, где будет реализована многоэтажность, книги, подобные данной, будут не запрещены и даже не сожжены (ох, уж мне этот «добрый старый» гуманизм Брэдбери с его градусами по Фаренгейту). Эти книги будут стерты из памяти постчеловеческого разнокачественного скота так, как вы сейчас стираете со своего компьютерного диска лишние файлы.

Любители будущей многоэтажности, поклонники постчеловеческих и трансгуманистических перспектив, подумайте, надо ли и впрямь тратить силы на критику того, чем через десять–пятнадцать лет (если это самое «многоэтажное» состоится) займутся новые и очень эффективные инквизиторы.

Что же касается тех, кто не хочет безропотно дожидаться счастливового многоэтажного будущего для себя, своих детей и внуков... Что же касается этих немногих, этого – верю, что все еще активного, – меньшинства, которому и адресована моя книга, то... Может быть, дочитав до этого места, представители подобного меньшинства и сами смекнут, почему меня не устраивает ни (уже описанный мною выше) первый способ обсуждения судьбы развития в России и мире, ни отношение к судьбе развития как теме для обсуждения (вытекающее из этого способа), ни движение по накатанной колее (заданной этим способом), ни, наконец, превращение очень важного для меня обсуждения в «беседы о развитии».

Ну, не хочу я, дожидаясь «многоэтажки», становиться нытиком, бесильно тоскующим по «доброму старому» гуманизму. Я хочу с этой «многоэтажкой» (она же – тотальная дегуманизация всего и вся), представьте себе, бороться. «Многоэтажка» на наших глазах превращается в мейнстрим XXI века. Для меня кривляния XXI века – это, так сказать, разминки юного Чикатило. Подлаживаться под норы этого Чикатило и задаваемый этим норовом мейнстрим я категорически не желаю. А вы, читатель? Вы не видите, что именно волочет девятилетний Чикатило в –

и без того усталый и гнилой – мир человеческий? Если вы видите – что остается вам, кроме фундаментального – антропологического, экзистенциального, метафизического – Сопrotивления? Впрочем, как знаете. Что же касается меня, то я считаю долгом своим обосновать и тем самым в какой-то мере инициировать Сопrotивление формирующемуся чудовищному мейнстриму.

Необходимость решать такую задачу – она и только она – удерживает меня от подчинения характера и ритма повествования «доброй старей» гуманистической безобязательности бесед.

Я не хочу, не имею права использовать первый способ обсуждения вопроса о судьбах развития в России и мире, превращающий разговор об этих самых судьбах в беседу.

Я не хочу, не имею права превращать бесконечно любимое мною гуманистическое начало в ретро. Ведь, согласитесь, такое превращение было бы с моей стороны разновидностью капитуляции перед наползающей на нас «постдействительностью» (она же – «многоэтажка» etc.). Я же считаю, что относиться к этой наползающей «постдействительности» мы можем и должны только так, как Кутузов, сказавший посланцам Наполеона: «Вы предлагаете нам закончить войну, а мы ее только начинаем». Нельзя вести войну с постдействительностью, превращая текст Сопrotивления в ретро. Тот гуманизм, для которого беседа и есть философия, как альфа и омега всякой человеческой подлинности, проиграл. Нельзя противопоставлять наползающей на нас общемировой мерзости – проигравшее. Мерзости этой так хочется, чтобы ее антагонистом был очевидный исторический лузер. Осознаем ли мы, чем чревато наше согласие на осуществление того, что этой мерзости так желанно?

Противопоставить формирующемуся антигуманистическому мейнстриму гуманистическое ретро – значит признать, что будущего у гуманизма нет даже в эстетическом (стилевом, интонационном, жанровом) и уж тем более в гносеологическом плане. «О, признайте это! – поощрительно хихикают адепты антигуманистического мейнстрима. – Признайте и капитулируйте уже на этапе замысла!» НЕ ДОЖДЕТЕСЬ!

Вот почему, читатель, я отметаю с порога первый, так сказать, «старогуманистический» способ обсуждения всего, в том числе судьбы развития в России и мире.

Второй же способ обсуждения (а этих способов, подчеркну еще раз, всего лишь два) основан на том, что обсуждаемое (судьба ли развития или нечто другое) безжалостно превращается из темы в предмет исследования. Превращение это осуществляется за счет предъявления метода.

В той же степени, в какой беседы о развитии не нужно предварять методологическим введением, исследование судеб развития без подобного предварения, причем развернутого, категорически невозможно. Методология... Она и только она преобразует, повторяю, безобязательную, а потому и рыхло-безопасную тему – в предмет. Потому-то методологическое начало так ненавидимо всей субкультурой «пост», всеми адептами «многоэтажки» и «постдействительности».

Враг, читатель, ненавидит всегда лишь несломленное. «Они ненавидят меня? Значит – бояться». Заявляя о том, что я судьбу развития в России и мире намерен не «отемливать», а исследовать, я обязан начать исследование с манифестации – и именно манифестации – метода. Этим и занимаюсь...

До сих пор, правда, я лишь объяснялся с читателем по поводу того, чем живой вопрос отличается от мертвого. А также по поводу того, почему методология и все, что она порождает (превращение темы в предмет, беседы в исследование), настолько необходимы. Что ж, объяснился... Теперь пора перейти от обсуждения необходимости метода к его описанию.

(Окончание следует)

Для непредвзятого взора сегодня очевидно, что каждый порядок сохраняется только посредством силы потому, что наталкивается на границы чуждой ему воли. <...> Вокруг государства и между государствами всегда идет борьба. Ибо власть никогда не бывает всеисключающей властью населяющих мир людей, но лишь одной властью наряду с другими, действующей совместно с ними и против них. Правда, всегда ищут законный порядок, но

каждый существующий порядок так или иначе основан на актах насилия, которые в борьбе и войне определили, в рамках какого рода зависимости и на основе каких принципов этот порядок будет существовать. Полного покоя не бывает...

Карл Ясперс

Олег Гриневский

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

ПОСЛЕДНИЕ СУДОРОГИ ПОЛИТИКИ СССР

УДК
327

The latest year of the USSR existence began with the crises not only in the domestic and economic policies but in the foreign policy also. Two critical situations were before Moscow: The reaction to growing unrest in Lithuania and other Baltic states which threatened the existence of the Soviet Union, and the reaction to the American invasion in Iraq which betokened loses of Soviet supports in the Middle East region. Making a systematic and holistic analysis the author shows well-founded that the Soviet leadership didn't have distinct strategic goals and tactic what to do in this situation.

Ключевые слова: волнения в Литве, 1991; ситуация в Прибалтике; «Буря в пустыне»; уход иракской армии из Кувейта.
E-mail: olgrinev@mail.ru

Свой последний, 1991, год страна, которая еще называлась СССР, начинала в глубоком кризисе, как политическом, так и экономическом. А потому бурлила от негодования, глядя на пустые полки магазинов.

Не лучше обстояли дела и на международной арене, где внешняя политика Советского Союза находилась в глухом тупике. Еще 20 декабря «хитрый лис» Шеварднадзе юркнул в кусты, неожиданно заявив о своей отставке, и только 12 января 1991 года Горбачев назначил нового главу МИДа – А.А.Бессмертных. Он тут же заявил, что «Министерство иностранных дел будет и впредь твердо и активно проводить международную линию президента СССР, осуществлять политику нового мышления и делать все с целью обеспечения благоприятных внешних условий для успеха перестройки»¹.

Но уже с первых дней его пребывания на посту министра стало ясно, что провести эту обещанную линию будет не так-то легко. Две критически острые проблемы маячили тогда перед советской внешней политикой:

– Нарастающие волнения в Литве и странах Прибалтики, которые грозили уже самому существованию великого СССР.

– Угроза американского вторжения в Ирак, которая предвещала затяжную войну и потерю советских опор в регионе Большого Ближнего Востока.

КАК НАЧИНАЛСЯ РАЗВАЛ СССР

Первой острой проблемой стали кровавые события в Вильнюсе.

Уже с начала января ситуация в Литве, да и во всей Прибалтике, резко обострилась. Правительство

Ландсбергиса объявило о выходе из Союза, и в Литве начались демонстрации «за» и «против». В основном, конечно, «за», причем на фоне резкого ухудшения экономического положения и роста цен. И вот в ночь с 12 на 13 января десантники советской армии штурмом взяли телебашню в Вильнюсе, 13 мирных жителей погибли, а затем последовала осада литовского парламента. Все это немедленно вызвало гневный протест не только в Литве, но и по всей Прибалтике. Улицы прибалтийских столиц были перекрыты баррикадами и тяжелой строительной техникой, чтобы не допустить проход танков и бронемашин советской армии.

¹ *Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1991. №2. 31 января. С.2.*

В результате для Горбачева и его политики – как внутренней, так и внешней – сразу же возникли три практически не решаемые проблемы.

Первая: Был поставлен крест на надежде сохранить Прибалтику в составе СССР мирным путем. Больше того, остро встал вопрос о сохранении Союза вообще.

Вторая: Обострилась политическая ситуация внутри страны: демонстрации и столкновения между противниками и сторонниками применения силы, возмущение демократов, разброд в стане сторонников Горбачева.

Третья: Последовало резкое осложнение отношений с США и Западом. Февральский визит Буша в Москву оказался в подвешенном состоянии. Об этом уже на следующий день, 14 января, было официально объявлено в Белом доме.

В МИД тут же поступило послание от госсекретаря Бейкера, который в жестких тонах призывал к «резвомыслию в Литве». И угрожал: если применение силы будет продолжаться, нашим отношениям будет нанесен серьезный ущерб. А через несколько дней посол США в Москве Джек Мэтлок вручил Горбачеву послание от президента США, где эта угроза уже расшифровывалась. В случае запугивания, нажима и применения вооруженной силы в государствах Прибалтики, говорилось в послании Буша, будет невозможно продолжать обещанные программы в поддержку экономических реформ в СССР. Иными словами, это был отказ от предоставления обещанных кредитов, оказания продовольственной и медицинской помощи.

И в этой критической обстановке в Таллине появляется горбачевский конкурент Борис Ельцин. Действует жестко и уверенно. Напрямую бросая вызов Горбачеву, он призывает советскую армию не подчиняться приказам нападать на гражданских лиц. Больше того, от имени РСФСР подписывает совместное заявление с руководителями трех прибалтийских республик об уважении государственного суверенитета, взаимной поддержке и недопустимости применения силы, запрещающее гражданам «участвовать в военных действиях, посягающих на суверенитет друг друга».

А что Горбачев? По его указанию уже 13 января днем первый заместитель министра иностранных дел А.Г.Ковалев приглашает послов США, Англии, Франции, ФРГ, Финляндии. Им он сообщает: президент хочет заверить зарубежных коллег, что не несет ответственности за нападение на телебашню и сам не знает, кто отдал приказ прибегнуть к силе в Вильнюсе. Его политика остается прежней, и он будет делать все, что в его силах, чтобы избежать кровопролитий.

Примерно это же Горбачев потом не раз повторял публично. А 14 января министр обороны Д.Т.Язов и министр внутренних дел Б.К.Пуго так доложили Верховному Совету о случившемся: виновными являются литовские власти, которые прибегли к противозаконным действиям. А воинские части нельзя винить за их ответ на провокации.

После этого, разумеется, беспорядки и кровопролития продолжались. И потому сразу же возникали острые вопросы – как такое может происходить в стране, где есть конституционная власть президента, который против применения силы, не отдавал приказа ее применять и даже не знает, кто это сделал? Так кто тогда отдал этот приказ и кто несет за это ответственность? Однако ни Горбачев, ни его окружение так и не смогли ответить. Или не захотели. Вроде бы искали виновных, но не нашли. Президент выступал с многословными, путанными речами, из которых нельзя было понять, что происходит и какую политику он ведет. Да и по сей день почему-то не может ответить на эти, казалось бы, простые вопросы, которые все еще требуют ответа. Вот, например, что пишет сам Горбачев о своей реакции на случившееся в Вильнюсе:

«Едва получив известие о событиях в Вильнюсе, я связался с Крючковым и потребовал объяснений. Председатель комитета госбезопасности сказал, что ни он, ни Пуго не отдавали приказа о силовой акции. Решение принималось на месте, а кем именно, нужно еще выяснить...

Позвонил Язову:

– Как могло случиться, что использовали войска, кто дал санкцию?

Он говорит:

– Мне доложили, что это исходило от начальника гарнизона.

Трудно было поверить, что он мог сделать это без согласия министра. Но я тогда доверял Язову»².

А вот что пишет об этом доверенный руководитель аппарата президента В.И.Болдин:

«В какой мере принимал участие в этой операции президент, мне неизвестно. Но то, что он был в курсе событий, очевидно. Почувствовав трудности у Б.Пуго, просил помочь Д.Язова, обращался по этому вопросу к Крючкову.

– Положиться на них нельзя. Ничего не могут сделать толком. Провалят любое дело, – жаловался он»³.

Между тем уже тогда в прессе было полно сообщений, что зачинщиком событий в Вильнюсе стал внезапно образованный Комитет нацио-

² Горбачев М. *Жизнь и реформы*. М.: Новости, 1995. С.507.

³ Болдин В.И. *Крушение пьедестала*. М.: Республика, 1995. С.399.

нального спасения во главе с секретарем ЦК Коммунистической партии Литвы. Конечная цель – свергнуть правительство республики, которое объявило о выходе из СССР, и таким путем вернуть ее обратно в Союз. Их действия были поддержаны местным военным гарнизоном и элитным подразделением десантников «Альфа», которое по официальной версии прибыло в Литву для поимки призывников, уклоняющихся от службы в армии. И это они при поддержке танков провели силовые операции по захвату телебашни и здания парламента в Вильнюсе. А для руководства этой силовой операцией из Москвы скрытно приехали два генерала – Валентин Варенников и Владислав Ачалов.

И что же? Было проведено расследование, кто отдал приказ провести эту операцию и как могло случиться, что в могучем Советском Союзе, обладающем огромной армией, ядерным и ракетным оружием, кто-то может отдавать приказ об их применении без ведома Верховного главнокомандующего – президента страны, министров обороны, внутренних дел и всезнающего шефа КГБ?

Молчит история – не дает ответа. Значит, можно сделать такие выводы: президент Горбачев либо пошел на поводу у этих силовых ведомств и теперь боится признаться в этом. Либо уже упустил власть из своих рук и теперь тоже не хочет признать это.

А трагедия в Вильнюсе стала штормовым сигналом к распаду великой страны. Но не только. Она послужила толчком к скорейшему выходу наших еще союзников из Варшавского Договора, или, проще говоря, к его развалу. Ситуация в Прибалтике была воспринята ими как откат перестройки и наступление правоконсервативных сил, а значит, и возвращение к «блоковой дисциплине».

Сразу же после событий в Литве парламент Чехословакии призвал правительство ускорить переговоры о выходе из ОВД, а венгерский парламент проголосовал за то, чтобы Венгрия стала ассоциированным членом НАТО. После чего в Вышеграде встретились министры иностранных дел Чехословакии, Венгрии и Польши и выступили с заявлением, что их страны и народы настаивают на скорейшем роспуске Варшавского Договора, причем его военную организацию следует распустить еще раньше⁴. В общем, жить ОВД оставалось еще всего тройку месяцев.

Но события в Прибалтике имели и другие международные последствия, которые тогда держались в тени.

⁴ *Известия. 1991. 23 января.*

КАК ГОТОВИЛАСЬ ВОЙНА ПРОТИВ ИРАКА

Утром того самого злополучного 13 января, когда в ситуационном кабинете Белого дома собрались советники президента США, чтобы следить за событиями в советской

Прибалтике, специалист по России Кондолиза Райс уже после первых сообщений, пришедших из-за океана, воскликнула:

– Ребята, какое совпадение! Как раз тогда, когда наши руки связаны Заливом, Горбачев посылает танки!

И стала сравнивать происходящее в Вильнюсе с действиями Хрущева, который в 1956 году подавил венгерский мятеж, воспользовавшись тем, что Запад был повязан Суэцким кризисом. Но ей тут же ответил другой специалист – Роберт Гейтс:

– С такими намерениями действуют Советы или нет, но они должны понимать, что мы не настолько вовлечены в этот кризис в Заливе, чтобы не отреагировать должным образом.

Но в Белом доме все же пришли к выводу, что увязка между этими двумя кризисами – в Прибалтике и Персидском заливе – существует и ее можно повернуть в весьма выгодном для США направлении. Дело в том, что в середине января истекал срок для вывода иракских войск из Кувейта, назначенный в резолюции Совета Безопасности ООН. И США уже давно грозили начать военные действия, если Саддам Хусейн не сделает это. А Советский Союз был главным противником каких-либо силовых акций и выступал за то, чтобы посредством переговоров продолжить поиск путей мирного решения кризиса в Персидском заливе. Но теперь, как посчитали в Вашингтоне, Москва увязла в собственном кризисе в Прибалтике и просто не сможет сколь-либо существенно противостоять силовым акциям США в Заливе. Короче говоря, события в Прибалтике явились прелюдией, а точнее – были использованы как прикрытия для проведения силовых акций США в другом регионе мира, на Ближнем Востоке.

В 2 часа ночи 17 января в квартире нового советского министра иностранных дел раздался неожиданный телефонный звонок из Вашингтона. Госсекретарь Бейкер без обиняков заявил, что ставит в известность советское правительство: очень скоро коалиция ООН по Персидскому заливу начнет наступление на Ирак.

– Что значит «очень скоро», – спросил Бессмертных, – речь идет о минутах или часах? – Удар будет нанесен по Багдаду уже в ближайший час, – ответил Бейкер.

– А вы не можете это отложить? – попросил министр. – Нашему президенту нужно время. Пожалуйста, дайте нам больше времени.

– *Сожалею, Саша, – ответил госсекретарь, – но Вы знаете, как оно бывает, когда речь идет о военных действиях. Проводится очень тщательная подготовка. Приказы уже отданы, и я не думаю, что их можно отменить.*

Бессмертных, естественно, тут же связался с Горбачевым и рассказал о звонке Бейкера, а президент велел перезвонить в Вашингтон и добиться отсрочки нанесения ударов на 48 или хотя бы на 24 часа.

– *Скажите, что это моя единственная личная просьба Бушу.*

Министр позвонил Бейкеру и передал просьбу Горбачева, но тот соби́л: небо над Багдадом уже освещено взрывами⁵.

И действительно, уже той ночью началась воздушная фаза силовой операции «Буря в пустыне», которую проводили 400 самолетов, в основном авиации США. Сначала на аэродромы, радиолокационные системы и базы ПВО Ирака обрушились ракеты, запущенные с американских кораблей в Персидском заливе. Затем первая волна бомбардировщиков нанесла сокрушительные удары по иракской столице и другим городам, где были поражены 45 стратегически важных объектов, включая дворец президента, здания парламента и ведущих министерств.

Это был первый этап операции «Буря в пустыне» – нанесение в течение 7–10 дней бомбовых и ракетных ударов с целью уничтожения командных центров и системы коммуникационной связи Ирака. Иными словами, вызвать паралич ответных военных действий, и мирное население при этом не жалели. А всего предусматривалось 4 этапа в этой «Буре» продолжительностью около месяца. Готовым двинуться в Кувейт и далее уже стояло 500-тысячное американское войско, а также воинские подразделения числом поменьше Англии, Франции, Египта, Саудовской Аравии и Кувейта.

Американские бомбовые удары продолжали нарастать. Они наносились по военным объектам, промышленным предприятиям, работавшим на иракскую армию и, главное, по ядерным реакторам, химическим предприятиям и центрам, в которых могло разрабатываться биологическое оружие. При этом все больше и больше доставалось мирным жителям. Практически были разрушены все электростанции страны, перестали работать очистные сооружения при заборе воды и помпы, применяемые при эксплуатации канализации. Над страной нависала угроза массовых эпидемий.

⁵ Baker J.A. III *The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace. 1982–1992.* G.P. Putnam's Sons, NY, 1995. P.384; Beschloss M.R., Talbot S. *At the Highest Levels.* Little, Brown and Company, UK 1993. P.307, 313.

В Москве в те дни была создана президентская комиссия по Персидскому заливу, которую в кремлевском обиходе называли просто кризисной группой. В нее входили силовые министры Д.Т.Язов, Б.К.Пуго, председатель КГБ В.А.Крючков, министр иностранных дел А.А.Бесмертных, помощники президента А.С. Черняев и В.Н. Игнатенко, член президентского совета Е.М.Примаков и замминистра иностранных дел А.М. Белоногов, курировавший ближневосточные дела. Свою работу они начали с тривиальных, казалось бы, вопросов: что происходит, долго ли продержится Саддам и каковы наши интересы в этой ситуации. Но оказалось, что ответы на них получить совсем не просто.

Да, уже первые ракетно-бомбовые удары по Ираку принесли огромные разрушения и жертвы. Но советская разведка докладывала: несмотря на очевидные потери, Ирак сохранил основы своего военного потенциала, включая большое число мобильных ракетных комплексов «Скад». И Саддам Хусейн, судя по всему, не намерен просто так уходить из Кувейта, а иракский народ эти кровавые испытания выдержит – ему не привыкать.

И как бы в подтверждение этому уже на следующий день последовал ответ С.Хусейна, который явился шоком для мировой общественности, но не для советских арабистов. Ответный удар Ирака был нанесен не по американским войскам и их базам в Персидском заливе, а по... Израилю. Утром 18 января 5 ракет «Скад» разорвались в Тель-Авиве и 3 – в Хайфе. На следующий день – то же самое: 3 ракеты снова разорвались в Тель-Авиве. Разрушены дома, ранены мирные жители, но пока без жертв. Так что же происходит?

В московской кризисной группе сомнений не было: Саддам Хусейн провоцирует Израиль на ответный удар, который неминуемо всколыхнет мусульманский мир и он встанет на сторону Ирака. Его цель – превратить локальную войну в Заливе в широкомасштабную войну между Израилем и арабами, а то и всем мусульманским миром. Конечно, в Вашингтоне не могут не понимать этого, и американцы будут давить на Израиль, чтобы тот не предпринимал ответных действий. Но и бездействие Израиля окажется на руку Саддаму Хусейну, хотя и не в такой степени: арабский мир и особенно палестинцы воспримут это как слабость Израиля. Основа израильской политики – угроза ответных действий – окажется подорванной.

И Саддам Хусейн публично озвучил свой замысел, причем весьма эффектно. «Не несколько капель крови, – заявил он, – а реки крови будут пролиты. И тогда окажется, что Буш обманывал Америку, американское общественное мнение, американский народ, американские кон-

ституционные институты»⁶. В общем, его расчет был ясен: реки крови, гибель людей должны заставить общественность Запада прекратить войну против Ирака.

Но и в этой ситуации в кризисной группе сомнений практически не было: Ирак – наш союзник, один из самых близких нам на Ближнем Востоке, и его надо спасать. Или, как сказали бы американцы:

– Да, Саддам Хусейн – сукин сын, но он наш сукин сын – придется выручать. Но как?

Вступать в войну в Персидском заливе было явно неразумно – тут сомнений не возникало. Да и возможностей таких практически не было. Но помахать кулаком было можно, и военные придвинули войска к границам южных округов – вроде бы для учений. Однако впечатления это не произвело.

Тогда оставался один путь – убеждать, требовать, чтобы американцы прекратили свои военные операции против Ирака, а Саддам Хусейн ушел из Кувейта без всяких условий. Но именно эту линию Советский Союз проводил с самого начала конфликта, а толку не было. Саддам из Кувейта уходить просто так не хотел. Ему нужны были территориальные уступки, и прежде всего остров Бубиян, который, как пробка, затыкал Ираку выход по реке Шатт-эль-Араб в Персидский залив. Но американцы его вознаграждать за агрессию не собирались. Больше того – хотели наказать. В общем, тупик.

Правда, теперь ситуация менялась кардинальным образом. США бомбят Ирак и угрожают вторжением своих войск. И тут вроде бы проглядывал шанс на успех. Положение Ирака катастрофически ухудшалось, и у Хусейна не могло быть иного выхода, кроме как уйти из Кувейта, но без потери лица. А посредником тут мог стать только Советский Союз. Правда, мидовские арабисты, хорошо знавшие и Саддама Хусейна, и иракцев, были настроены скептически: разрушениями и кровью их не напугаешь, менталитет не тот. Так что успешный выход из тупика оставался под вопросом. Но другого пути не было.

И уже 18 января Горбачев позвонил «другу» Бушу и изложил свой план, который, коротко говоря, сводился к следующему: **пауза в военных действиях со стороны США при условии, что Хусейн объявляет об уходе из Кувейта.**

– Стратегические цели военной операции США достигнуты, – убеждал он Буша, – и на этом можно поставить точку. Налицо политическое поражение Ирака, его военному и индустриальному потенциалу

⁶ *Iraqi News Agency. January 18, 1991.*

нанесен огромный, вряд ли поправимый ущерб. Агрессор наказан – ему преподнесен урок.

Но Буш, не раздумывая, отклонил этот план, как нереалистичный:

– Нет оснований считать, что тот военный потенциал, который позволил Ираку действовать в регионе с позиции силы, более не существует. Значительная его часть осталась в целостности, что позволяет ему и дальше угрожать соседям. Поэтому нельзя идти на компромиссы. Тем более это несвоевременно сейчас, когда он ведет обстрел Израиля, так как он будет выглядеть победителем – дескать, ударил по Израилю, и война сразу прекратилась. Мы не должны сворачивать с пути, пока Хусейн не уйдет из Кувейта, причем в одностороннем порядке, без уступок и умиротворения⁷.

Отклонил план Горбачева и иракский диктатор в Багдаде, которому по указанию из Москвы доложил этот план советский посол Виктор Викторович Посувалюк.

Поэтому рекомендация кризисной группы была простой: не спешить и посмотреть, как будут развиваться события. А пока пусть новый министр поедет в Вашингтон и прощупает пути и способы прекращения войны против Ирака. При этом твердо проводить нашу линию: Ирак уходит из Кувейта без всяких условий, а США прекращают свои военные операции против него. В Персидском заливе воцаряются мир и спокойствие.

Вот с таким нелегким багажом новому министру предстояло лететь в Вашингтон. И в багаже этом оказались еще две другие не менее тяжелые проблемы – ситуация в Прибалтике и проблемы с ДОВСЕ – СНВ.

КТО КОГО ОБМАНУЛ?

Бессмертных прилетел в Вашингтон 26 января и сразу же направился в Госдепартамент, где его уже ожидал Бейкер. **И начали они с Прибалтики.** Отношения у них были вроде бы дружественными, доверительными, обращались к друг другу: *Саша – Джим*. Но делу это мало помогало.

– Я чувствую, Джим, вы на грани принятия санкций, – приступил к диалогу Бессмертных. – Но если вы решитесь на это, то пережмете, вызовете последствия, которые вам совсем не желательны. Запомните: наш народ всегда считал, что ваша страна поддерживает Горбачева. Я знаю: США не могут сидеть и ничего не предпринимать в от-

⁷ Белоногов А. МИД. Кремль. Кувейтский кризис. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С.278–279.

ношении событий в Вильнюсе. Но все, что вы станете делать, должно быть всесторонне взвешено – не следует пережимать.

И изложил в общих чертах послание Горбачева, которое он привез для передачи Бушу. Но Бейкер тут же обнаружил, что в нем нет конкретных заверений прекратить жесткие репрессии в Прибалтике. И начал давить:

– Вы должны понять, Саша, насколько серьезна ситуация. Мы обязаны действовать. Кремль может избежать прекращения американской экономической помощи, только если наполнит содержанием свои заявления, что ищет решения возникших проблем... Нужно что-то конкретное, вроде механизма переговоров для самоопределения. Внешний мир должен увидеть немедленные и ощутимые доказательства того, что силовые удары в Вильнюсе и Риге не являются провозвестниками обновленной старой политики Кремля в отношении национальных меньшинств.

– Пока это не сделано, – продолжал давить Бейкер, – запланированного саммита в Москве не будет. Нам придется подготовить заявление о его отмене, но мы готовы использовать тут дипломатический язык, чтобы избежать прямых ссылок на события в Прибалтике.

– Я понимаю, – ответил министр и пообещал выяснить в Москве, что можно добавить к тому, о чем говорилось в письме Горбачева.

После этого **перешли к ситуации в Персидском заливе**. Бессмертных долго говорил, что курс Горбачева на сотрудничество с США в деле урегулирования кризиса в Заливе сильно критикуют у нас в стране, но он намерен твердо придерживаться этой линии. И заверил: позиция Москвы остается неизменной – агрессор, то есть Ирак, должен уйти из Кувейта без всяких условий. Но нужно избегать впечатления, что США используют наше сотрудничество в собственных целях. И выразил беспокойство по поводу нарастающих американских бомбардировок Ирака, вызывающих огромные разрушения и массовую гибель людей.

В общем, как потом жаловался госсекретарь в своих мемуарах, тут явно чувствовалась рука мидовских арабистов во главе с Василием Ивановичем Колотушей, которых Бейкер сильно невзлюбил. Это они прибегли «к своему старому трюку, и Бессмертных стал выуживать теперь формулировку, которая приостановила бы войну и дала возможность Саддаму уйти из Кувейта без потери лица». Поэтому он ответил, что резолюции ООН (а их было уже 12) давали Хусейну возможность уйти из Кувейта, разумеется, при условии их строгого соблюдения. Но он предпочел навязать войну собственному народу⁸.

⁸ Baker J.A. III. Op. cit. P.391.

В ответ на это министр сообщил, что в Москве обдумывают возможность принятия Советом Безопасности ООН еще одной резолюции, которая предусматривала бы теперь паузу в военных действиях, если Ирак объявит о своем уходе из Кувейта. Как к этому отнесутся в Вашингтоне?

– *Саддам Хусейн получит шанс частично восстановить потери и перевооружить свои войска*, – возразил Бейкер. – *А это обойдется нам в последующем многими человеческими жизнями.*

Тогда Бессмертных предложил рассмотреть возможность разработки двух советско-американских заявлений – по урегулированию кризисов, как в Персидском заливе, так и на Ближнем Востоке. И эксперты с обеих сторон были удивлены, что Бейкер тут же согласился, велел своему помощнику Деннису Россу поработать над текстом.

Этим и закончилась долгая беседа министров в тот день 26 января. Приехав в посольство, министр сразу же велел Павлу Палажченко, который был бессменным переводчиком у Горбачева и Шеварднадзе, подготовить депешу в Москву о состоявшейся беседе с Бейкером и об ответе на поднятые им вопросы.

Бессмертных хорошо разбирался в лабиринтах подковерной борьбы, которая шла в те годы в окружении Горбачева. Поэтому дал наказ запросить ответ на поставленные Бушем вопросы, касающиеся возможного сокращения нашего военного присутствия в Прибалтике, готовности вести переговоры по самоопределению и создания механизма для этого. Но сделать это так, чтобы военные и консерваторы – сторонники жесткой линии – не углядели, что новый министр выступает здесь в роли передатчика американских требований.

И такая телеграмма вскоре ушла, а ближе к вечеру поступил ответ, из которого было трудно понять, что на самом деле имеет в виду Москва. Это был проверенный прием советской бюрократической машины: ответ дан, выкручивайся сам. Тогда уже сам министр настроил телеграмму своему заму Ковалеву с указанием проработать эти вопросы с помощниками Горбачева, руководством Министерств обороны и внутренних дел, поскольку предстоит его разговор с президентом Бушем.

На этот раз сработало. Утром 28 января такой ответ поступил из Москвы, и министр сразу же отправился к Бейкеру. Но, судя по его реакции, госсекретарь явно не ожидал столь быстрого ответа Москвы – и тем более положительного – на поставленные им непростые вопросы. А Бессмертных продолжал удивлять:

– *Советское руководство «считает недопустимым использование вооруженных сил в политической борьбе», и президент подтверждает,*

что он сделает все, чтобы не допустить повторения того, что случилось в последние недели.

Правда, это были всего лишь общие слова, на которые всегда был столь щедр Горбачев, но за ними последовала и конкретика:

– Нами предпринимаются действенные меры по урегулированию ситуации в Прибалтике. Воинское подразделение из Пскова, которое было введено в Литву накануне этих печальных событий, уже выведено из республики. К 29 января 70% внутренних войск, которые были введены для охраны важных объектов, также покинут Литву. В ближайшие дни остальные подразделения этих войск последуют за ними. В Прибалтике останутся только те воинские части, которые находятся там на постоянной основе.

Что же касается права на самоопределение, то мы подтверждаем право всех республик на выход из СССР. Условием для этого является воля народа, выраженная путем референдума, и строгое соблюдение конституции, а также соответствующих законов. Президент отвергает попытки любого комитета или организации посягать на власть, кроме как законным путем.

Видимо, все еще не веря своим ушам, удивленный Бейкер спросил:

– А можно все это сказать публично?

– Можно, – заверил Бессмертных. И довольный Бейкер тут же помчался в Белый дом, чтобы порадовать президента этими неожиданными и приятными новостями в советской политике.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КОРДЕБАЛЕТ

Как и положено по протоколу, президент принимал Бессмертных в Овальном кабинете. Они сидели у камина, где потрескивали дрова, и пили кофе. Но вот что интересно –

Буш был необычайно краток, немногословен. Начал с того, что не намерен вмешиваться во внутренние дела Советского Союза, но надеется, что Горбачев понимает: Прибалтика – это особый случай. И сказал, что готов выслушать, что скажет ему новый министр.

А Бессмертных прибег к изящному дипломатическому флирту. Горбачев, говорил он, полон решимости не дать заглухнуть перестройке, по-прежнему придает первостепенное значение советско-американскому сотрудничеству и согласен продолжать плодотворное взаимодействие по урегулированию кризиса в Персидском заливе. После чего передал Бушу послание Горбачева и пересказал его содержание, сопроводив заверениями, что Москва выводит спецподразделения и обеспечивает право народов Прибалтики на самоопределение

Но Буш в своих комментариях был весьма сдержан. Подчеркнув, что по-прежнему доверяет Горбачеву, заявил, что не может сказать, как долго он сможет придерживаться позиции «не наказывать» Советский Союз. Да, он не хочет, чтобы перенос саммита выглядел как пощечина Горбачеву, и не собирается следовать за европейцами, объявляя экономические санкции. Однако без ясных сигналов, что стремление к самоопределению не будет подавлено войсками, наши отношения будут в опасности. Еще один подобный инцидент – и мы окажемся в пропасти, из которой нет выхода.

В общем, речь шла в основном о Прибалтике, причем в весьма жестких тонах. Об этой встрече в Белом доме написано много – и в мемуарах, и в исследованиях. А вот что происходило в это время на нижних этажах дипломатии, до сих пор остается в тени, и результаты оцениваются до сих пор по-разному.

А происходило там вот что. В Госдепартамент приехали два малоизвестных советских дипломата: переводчик Горбачева Павел Русланович Палажченко и замдиректора Департамента стран Африки и Ближнего Востока Олег Михайлович Дерковский. Там они уединились с доверенным помощником Бейкера Деннисом Россом и приступили к делам.

Росс сообщил, что в Госдепе внимательно проанализировали проекты заявлений по Персидскому заливу и Ближнему Востоку, переданные ранее Бессмертных. И, к удивлению советских участников переговоров, дал согласие на выработку совместного заявления, но не по Ближнему Востоку, хотя и выразил готовность включить в него один абзац на эту тему, а по Персидскому заливу. И передал американский проект такого заявления, где, по его словам, учитывались оба переданных ранее советских текста.

Дерковский и Палажченко тут же проштудировали американский проект и решили, что он подходит в качестве основы для дальнейшей работы. После чего начался долгий дипломатический торг, в ходе которого удалось существенно расширить ближневосточную часть до трех абзацев. Теперь в проекте говорилось о необходимости мирного урегулирования арабо-израильского конфликта и подчеркивалось: «устранение источников конфликтов и нестабильности в регионе невозможно без полнокровного мирного процесса, способствующего справедливому миру, безопасности и подлинному примирению между Израилем, арабскими государствами и палестинцами». Правда, Россу удалось исключить из этого текста советское требование о признании прав палестинцев на создание собственного государства и созыве международной конференции под эгидой ООН. Тем не менее урегулирования палести-

но-израильского конфликта и кризиса в Персидском заливе находились теперь как бы в одном ряду.

Но куда сложнее обстояли дела с договоренностью в отношении Персидского залива. Изначально позиции сторон здесь кардинально расходились. Советский Союз настаивал на паузе в военных действиях против Ирака, если тот объявит о своем уходе из Кувейта. А США считали, что этого недостаточно: будет просто передышка, которая даст возможность Ираку восстановить силы. Поэтому военные действия против него должны продолжаться до тех пор, пока он не покинет Кувейт.

Короче говоря, позиции полностью противоположные. Но ушлым дипломатам даже здесь удалось совершить словоблудие, которое выглядело как единая позиция двух сверхдержав, хотя на деле все эти кардинальные расхождения оставались без изменений. И такие словесные трюки можно помещать в учебники по ведению переговоров.

А начался их дипломатический кордебалет с того, что Дерковский и Палажченко вроде бы пошли навстречу американцам и согласились включить в заявление фразу о том, что «целью международного сообщества должен оставаться уход иракских войск из Кувейта». Росс был доволен: цель обозначена. Вот только как ее достичь? Ведь советские эксперты по-прежнему настаивали на прекращении военных действий, если Ирак объявит о своем уходе из Кувейта. И тут Росс тоже вроде бы пошел им навстречу, предложив хитрую, двусмысленную фразу, с которой наши эксперты согласились: «Министры продолжают считать возможным прекращение военных действий, если Ирак даст недвусмысленное обязательство уйти из Кувейта».

Все вроде бы хорошо. На первый взгляд даже выглядело как кардинальный сдвиг в позиции США: они впервые заявляли о возможности прекратить бомбежки и другие военные действия против Ирака еще до того, как он полностью выведет свои войска из Кувейта. Но Росс, широко улыбаясь, говорил, что это не так, и ссылаясь при этом на вставленные по настоянию Бейкера слова: «министры продолжают считать», а не «министры считают», как было раньше. А это значит, что позиция Вашингтона остается прежней: Ирак должен уйти из Кувейта, и только тогда США прекратят военные действия против него. Ваш министр может считать по-другому, и это его право.

Так в чем же смысл этой словесной эквилибристики, вылившейся в псевдокомпромисс? Ведь трактовка, понимание этой фразы у сторон самого начала были разные. Однако в дипломатической практике и такое случается, причем нередко – даже термин специальный есть: **конструктивная двусмысленность**. А смысл этой двусмысленности в

данном случае заключается в том, что общая цель была объявлена, ее достижение общими усилиями обозначено. Но оставались разногласия, как это сделать. США считали: они могут продолжать бомбить Ирак, полагая, что это может заставить его уйти из Кувейта, а Советский Союз мог попытаться уговорить Саддама Хусейна объявить о своем уходе из Кувейта, и тогда можно будет побудить Вашингтон прекратить военные действия против Ирака.

Вот на такой зыбкой основе Палажченко, Дерковский и Росс разработали в предварительном порядке текст «Совместного заявления в связи с ситуацией в Персидском заливе»⁹. Разумеется, некоторые его положения еще оставались в скобках, то есть требовали досогласования, и эксперты условились окончательно решить эти вопросы со своими министрами. Но наши специалисты были одновременно удивлены и рады, что текст совместного заявления удалось согласовать так быстро. А главное – в него вошли советские предложения, против которых раньше американцы решительно возражали. Но Бессмертных вылил на них ушат холодной воды:

– Давайте подождем реакции Бейкера.

Ждать пришлось недолго. Позвонил Росс и сказал, что Бейкер утвердил этот текст, но есть несколько незначительных редакционных поправок. Поправки эти действительно были несущественными, и наши эксперты тут же приняли их. После чего Палажченко сообщил Россу по телефону, что Бессмертных также одобрил этот текст и спросил, нужно ли экспертам встречаться вновь? Росс ответил, что в этом нет необходимости. Завтра предстоит встреча министров, и там они решат, что делать дальше с этим заявлением.

После этого в Москву ушла телеграмма с положительной оценкой прошедших переговоров. Но о подготовленном совместном заявлении в ней по указанию министра ничего не говорилось – только лишь одна короткая фраза: возможность такого заявления обсуждалась, но американцы едва ли примут наш проект.

Естественно, возникает вопрос: почему? В чем секрет этого умолчания? И тут, видимо, тоже крылась маленькая дипломатическая хитрость. Не посылая в Москву этот практически готовый текст, можно было избежать внесения в него поправок, которые до бесконечности затянут окончательное согласование. Но, по мнению наших экспертов, было и другое. Как вспоминает Палажченко, Бессмертных специально

⁹ Полностью текст этого Совместного заявления опубликован в Вестнике Министерства иностранных дел СССР (1991. №4. 28 февраля. С.5–6).

понижил планку ожидания успеха, чтобы произвести больший эффект, когда это заявление будет внезапно обнаружено¹⁰.

И похоже, что события далее развивались именно по этому сценарию. Намеренно или нет, но Бессмертных ловко разыграл публикацию этого заявления в свою пользу. Когда на следующий день, 29 января, они с Бейкером снова встретились в Госдепартаменте, пресс-секретарь Маргарет Тагуайлер объявила журналистам, что ничего интересного не произойдет: министры будут обсуждать скучнейшие технические детали проблем контроля над вооружениями – СНВ и ДОВСЕ. Поэтому они ничего не потеряют, если разойдутся, и вскоре сама уехала домой.

А в это время министры обсуждали как раз текст совместного заявления и без проблем договорились, что оно принято и будет опубликовано. Вот только когда? Бессмертных сказал, что он хочет сделать это немедленно. А Бейкер попытался его урезонить:

– *Саша, бессмысленно что-либо публиковать в тот вечер, когда президент выступит с посланием «О положении в стране». Поверьте, наше заявление не получит и двух строчек ни в одной американской газете¹¹.*

И предложил подождать несколько дней. Но Бессмертных настаивал, что это надо сделать прямо сейчас. В противном случае ему придется направить этот текст в столицу, чтобы получить согласие. А среди чиновников, откровенничал он, окажутся лица, которым это заявление не понравится, и они захотят его ревизовать. И тогда Бейкер нехотя согласился.

БУРЯ В ПРЕССЕ

Дальше события развивались уже в стиле дипломатического детектива. Выходя из Госдепа, Бессмертных встретился с группой журналистов и, отвечая на вопрос, как прошли переговоры, воскликнул: очень хорошо! Им с Бейкером удалось даже согласовать совместное заявление по Персидскому заливу и Ближнему Востоку! После чего, широко улыбаясь, зачитал его пораженным журналистам, и те сразу же бросились сообщать сенсационные новости: США согласны прекратить бомбардировки Ирака, если тот просто объявит о выводе своих войск из Кувейта! Больше того, прекращение вой-

¹⁰ Palazchenko P. *My Years with Gorbachev and Shevardnadze. The Pennsylvania State University Press, 1997. P.257.*

¹¹ Baker J.A. III *Op. cit. P.393.*

ны в Заливе и мирное урегулирование арабо-израильского конфликта теперь находятся в одном пакете!

И помощник президента Скоукрофт, когда пару часов спустя встретился с журналистами в Белом доме, чтобы проинформировать о послании, с которым вскоре выступит президент, был поражен – их интересует совсем другое. Уже первый вопрос прозвучал так:

– Советский Союз и Соединенные Штаты только что обнародовали совместное заявление по Заливу, в котором говорится, что, если Ирак обязуется уйти из Кувейта, война может прекратиться. Означает ли это, что вы больше не настаиваете, чтобы Ирак полностью вывел свои войска из Кувейта и ему просто достаточно обязаться сделать это?

Скоукрофт стал возражать, что они полностью должны уйти из Кувейта, а журналисты цитировали ему выдержки из этого совместного заявления. Но тот только пожимал плечами. Получалось, что помощник президента, ведающий вопросами безопасности, ничего не знал о совместном заявлении, принятом госсекретарем и советским министром.

Не знал об этом и сам президент США. Он находился в гримерной в подвале Белого дома, готовясь к выступлению в Конгрессе с посланием «О положении в стране», когда туда вбежал Скоукрофт и сообщил о пресс-конференции Бессмертных. В своих мемуарах Буш пишет, что был взбешен: «Когда я прибыл на Капитолийский холм, то руководство (Конгресса) сразу же стало засыпать меня вопросами, что означает это новое мирное предложение. Вскоре мы поняли, что это заявление вызвало самый широкий отклик, поэтому пришлось принимать меры по минимизации ущерба»¹².

А тем временем возмущение в прессе и по телевидению нарастало штормовым валом. И получалось, что «Буря в пустыне», как иронизировали мидовские острословы, стала теперь «Бурей в прессе». Что же получается? – шумели практически все газеты США и западного мира. Мы продали своих союзников на Ближнем Востоке и прежде всего – Кувейт и Израиль. Советский Союз возвращается на Ближний Восток с победой. Больше того, Вашингтон соглашается, чтобы Кувейтский кризис и арабо-израильский конфликт решались теперь, по сути дела, в одном пакете.

А аналитики ломали голову, почему Вашингтон пошел на такие уступки. Ведь там бесплатных подарков не делают. Так что – хотят помочь Горбачеву в трудное для него время? Или преподносят диплома-

¹² Bush G., Scowcroft B. *A World Transformed*. Alfred A. Knopf, Publisher, NY. 1998. P.461.

тический успех новому министру Бессмертных, укрепляя тем самым его позиции в советской верхушке? Но в основном ругали Бейкера и обвиняли, что он превысил свои полномочия и создал серьезные проблемы с союзниками.

Вот, например, как оценивал эту ситуацию известный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Уильям Сэфайр. Это совместное заявление он назвал «поражением седьмого этажа» Госдепартамента, где находится офис Бейкера. Оно «ограничило наши военные цели, дало Советам без всяких затрат с их стороны равный статус с нами на Ближнем Востоке и предоставило иракскому диктатору фиговый листок, увязав две проблемы»¹³.

А аналитики еще долго будут спорить, почему произошел этот прокол в обычно непреклонно-твердой позиции «железного Бейкера». Ответ, скорее всего, в том, что он явно недооценил возможного пропагандистского эффекта этого заявления, уповая на его двусмысленность, которую специалисты могли трактовать и так, и так. А вот журналисты с ходу этого не заметили. Тем более что Бессмертных просто зачитал его, а рядом не было ни Бейкера, ни кого-либо из его окружения, кто мог бы объяснить им американское толкование этой двусмысленности. Поэтому журналисты восприняли это заявление так, как слышали. Хуже того, Бейкер не поставил в известность президента и его помощников о том, что заявление согласовано. Почему? – Можно только гадать. Но по сути это означало, что он просто подставил их.

Так каковы реальные результаты этого первого визита нового советского министра в Вашингтон, которые в Москве оценивали тогда весьма положительно?

На первое место можно поставить это совместное заявление. Хотя по содержанию его можно считать и пустым, и двусмысленным, но оно обеспечило Советскому Союзу явный пропагандистский успех. Во-вторых, Бессмертных удалось договориться о переносе встречи в верхах, а в качестве причины были названы не кровавые события в Прибалтике, как грозили Буш и его советники, а война в Персидском заливе, а также задержка с согласованием Договора по СНВ, который Буш и Горбачев намеревались подписать во время этой их встречи. И, наконец, министру удалось заполучить обещание Буша не вводить экономические санкции в связи с событиями в Прибалтике.

В общем, на седьмом этаже Смоленской высотки, где находился кабинет советского министра, праздновали победу. Но недолго. Руку по-

¹³ *New York Times. February 21, 1991.*

мощи Бейкеру протянул не кто-нибудь, а... Саддам Хусейн. В самый разгар скандала с этим совместным заявлением Ирак неожиданно нанес удар по приграничному городу Хафджи в Саудовской Аравии, где погибло 12 американских морских пехотинцев.

Американцы, естественно, тут же нанесли массовые ракетно-бомбовые удары по Ираку, и в Вашингтоне, да и не только там, решили, что настало время приступить к наземной операции против этого коварного Ирака. Скандальное заявление Бейкер – Бессмертных было тут же позабыто, и пресса переключилась на войну.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ БУРЕ В ПУСТЫНЕ

Разумеется, в Москве в те дни тоже обсуждали всю эту вакханалию, ведущую уже к прямому вторжению в Ирак. И 9 февраля на кризисной группе остро встал вопрос, что делать? Председательствовал Горбачев, и на этот раз все ее участники без исключения выступали с резким осуждением политики США, а Язов и Крючков предсказывали неминуемое вторжение американцев в Ирак для свержения ненавистного им Саддама Хусейна. Горбачев тоже гневался:

– *Для чего они нагнетают все эти страсти в отношении Ирака? – спрашивал он. – Не иначе, как готовят общественное мнение к возможности применения ядерного оружия!*

Крючков говорил, что в этой ситуации надо убедить Саддама уйти из Кувейта. У нас имеется специальный канал связи с ним, и через него мы можем подбросить ему все эти мысли, оставаясь сами в тени и сохраняя лицо. А Бессмертных выступал за то, чтобы немедленно пригласить в Москву Тарика Азиза и предупредить о возможных последствиях продолжающейся оккупации Кувейта. Однако Горбачев сказал, что у нас нет времени на промежуточные разговоры. Нужно направить нашего представителя к Саддаму Хусейну, и обратился прямо к Примакову:

– *Вьелететь нужно как можно скорее.*

Примаков ответил, что готов, и тут же спросил у Бессмертных:

– *Саша, ты дашь мне своих ребят?*

– *Кого именно?* – спросил министр.

– *Директора департамента стран Ближнего Востока Василия Колотушу и заведомом этого департамента Сергея Кирпиченко.*

Возражений не последовало¹⁴.

¹⁴ *Беседа автора с В.И.Колотушей; Примаков Е. Минное поле политики. М.: Молодая*

Добираться до Багдада им пришлось через Иран: другие пути были уже перекрыты. И 12 февраля, когда они въехали, наконец, в советское посольство, на иракскую столицу – специально или нет – обрушился самый сокрушительный бомбовый удар. К тому времени большинство советских сотрудников и семьи были эвакуированы в Москву, а добровольно оставшимся дипломатам – их было всего 30 человек во главе с послом В.В.Посувалюком – существовать приходилось в «трубоубежище», как иронизировал посол. Ведь это была просто труба диаметром около двух метров, засыпанная сверху землей и обложенная балками.

Но встреча с Саддамом Хусейном происходила не в этой трубе и не в бомбоубежище, где он обычно скрывался, а в одном из роскошных гостевых особняков иракского президента в самом центре Багдада: Саддам, видимо, хотел показать гостям из Москвы, что не боится американских бомб.

Примаков со свойственной ему прямотой сказал Хусейну, что американцы решительно настроены начать широкомасштабную сухопутную операцию. В результате группировка иракских войск в Кувейте будет разгромлена. И предложил ему, не теряя времени, заявить о выводе своих войск из Кувейта, обозначив в этом заявлении наикратчайшие сроки такого вывода. Причем вывод должен быть полным и безусловным.

Саддам Хусейн ответил, что готов вывести войска, но ему надо посоветоваться с коллегами по руководству, которых он соберет этой ночью и тут же даст ответ. А в два часа ночи в посольство приехал министр иностранных дел Тарик Азиз и привез такой ответ: иракское руководство серьезно изучает эти идеи и даст ответ в ближайшее время.

В общем, в Москву Примаков возвращался с пустыми руками. Саддам Хусейн упрямо тянул время, видимо, еще надеясь, что американцы не решатся начать наземную операцию, которая и им обойдется немалой кровью. Но в Багдаде визит Примакова и его встреча с Саддамом Хусейном с фанфарами подавались на радио и телевидении, так что в Вашингтоне были даже напуганы. Нет, не тем, что Советский Союз собирается вступить в войну на стороне Ирака, а тем, что Саддам может послушаться Примакова и добровольно уйти из Кувейта. Вот, например, что написал в своем дневнике президент Буш по поводу этого визита Примакова:

«Моя озабоченность была вызвана тем, что он (С.Хусейн. – О.Г.) мог уйти из Кувейта до того, как мы перемолотили его бронетехнику и тя-

железные вооружения. И это подчеркивало необходимость начать наземную кампанию и завершить дело – лучше скорее, чем позже»¹⁵.

Но и тут иракский диктатор успокоил американцев. Через несколько дней Совет революционного командования Ирака (СРК) выступил с гневным заявлением, разоблачавшим «гноусные планы сионизма и американского империализма и не менее гнусные замыслы их пособников и марионеток из числа коррумпированных правителей региона, идущих наперекор воле Аллаха». Военные действия США были расценены как «грязная и трусливая война», как «агрессия против Ирака, в которой он уже победил, потому что стоек, смел, верит в Аллаха, горд и силен духом».

По существу это был ответ, хотя и не прямой, также и на предложения, которые привез в Багдад Примаков. Тем более, что 17 февраля поздно вечером в Москву прилетел Тарик Азиз, но определенного ответа на переданные Примаковым предложения он так и не привез. При встрече с Горбачевым, отвечая на прямо поставленный им вопрос, с чем он приехал, сказал: Выяснить, что намерен предпринять Советский Союз? Какие советы хотели бы нам дать в Москве? Как вам видится возможность достижения почетного мира в регионе? И подчеркнул: Ирак ни в коем случае не пойдет на капитуляцию. Первым шагом к началу мирного процесса должно стать прекращение агрессии против Ирака. А заявление СРК он преподнес как средство облегчить участие СССР в процессе достижения мира и заручиться максимальной поддержкой на мировой арене.

В ответ Горбачев выдвинул **план из 4-х пунктов**, подготовленный в МИДе:

1) Ирак должен четко подтвердить готовность вывести войска из Кувейта.

2) Вывод его войск мог бы начаться уже на следующий день после прекращения огня, которое необходимо для практического осуществления этого вывода войск.

3) Должно быть ясно определено, какой срок понадобится для вывода войск.

4) Ирак вправе потребовать для себя гарантии безопасности в ходе осуществления вывода своих войск из Кувейта.

И подчеркнул: если Ирак выступит с таким заявлением, это откроет путь к созыву Совета Безопасности, где можно было бы всесторонне проанализировать создавшуюся ситуацию. А Азизу сказать, видимо, было нечего, кроме общих слов, что состоявшаяся беседа будет тщательно проанализирована иракским руководством и он незамедлительно

¹⁵ *Bush G., Scowcroft B. Op. cit. P.464.*

даст ответ. После чего тем же вечером вылетел в Тегеран, а оттуда в Багдад.

В тот же вечер пресс-секретарь президента Виталий Игнатенко сообщил журналистам, что Горбачев выдвинул конкретный план действий по урегулированию конфликта в Персидском заливе политическими средствами. Но не стал его раскрывать. А через несколько часов «План Горбачева» был передан Бушу и руководителям ведущих западных держав.

Но негативную реакцию Вашингтона предугадать тогда было несложно. 19 февраля после недолгих колебаний президент Буш принял окончательное решение не менять курс на вторжение. Больше того, еще через день, 21 февраля, в Вашингтоне было принято решение предъявить Ираку ультиматум, а в случае отказа начать вторжение. **Суть этого ультиматума:**

Первое. Ирак должен начать широкомасштабный вывод своих войск из Кувейта к полудню 23 февраля по нью-йоркскому времени и закончить его за одну неделю. В течение этой недели он должен вернуть свои войска на позиции, которые они занимали 1 августа, то есть до начала агрессии, как того требует резолюция Совета Безопасности 660.

Второе. Ирак должен освободить всех военнопленных и граждан третьих стран, удерживаемых против их воли. Эта акция должна начаться сразу же с началом вывода войск и завершиться в течение 48 часов.

Третье. США и их союзники по коалиции не станут атаковать отступающие иракские войска и в дальнейшем будут проявлять сдержанность до тех пор, пока вывод войск производится в соответствии с вышеизложенными условиями.

И в заключение: «Любое нарушение этих условий приведет к немедлительному и резкому ответу со стороны сил коалиции в соответствии с резолюцией 678 Совета Безопасности ООН»¹⁶.

Об этом ультиматуме Вашингтон тут же проинформировал союзников по коалиции. А Горбачеву Буш направил послание, в котором поблагодарил за предпринимаемые им усилия, и высказал твердое несогласие с ними. Прекращения огня не будет, подчеркнул он, до тех пор, пока иракцы полностью не выведут свои войска из Кувейта и не произойдет немедленный обмен военнопленными. Вот и все – об ультиматуме ни слова. Только пресса подняла шум, из чего можно было сделать вывод, что Вашингтон не собирается сидеть сложа руки.

¹⁶ *New York Times. February 23, 1991.*

Наступила недолгая пауза: в Вашингтоне ждали, как отреагирует Москва и Багдад на американский ответ в отношении плана Горбачева. А ультиматум держали пока в заначке.

* * *

Реакция Багдада была хорошо предсказуемой, во всяком случае, среди специалистов-ближневосточников. 21 февраля Саддам Хусейн выступил с резкой воинственной речью: «Нет иной дороги, кроме той, которую мы избрали, – заявил он. – Мы избрали путь борьбы и будем стоять на этом пути... Мы продолжим борьбу. Мы добьемся победы... Они боятся вступить с нами в единоборство на земле. Многие не знают действительной мощи нашей армии... Они хотят, чтобы мы капитулировали. Однако они будут разочарованы. Ирак велик! Слава арабской нации!»¹⁷

В общем, угроза войны обвалью нарастала, и в Москве ждали теперь Т.Азиза, который должен был привезти, наконец, ответ на предложения Горбачева. Он прилетел поздно вечером все в тот же день 21 февраля и прямо из Внуково направился в Кремль. Горбачев принимал его там уже глубокой ночью – в начале первого. Присутствовали Примаков, Черняев и Игнатенко, а переводил Сергей Кирпиченко.

– *С чем вы к нам приехали на этот раз?* – сурово начал беседу президент.

Ответ иракца, если суммировать коротко, сводился к следующему.

Первое. Ирак готов полностью вывести войска из Кувейта в течение срока, о котором надо еще договориться. Но сначала должны быть полностью прекращены огонь и все военные действия, после чего незамедлительно и начнется этот отвод.

Второе. Одновременно с прекращением огня должны быть отменены все резолюции Совета Безопасности ООН и все вытекающие из них последствия, то есть санкции.

Третье. Эти положения должны быть воплощены в новой резолюции Совета Безопасности, на осуществление которой Ирак сразу же даст согласие.

Первый пункт, хотя и не был конкретизирован, возражений не вызывал. А вот второй был явно неприемлем для Запада, на что сразу же обратил его внимание Примаков. Но Азиз начал спорить, выдвигая на первый план именно отмену резолюций Совбеза, ставя вопрос так: либо отмена резолюций, либо война до конца. Все 18 миллионов иракцев,

¹⁷ Ibid. February 22.

убеждал он, будут сражаться, даже если не останется тяжелого оружия. Они прибегнут к террористическим актам. Все помнят, как два ливанца переполошили Америку, взорвав в Ливане казарму с американскими солдатами.

Видя, очевидно, бесполезность дальнейшей дискуссии на эту тему, Горбачев перешел к конкретизации пункта первого и тут явно огорошил иракского министра, сообщив, что американцы настаивают на выводе иракских войск всего за 4 дня. Но Азиз решительно отверг этот срок, равно как и другие предлагавшиеся уже нами сжатые сроки, поскольку они будут означать, что Ираку придется бросить все и уйти без оружия. А со своей стороны называл долгие сроки, начав с трехмесячного. Не помогли и доводы Примакова, который резонно убеждал, что американцы не намерены так долго ждать и что их войска уже приведены в боевую готовность. Минимальный срок, на который соглашался тогда Азиз, был 6 недель – 42 дня.

В общем, конкретных договоренностей достичь не удалось. И тогда Примаков предложил обтекаемый проект плана выхода из этого кризиса, который можно будет передать американцам и сообщить печати.

1. Ирак заявляет о полном и безоговорочном выводе своих войск из Кувейта.

2. Их вывод начнется на следующий день после прекращения военных действий.

3. Вывод войск будет осуществляться в фиксированные сроки.

4. После вывода двух третей всех вооруженных сил из Кувейта будут прекращены действия экономических санкций, предусмотренных ООН.

5. После окончания вывода войск из Кувейта будут исчерпаны причины, по которым были приняты резолюции Совета Безопасности, и поэтому эти резолюции прекратят свое действие.

6. Сразу после прекращения огня происходит освобождение всех военнопленных.

7. За отводом войск наблюдают страны, не участвующие в конфликте, по поручению Совета Безопасности ООН.

Внешне, особенно для непосвященной публики, план этот выглядел куда как прекрасно. Но для специалистов было ясно, что сформулирован он неконкретно, так чтобы выглядеть привлекательным и дать возможность приступить к дискуссии по его осуществлению. Но в нем отсутствовало главное: когда и как будут выводиться иракские войска из Кувейта. Хуже того – содержались положения об отмене санкций и резолюций, принятых Советом Безопасности ООН в отношении агрессии Ирака, что для Запада было совершенно неприемлемо. Короче гово-

ря, план этот, хотя и в завуалированном виде, больше отражал позицию Ирака.

Поэтому Т.Азиз с ним сразу же согласился, и на этом обсуждение закончилось.

Было уже почти три часа ночи, когда Игнатенко вышел к журналистам и сообщил, что выход из тупика найден. После чего зачитал план, предложенный Примаковым. А Горбачев тут же позвонил в Вашингтон и в течение получаса информировал «друга Буша» о договоренности, только что достигнутой в беседе с министром иностранных дел Ирака. Вот только на президента США она явно не произвела впечатления.

* * *

Но переговоры в Москве на этом не закончились. Уже в полдень 22 февраля, зевая после бессонной ночи, в мидовском особняке, что на улице Алексея Толстого (теперь Спиридоновке), снова встретились Примаков, Бессмертных, Белоногов и Тарик Азиз. Начались долгие и нудные переговоры относительно корректировки и конкретизации только что принятого плана из семи пунктов.

Примаков и Бессмертных пытались убедить Азиза, что американцы не согласятся с пунктами об отмене резолюций Совета Безопасности и экономических санкций и поэтому их следует убрать. В противном случае это приведет к ультиматуму и вторжению американских войск не только в Кувейт, но и в Ирак. В конце концов и с большой неохотой Азиз согласился исключить пункт 4 о прекращении экономических санкций после вывода двух третей всех войск из Кувейта. Но твердо настаивал на пункте 5 – автоматическом прекращении действий всех резолюций Совета Безопасности сразу же после полного ухода иракских войск. На этом и пришлось остановиться.

Другим спорным вопросом был срок вывода иракских войск из Кувейта. И здесь нашим переговорщикам тоже удалось выдать уступки у упрямого иракца. Теперь пункт 3 гласил, что из столицы Кувейта города Эль-Кувейт иракские войска будут выведены за 4 дня, а из всей страны – за 21 день.

Удалось добиться уступок и в отношении сроков освобождения военнопленных. Теперь Ирак соглашался осуществить это в течение 3-х суток после прекращения огня.

В общем, прогресс был, хотя и небольшой. Но тут Азиз заявил, что у него нет полномочий для принятия таких подвижек и поэтому говорил о них лишь в предварительном плане. Он, видимо, испугался, что Саддам будет недоволен такими уступками и обрушит на него свой гнев, а потому предложил, чтобы вместе с ним в Багдад полетел Примаков – пусть, мол,

он доказывает грозному вождю, зачем все это нужно. Но наши переговорщики не согласились: это будет воспринято в мире как провал переговоров в Москве, а Ирак ведет политические игры, чтобы просто тянуть время. И все это лишь подтолкнет американцев к вторжению¹⁸.

Поэтому в Багдад С.Хусейну об этих подвижках было сообщено по каналам шифросвязи советского посольства, так как аналогичные иракские каналы уже не работали. Теперь предстояло ждать реакции сурового иракского диктатора.

Но Горбачев ждать не стал. В тот же вечер – второй раз за этот день, 22 февраля, – он позвонил Бушу и рассказал о подвижках, которые удалось выдать нашим переговорщикам. Пожалуй, это был их самый долгий разговор: он продолжался 1 час 40 минут, и в нем участвовал также госсекретарь Бейкер.

Однако, несмотря на все старания Горбачева изобразить прорыв, реакция американцев оставалась негативной. Ему было твердо заявлено, что предусмотренный этим планом вывод войск «не является ни немедленным, ни безоговорочным. Более того, его план предоставил бы Ираку полный иммунитет от различных санкций, репараций и ответственности, введенной другими резолюциями Совета Безопасности, как следствия вторжения в Кувейт»¹⁹.

После этого начался долгий и безрезультатный спор: Горбачев доказывал, что он предлагает единственно возможный выход из этого тупика без войны, а Буш долго и страстно говорил, что его план неприемлем. И как пишет Анатолий Черняев в своих дневниковых записях того дня, «попытки М.С. его прервать не имели успеха. М.С., прослушав две–три минуты, то и дело произносил: "Джордж! Джордж! Джордж!" Но тот не унимался».

В итоге Буш прочитал Горбачеву полный текст ультиматума, который он предъявит Саддаму Хусейну уже прямо сегодня. А Горбачев просил дать ему еще несколько дней, для переговоров с Хусейном. Но американский президент и тут проявил твердость: «Этот человек (С.Хусейн. – *О.Г.*) способен на что угодно. Они подожгли нефтепромыслы. Мы не можем с ними согласиться».

На этом их долгий разговор был завершен. Президент Буш тут же дал указание своему пресс-секретарю М.Фитцуотеру опубликовать ультиматум. И часа не прошло, как он прогремел на весь мир.

¹⁸ Более подробно обо всем этом см.: Белоногов А. Указ. соч. С.323–325.

¹⁹ Здесь и далее: Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох 1972–1991. М.: РОССПЭН, 2008. С.919–921; Baker J.A. III. *Op. cit.* P.405–406; Bush G., Scowcroft B. *Op. cit.* P.476–477.

Между тем ответ из Багдада пришел поздней ночью того же 22 февраля – он был положительным. Поэтому утром 23 февраля Бессмертных и Азиз созвали пресс-конференцию, на которой иракский министр объявил, что его страна поддерживает план урегулирования кризиса в Персидском заливе, назвав этот план советским.

А Горбачев снова звонил в Вашингтон Бушу и, как пишет Черняев, «доказывал, спорил, убеждал, предостерегал, проговаривал все возможные последствия» и пытался убедить, что Хусейн «уйдет, деваться ему некуда». И не надо жертв и разрушений, которые принесет «Буря в пустыне». Но безрезультатно.

ФИНАЛ

Операция «Буря в пустыне» началась на рассвете 24 февраля по московскому времени и продолжалась... всего 72 часа. Иракская армия, которую так восхвалял С.Хусейн, была разгромлена, и началось ее беспорядочное бегство из Кувейта. Хотя в первом коммюнике, переданном по багдадскому радио, сообщалось, что «наступление противника полностью провалилось» и его солдаты «плавают в крови». Дальше – больше. Американские войска, провели перегруппировку и нанесли мощный удар по войскам, находящимся на самой иракской территории, и начали продвижение в глубь Ирака по дуге в направлении Басры, создавая угрозу окружения иракской армии не только в Кувейте, но и на юге страны.

Поэтому уже вечером 27 февраля постоянный представитель Ирака в ООН объявил, что иракские войска полностью ушли из Кувейта и правительство Ирака согласно выполнить все резолюции Совета Безопасности ООН. А поздно ночью Бейкер позвонил Бессмертных и сообщил, что многонациональные силы прекращают военные действия против Ирака с 8 часов утра 28 февраля по иракскому времени, поскольку Кувейт освобожден и Багдад согласен теперь выполнить все резолюции ООН.

Так состоялось «принуждение» Ирака к миру и позорному бегству из Кувейта. На Багдад американцы не пошли и свергать Хусейна не стали, за что потом президента Буша-старшего начали поругивать в Соединенных Штатах. Но стратегическая цель американской операции «Буря в пустыне» была выполнена: Кувейт освобожден, иракские вооруженные силы разгромлены и теперь лишены возможности угрожать союзникам США на Ближнем Востоке. Опоры советского влияния в этом регионе, да и не только там, зашатались.

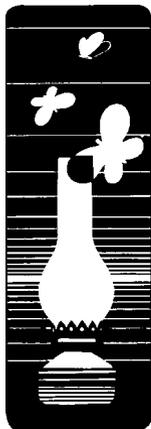
Нелепа бытующая в обыденной жизни человека точка зрения, согласно которой наследник воспринимается как вытесняющий, как враг, как убийца своего предшественника; в действительности же он именно служит ушедшему, пытаясь продолжить его добродетели и для этого занимая освобожденное им место.

Хосе Ортега-и-Гассет

**Вера – не доверенность к чужому
уверению, но действительное
событие внутренней жизни...**

И.В. Киреевский

Ксения Мяло

**РУССКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ
ЦЕРКОВЬ
И СОВЕТСКОЕ
НАСЛЕДИЕ**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
261.7

The article is devoted to analysis of the Russian Orthodox Church present day position and attitude to the Soviet period of Russia's history. In connection with that the author refers to the prehistory of the question and considers evidence provided by representatives of those cultural and proper church Russian traditions from which the higher clergy of the Russian Orthodox Church Moscow Patriarchate has recently taken an increasing distance. A particular attention is paid to the Moscow Patriarchate hierarchs' opinions of causes and character of the Great Patriotic war that were aired in the course of the outgoing year. In the concluding part of the article the author examines possible general meanings of these new trends as well as of reunification of the Russian Orthodox Church of Moscow Patriarchate and of the Russian Orthodox Church Abroad.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Российская Православная Церковь; социализм; воссоединение Церквей; свобода воли.

E-mail: ks_mialo@list.ru

Заррин-Тадж села на один из корней чинары, который уходил вглубь, точно хищная рука, и заметила еще, что на высоте ствола росли камни. Должно быть, река в свои разливы громила чинару под корень горными камнями, но дерево въело себе в тело огромные камни, окружило их терпеливой корою, обжило и освоило и выросло дальше, кротко подняв с собою то, что должно было бы его погубить...

Андрей Платонов, «Такыр»

БЕЗ НАДГРОБНОГО ПСАЛМА

Древняя максима «о мертвых либо хорошо, либо ничего», по сути дела, всегда – или почти всегда – оставалась лишь благим пожеланием и рекомендуемой нормой, даже в отношении простых смертных. Что же до великих и сильных мира сего, чьи мнения, решения и свершения неизбежно и нередко определяющим образом воздействуют на жизнь и судьбы множества людей и даже целых народов, то буквально следовать ей и вовсе невозможно; в противном случае пришлось бы вообще отказаться от любых попыток напоминать, а тем более понимать историю. Ибо она творится людьми – и это утверждение справедливо даже со строго религиозной, по крайней мере, христианской точки зрения. Об этом митрополит Антоний Сурожский (Блум) напомнил на встрече с творческой интеллигенцией Москвы еще в октябре 1989 года. То есть именно тогда, когда мы стояли на пороге новых потрясений и когда вопрос о личном, волевом и свободном, выборе каждого, независимо от его земного статуса – будь он самым высоким или самым скромным, – приобретал особо острое звучание: «Что касается до воли Божией и воли человеческой... Еще отцы Церкви в древности говорили, что история определяется тремя волями: волей Божией, волей бесовской и волей человеческой. И они указывали на то, что воля Божия – всемогущая, всегда благая – сама себе положила пределом человеческую свободу...»¹.

А коли так, то история в нашей памяти должна жить – и всегда живет – как череда дат и событий, как галерея лиц, каждое из которых имело не только имя и узнаваемый облик, но и свою собственную волю, претворенную в деяния. И вот они-то не могут не быть подсудны истории. Потому, разумеется, никто из великих не вправе надеяться обрести за гробом надежное убежище не просто от obsуждений, но и от самых

¹ Цит. по: Златоуст. М., 1992. С.1.

беспощадных осуждений, обличений и ниспровержений, балансирующих на грани недопустимого: глумливого гробокопательства и осквернения праха. А порою такую грань и пересекающих.

К сожалению, именно это и произошло в нашей стране, где за минувшие 20 лет, похоже, уже не осталось непрерывных могил и непрерывных костей. Одно имя, однако, остается вне конкуренции: Сталин. Вот уже почти столетия миновало с того тайного, ночного (и уже в этом было нечто сумеречно-зловещее, вурдалачье) перезахоронения его праха, а все не убывает очередь желающих покопаться в этом, наверное, самом знаменитом в истории гробу. Но приблизились ли мы за это время к пониманию сталинской эпохи, всех громадных, вмещенных ею событий, к пониманию советской эпохи вообще – в ее глубинных связях с отечественной историей, равно как и с мировой? Ничуть, и даже растеряли то, что уже имели. А между тем стоим на пороге нового витка этих раскопок, словно мы навеки обречены блуждать по лабиринтам гигантского склепа.

Нет необходимости подробно напоминать о чудовищном по силе информационном ударе, нанесенном общественному сознанию (еще до распада СССР, когда стартовала кампания по «ломке стереотипов»). Притом сознанию, совершенно не подготовленному к такому удару за десятилетия весьма строгой информационной диеты и в определенном смысле почти столь же беззащитному, что и сознание ребенка. А потому я считаю глубоко несправедливыми нередко звучащие сегодня утверждения, будто народ «сам во всем виноват», что он «не сопротивлялся» и чуть ли не с наслаждением, притом весь поголовно, хлебал варево, ежедневно тоннами выливаемое на него по каналам СМИ, заметим, абсолютно подконтрольным правящей партии. Это далеко не так – напротив, реакция была очень болезненной, и болезненность эта усугублялась сознанием собственного бессилия, которое более чем объяснимо. Ведь по причинам, которые, думаю, в комментариях не нуждаются, подавляющая часть населения СССР не обладала (да и не могла обладать) даже малой долей той информации, которой располагал авангард «ломки стереотипов» и которую он, препарировав и аранжируя по своему усмотрению, потоками извергал на страну. Авангардом же этим, нервом, движителем, рупором всяческой ломки стала и почти до конца 90-х годов оставалась советская по своему происхождению, в основном столичная, интеллигенция, по некоторому недоразумению названная у нас демократической. Вот она-то и получила в свое распоряжение, по меньшей мере, все девятилетие для выполнения задачи полной и окончательной десоветизации общественной жизни России, равно как и общественного сознания.

Целое десятилетие в эпохи крутых социальных перемен – срок немалый: и за более короткое время, бывало, рушились целые царства и воздвигались новые. Ну, что до разрушения царства прежнего, то тут действительность превзошла все ожидания и надежды, взлелеянные на кухнях, где запоем читали Андрея Амальрика. Который, как, наверное, не все покуда забыли, пророчил гибель СССР как последней в мире и по определению приговоренной империи (позже эта мысль была подхвачена и выведена на совершенно другой политический уровень академиком Сахаровым) еще до 1984 года. А вот с воздвижением царства нового вышла заминка, в сущности, делящаяся и по сей день. Демократизм лидеров и зачинателей радикальной ломки очень быстро, почти так же быстро, как пал и Советский Союз, обнаружил свою камуфляжную природу, а новых идей, способных связать в единое целое все еще огромную страну, где вдобавок развивается тенденция расползания не только на региональные, но и (о чем говорится гораздо реже) почти непроницаемые друг для друга социальные анклавов, не явилось. К тому же новая социальная реальность, возникшая на обломках прежней жизни, оказалась столь жесткой, а грубое неравенство, ставшее фундаментом всей структуры новых общественных отношений, так сильно затронуло и саму интеллигенцию, что она стала быстро расслаиваться и терять свою общую идентичность и влияние. В сущности, та интеллигенция, которую Россия знала на протяжении более полутора столетия, уходит, полагая, необратимо. Та же часть ее, которая шла в авангарде перестройки и последовавшего за ней крушения всего советского уклада жизни, уходит, так и не справившись с другой частью своей задачи, так и не доведя до конца процесс обвальной десоветизации общественного сознания, в начале перестройки стартовавший под кодовым названием «десталинизация». Нашумевшие итоги кампании по выбору «имени России» наглядно показали это. А потому вряд ли эта социальная группа еще может быть востребована в качестве основной ударной силы для выполнения прежней работы – коль скоро власти РФ снова обозначат достижение той же цели в качестве одной из своих первостепенных забот.

* * *

До недавнего времени такая перспектива не казалась слишком реальной, а некоторые тенденции путинского восьмилетия внушили немалому числу людей надежды на то, что ничего похожего на пропагандистский шквал перестройки больше не будет и что придет, наконец, осознание необходимости восстановить целостность отечественной исто-

рии. А ее, конечно же, не восстановить циклическими повторениями кампаний по «де». Однако череда событий последних шести месяцев уходящего года внезапно перенесла нас в подобие некоего «дежа вю», поставив общество перед перспективой не только новой «десталинизации», но и обращения, для запуска нового ее витка, к фальшивой (еще к концу 80-х годов исчерпавшей себя) схеме XX съезда КПСС. Именно так, например, ставит вопрос президент фонда «Эффективная политика» Глеб Павловский, комментируя выступление президента РФ Д.Медведева «Россия, вперед», с резко расставленными в нем антисоветскими и особенно антисталинскими акцентами.

Оно уже вызвало весьма благосклонные отклики на Западе, где было воспринято как своего рода жест согласия с заявлением ОБСЕ от 2 июля 2009 года о необходимости осудить фашизм и сталинизм как тоталитарные режимы, равно ответственные за совершение преступлений против человечества. Павловский же, солидаризируясь с такой оценкой, почему-то возводит ее истоки к XX съезду, к тому же объявляя «антисталинизм» ни больше ни меньше как «официальной доктриной советского и (!) российского общества», которая «пересмотрена быть не может. Как в Германии не может быть пересмотрен антинацизм. Если пересматривается доктрина, надо создавать другое государство»².

Между тем любому человеку в нашей стране, а уж г-ну Павловскому тем более, известно, что о создании именно нового государства, которое никак не следует отождествлять с СССР, неоднократно заявляли сами руководители РФ, а потому, конечно, особенно умиляет это «и». Известно ему и то, что никакой подобной «официальной доктрины» не существовало и в СССР, а уж коли бы она была, то сформулировать ее могла только КПСС. Но она давно утратила власть, а все произошедшее назвали революцией, не так ли? Так о какой преемственности «доктрин» может идти речь? Напротив, поменялись и все доктрины, обрушился самый каркас хрущевского доклада, целиком построенного на противопоставлении сияющего ничем не запятнанной чистотой образа Ленина и окружающей его столь же блистающей архангельской рати, то бишь «ленинской гвардии», и прокрававшегося в эти небесные сферы демона, Сталина, наделенного в докладе даже комичным, при иных обстоятельствах, обликом исчадия ада с ярмарочного лубка.

Протекшие с тех пор годы давно уже разнесли в щепки всю эту схему, и вернуться к ней невозможно, даже осуществив глубокую инфантильную регрессию национального сознания. Ответом на подобный

² *Независимая газета. 2009. 2 ноября.*

эксперимент скорее всего станет уже абсолютное равнодушие ко всему выходящему за пределы своей частной жизни. Но о каком развитии, да и о каком государственном строительстве, можно будет в таком случае говорить?! А потому все сказанное можно было бы принять за циничную и не слишком уместную шутку, если бы не продолжение, а оно, по Павловскому, таково: «Все-таки наше общество и страна остаются во многом еще советскими (впечатляет это "все-таки" почти сразу же после дружественно объединяющего эпохи "и". – К.М.). И роль сталинизма в советском наследии неустранима. В этом смысле советское наследие и антисталинское, и сталинское одновременно. Оно расколото, как было расколото советское общество по этому поводу после Хрущева. Поэтому никак не удастся удалить Сталина – до сих пор не проанализирован советский опыт. *Чтобы идти дальше*, нужна уважительная, но глубокая критика советского опыта. А этой критики нет»³.

«Никак не удастся удалить Сталина» – это, конечно, звучит и после полувековой одержимой возни с его прахом может даже восприниматься как своего рода признание масштабов личности противника. Но не ясно другое. Если, предположим, целью такого то ли анализа, то ли критики является, помимо «удаления Сталина», все-таки признание некоторых достоинств и достижений советской эпохи, то каким же образом можно отделить от них человека, на протяжении почти 30 лет обладавшего если не абсолютной, то, безусловно, огромной властью в стране и, стало быть, более всех причастного не только к ее падениям и преступлениям, но и к победам и свершениям?

Иными словами, как можно «устранить неустранимого» из советской эпохи, не сняв их единым блоком. То есть не обрушив вконец и саму эпоху. Думаю, это прекрасно понимают и архитекторы новой «десталинизации», а потому то, что лишь на первый взгляд может показаться очередным приступом мании преследования то ли тенью Сталина, то ли его тени, в действительности, метит гораздо дальше и глубже. Реализация этих дальних целей, конечно, уже не по плечу ветеранам перестройки, что и показали их первые публицистические залпы, последовавшие тотчас же за выступлением президента Д.Медведева. Для создания фона, для начальных па «от печки» подобное еще приемлемо и, надо полагать, будет востребовано; но для выполнения фундаментальной работы – нет. Для нее требуется боец куда более тяжелого веса, который и выступает на авансцену.

³ Там же (курсив мой. – К.М.).

СЛОВО С АМВОНА

Чрезвычайно усилившаяся и окрепшая за те же 20 лет, в течение которых вначале торжествовала, а затем расслаивалась и истаивала еще недавно столь влиятельная светская

интеллигенция, сегодня Русская Православная Церковь обладает несравненно большими ресурсами влияния на общество. В том числе и на те слои населения, которые всегда оставались непроницаемыми для либералов-западников, слишком быстро срывавшихся в обличение России как таковой, будь она «белая» или «красная», царская или советская. А также – и в особенности – всех мыслимых и немыслимых пороков «рабской русской души». Кроме того, Церковь куда как более надежно, нежели любая светская группа, защищена от несогласий с ней, а уж тем более от сколько-нибудь острой полемики. Защищена своим многовековым авторитетом, достоинством сана, а также – и не в последнюю очередь – широко распространенными в современной России уклончивостью и конформизмом, что позволяет РПЦ более свободно, чем когда-либо в ее истории, и все более непререкаемо высказываться даже по вопросам общенационального значения, отнюдь не находящимся в ее исключительной компетенции (по крайней мере, покуда не отменена 14-я статья Конституции, объявляющая РФ светским государством).

Словом, потенциал ее возможностей таков, что на сегодняшний день, пожалуй, только она одна могла бы справиться с задачей исцеления ран, нанесенных очередным разрывом в русской истории, вернуть народу чувство целостности его прошедшей сквозь время личности. Наконец, раскрыть духовные смыслы этого времени. Могла бы – но вопрос в том, стремится ли она к этому. Готова ли признать достоинство ушедшей эпохи, признать заключавшуюся в ней правду и связь этой правды с многовековыми чаяниями и устремлениями народа. И готова ли пройти еще дальше, признав сокровенную связь этой правды с некогда усвоенными народом христианскими идеалами. Как это уже сделала Католическая Церковь, сумевшая, невзирая на ужас, кровь и грязь Французской революции, невзирая на ее яростный антиклерикализм, связать ее воедино с христианской Францией.

А сделал это Иоанн-Павел II, который в аэропорту Ле Бурже сказал, обращаясь к молодым французам: «Хорошо известно то значение, которое имеет в вашей культуре идея свободы, равенства и братства. В сущности, это христианские идеи. Я говорю это с полным сознанием того, что первые люди, сформулировавшие эти идеалы, не ссылались на Вечную Мудрость. Но они хотели действовать на благо человека».

С этих слов Папы начинается свой рассказ о мученицах Компьеня⁴ итальянский священник и богослов, сам член ордена Босоногих Кармелитов, Антонио Сикари – автор обширного, в нескольких томах, сочинения «Портреты святых»⁵. Трагическая и возвышенная их история хорошо известна в Европе, ею, в частности, навеяна знаменитая пьеса Ж.Бернаноса «Диалоги кармелиток». И вот, впервые за все протекшие с тех пор 200 лет, с высоты папского престола прозвучало, по сути дела, признание того, что даже эти страшные страницы истории не позволяют обвинить не только весь французский народ, но даже и вождей революции в богоотступничестве и предательстве Того, «...Кто торгашей когда-то гнал из храма / И вел людей к добру, бесстрашен и велик» (Ш.Бодлер).

Путь к этому признанию, однако, торился давно как внутри самой Церкви, так и в культуре: это в «Отверженных» Гюго епископ преклоняет колени перед смертным одром старого и давно отвергнутого обществом члена революционного Конвента и просит у него благословения. И не потому, что в этой последней беседе они сумели переубедить друг друга, а потому, что опознали друг друга, как два «небесных светила», чье движение подчиняется некоему общему закону, стоящему выше разделивших их земных границ.

Но разве не шла уже по пути поиска того же общего и русская культура? Не шла сама жизнь великой страны? Ведь это Андрей Платонов, в постперестроечной либеральной публицистике предстающий, в основном, как летописец ужасов сталинизма и вообще коммунизма (и, конечно же, тайный – по необходимости – антисоветчик), писал: «Народ называет свое мировоззрение правдой и смыслом жизни. Традиционное историческое русское правдоискательство соединилось в Октябрьской революции с большевизмом для реального осуществления народной правды на земле»⁶.

Яркие, хотя и обрисованные всего лишь несколькими штрихами, образы народных правдоискателей, жаждущих очищения и преобразования мира, его устройства на каких-то иных, более чистых и приближенных к учению Христа основаниях, оставил в своих «Воспоминаниях» замечательный (к сожалению, ныне почти забытый) писатель Н.Н.Златовратский. Среди этих носителей особой «русской мечтательности» осо-

⁴ 16 кармелитских монахиня, казненных в разгар якобинского террора и позже канонизированных.

⁵ Сикари А. Сочинения. Т.III-IV. Милан; М., 1998. С.247.

⁶ Цит. по: Литературная газета. 1987. 23 сентября.

бенно трогателен образ маленькой крестьянки – горбуни из очерка «Потанин вертоград», когда-то няни в семье Златовратских, а затем ушедшей на дорогу странствий. Однако каждый год она навещала детей, с которыми радостно-таинственно делилась своей мечтой о «вертограде»: «Как вертоград-то земной мы насадим, так все расцветем и душою воскреснем!.. И это дело-то общее будет, у всех общее... Все ведь, сообща, мы будем вертоград-то насаждать. Нам ведь только одного не нужно: неволи да здоимства... Что Господь сказал? Приидите, сказал, в вертоград мой все труждающиеся, и я успокою вас. Вот, милые птенчики, что Господь сказал...»⁷.

«Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы» – именно эти, трогающие его помимо его собственной воли, евангельские слова читает Копенкин, один из самых известных платоновских героев и красный рыцарь Розы Люксембург, над входом в Чевенгурскую церковь, превращенную в ревком. И хотя он приказывает «перемазать ее по-советски», несмотря на возражение своего спутника: «А скажи, пожалуйста, чем тебе та фраза не мила – целиком против капитализма говорит?» – полного «перемазывания» сути не получилось, вернее эта суть обнаружила себя как не поддающаяся разрушению основа народных исканий высшей общественной правды. И это чувствовали не только платоновские «душевные бедняки». Так, один из участников предреволюционных религиозно-философских чтений, ученый-химик С.Аскольдов размышлял в своем очерке «Религиозный смысл русской революции», написанном уже в 1918 году: «Социализм, понимаемый в смысле социальной справедливости, имеет полное право рассматриваться и с гуманистической, и даже с религиозной точки зрения имеющим на себе некоторое историческое благословение»⁸. И даже больше: без воплощения в жизнь некоторых замыслов социализма сама «эволюция человеческой природы была бы неполна и незаконченна». А вот дневниковая запись М.Пришвина, относящаяся к 1941 году: «...Надо разрушительное безбожие революции сделать, не называя имени Бога, истинным делом Божьим. Революция мира стала делом Божьего суда. Революция борется со слепым страданием, которым церковные обманщики подменяют творческое страдание Христово...».

И тут же, в связи с Великой Отечественной: «Сейчас идет война всего земного шара, потому что в беде, постигшей нас, весь мир виноват. В этом и есть историческая задача большевиков: вскрыть язвы всего мира

⁷ Златовратский Н.Н. Воспоминания. М. 1956. С.280.

⁸ Антихрист. Антология. М.: «Высшая школа». 1998. С. 207.

и нужду в спасении сделать всеобщей»⁹. Ну а в победном 1945-м Пришвин уже приходит к мысли о тождественности этого спасения и движения к социализму: «Социализм, в смысле соединения людей, – это, что ни говори, а есть мировая тема нашего времени. Соединение разрозненного человека в единое существо стало необходимостью, как будто человечество теперь подошло к потоку, через который для дальнейшего движения необходимо перекинуть мост»¹⁰. И тут же, с вызовом даже, после выступления Рузвельта с упоминанием Бога: «Что ближе к Христу – американский Бог или русское безбожие?»

Такая эволюция особенно поразительна потому, что тот же Пришвин в дневниках 1918 года высказывал самые резкие суждения и о Ленине, и о «коммуне» вообще; гибель России считал уже почти неотвратимой и полагал, что даже и соловьи должны были бы постесняться петь при виде совершающихся ужасов. Правда, иногда его все же посещает мысль, что в будущем, возможно, и проявится некий великий смысл событий, слишком близким свидетелем которых он оказался, но реальность сейчас же прогоняет ее прочь. Но он же и тогда же сделал очень интересную, в свете грядущего, запись: «Вот моя оценка нашего положения, я ошибаюсь лишь в том случае, если грядущий иностранец очутится в нашем положении или если совершится чудо: простой народ все-таки создаст могучую власть»¹¹. Что ж, чудо произошло – в 1945 году сомневаться в этом было невозможно; и это была не просто мощная власть, но мощная страна, в только что закончившейся войне, подобной которой не знала история, представлявшая правое дело.

* * *

Напоминаю, все это из дневников, а потому от подобных суждений и мыслей не отмахнуться ссылками на то, что «это же время было какое, людям приходилось скрывать свои истинные мнения» и прочая, и прочая в том же роде, что мне не раз приходилось слышать и что меня всегда поражало глубоким неуважением не только к эпохе (это было уже дело привычное), но и к самим тем людям, чьи имена стремились сделать своего рода знаменем в ожесточенной борьбе с ней.

Между тем мысли о, может быть и скрытой от не слишком внимательного, а уж тем более недоброжелательного взгляда, но несомненной внутренней связи многих черт советской жизни с христианским насле-

⁹ Из русской думы. Т.2. М., 1994. С.179.

¹⁰ Там же. С.180.

¹¹ Литературная учеба. 1991. Июль–август. С.70.

дием России высказывались ведь и людьми Церкви. И какими людьми! Наверное, даже многим из тех, кто совершенно далек от Церкви, знакомо имя архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), поскольку он был не только священнослужителем, но и великолепным врачом, труд которого по гнойной хирургии до сих пор считается классическим. Разделив со многими другими служителями Церкви тяготы своего времени, он побывал и в тюрьме, и в ссылке. Об этом теперь говорится с привычными для времени нашего акцентами: «закончилась семидесятилетняя апокалиптическая зима воинствующего безбожия»; «гонения, невиданные за всю историю христианства»¹², и так далее. Но вполне ли это соответствует той оценке и времени, и исторической судьбы Церкви, которую дает сам архиепископ?

Автор книги, протодиакон Василий Марущак, приводит удивительный рассказ из «Справки уполномоченного (В. Гуськова. – К.М.) о беседе с архиепископом Лукой 11 января 1958 года», которого Гуськов навещал при посещении им Симферопольской епархии по приглашению самого архиепископа. И в беседе, сообщает он, «как бы между прочим Лука рассказал один эпизод из своей жизни в тюрьме. Содержание этого эпизода следующее: когда я был в тюрьме, сказал Лука, то однажды ночью крупный чекист вызвал меня на допрос и прямо поставил вопрос – "друг я ему или враг?"

Мой ответ ему был такой: "Я не консерватор, я далек от этого, но скажу Вам, что если бы я не был христианином, то я был бы коммунистом". И далее Лука, подумав, продолжая разговор на эту тему, сказал: "Вам ведь хорошо известно, что Советское правительство ведет антирелигиозную пропаганду, следовательно, я не могу быть целиком на Вашей стороне, а поскольку Вы являетесь гонителями христианства, я, совершенно понятно, не могу быть целиком вашим другом, хотя мы и можем сосуществовать". И на этом, как сообщал Лука, его разговор с чекистом был окончен, и к этому вопросу, по словам Луки, чекист никогда больше не возвращался»¹³.

Слова владыки «Я был бы коммунистом» означают очень многое. Ведь он, как человек сильного характера и несгибаемой твердости убеждений, что засвидетельствовано всеми знавшими его, а более всего, конечно, самой его биографией, в столь важном, основополагающем даже для него вопросе не мог покривить душой. А стало быть, признать,

¹² Николай (Доненко), протоиерей. Предисловие // Василий (Марущак), протодиакон. Святитель – хирург. Житие Архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М., 2006.

¹³ Василий (Марущак), протодиакон. Указ. соч. С.283–284.

что он не только мог бы быть коммунистом, но именно коммунистом по убеждению, если бы такой выбор не был сопряжен для него с вероотступничеством. То есть он не считал коммунизм ни богопротивной ересью, ни, тем более, одной из разновидностей сатанизма, что не так уж редко можно слышать сегодня.

Не рисовал он и умилительных картинок полного благоденствия и повального благочестия дореволюционной России, порушенных невесть откуда взявшимися большевиками. Его взгляд на прошлое русской Церкви гораздо более честен и суров, хотя в суровости этой было, думается мне, куда больше подлинной озабоченности будущим Церкви, нежели в заведомо ложных сладостных сказаниях, заполняющих ныне церковную печать и звучащих с церковного амвона. И во многих неприглядных чертах церковной жизни уже советского времени архиепископ различал симптомы хорошо узнаваемой им застарелой болезни.

Так, в 1944 году он сказал, затронув вопрос об одном из таких симптомов – требоисполнительстве: «Не смотрят ли на служение Богу как на средство пропитания, как на ремесло требоисправления? Народ очень чутко распознает таких. Тяжкие испытания и страдания перенесла Церковь наша за время Великой революции, и, конечно, не без вины. Давно, давно накоплялся гнев народный на священников.

И с отчаянием видим мы, что многих и революция ничему не научила. По-прежнему, и даже хуже, являют они грязное лицо наемников – не пастырей, по-прежнему из-за них уходят люди в секты на погибель себе»¹⁴.

Само слово «отчаяние», столь неожиданное в устах святителя, говорит о том, сколь важной представлялась ему эта проблема и сколь недопустимым виделось любое лукавое замалчивание ее. И Войно-Ясенецкий был отнюдь не одинок в своем взгляде на дореволюционное состояние Церкви. Сходные суждения высказывал, уже будучи в эмиграции, митрополит Евлогий (Георгиевский). В своих воспоминаниях¹⁵ он не раз касается этой большой для него темы и пишет, в частности: «...У многих ее (Церкви. – К.М.) ревнителей несоответствие внешнего величия, могущества и красоты с ее внутренним состоянием стало возбуждать тревогу». И далее: «Чудный дар свободы наша Русская Церковь не сберегла и попала под влияние государства. Политика вошла в Церковь и значительно угасила горение ее духа... И Церковь, подчи-

¹⁴ Там же. С.76.

¹⁵ Евлогий (Георгиевский), митрополит. *Путь моей жизни*. М.: Московский рабочий. Издательский отдел Всецерковного православного молодежного движения. 1994. С.7–8.

ненная государству, стала терять в народе авторитет... И когда грянула революция, революционный шквал глубоко потряс и Синодальную Русскую Церковь».

Можно привести еще множество подобных суждений, но я ограничусь одним, особенно дорогим мне – и по глубине заключенных в нем духовных прозрений, и по своей природе подлинного свидетельства о Христе. Проведший почти все 20-е–30-е годы в заключении (в 1937 году след его теряется), епископ Герман (Ряшенцев), как и архиепископ Лука, принадлежит к числу тех людей, взгляд которых на окружающую и, казалось, полностью отвергавшую их жизнь не могли замутить перенесенные ими страдания и которые судили о ней, имея в душе какое-то иное мерило, нежели те, кто, имея за спиной лишь вполне благополучную биографию, на старте которой они немало воспользовались социальными преимуществами советской системы, сегодня с увлечением рисует ее богопротивный облик.

Иначе судит о ней епископ Герман в письме из арзамасской ссылки к родным, т.е. вовсе и не обращаясь к широкой общественности и даже не помышляя об этом. А между тем перед нами пример настоящего учительства, мягкого и чистого. В строках письма – ни тени озлобленности, и, признаюсь, хотя я давно знаю их почти наизусть, мне всякий раз трудно читать их без чувства боли, граничащей с отчаянием. И, конечно, я не считаю себя вправе прикоснуться к ним, а потому привожу их целиком – и ввиду драгоценности самого свидетельства, и потому, что мысли арзамасского ссыльного сегодня вряд ли имеют много сторонников в самом клире, по крайней мере, среди иерархов, а потому наверняка почти незнакомы широкой церковной общественности.

«Мне кажется, – пишет епископ 18 октября 1933 года, – происходит не одно только разрушение твердыни и того, что для многих святое святых, но происходит очищение этих святых, их освящение через огонь жестоких испытаний и поверок, разрушение форм, подавляющих своей своеобразной, но часто во многом земной красотой действительность закованного в них смысла и содержания, образуются новые формы, облегчающие проникновение в них и заполнение именно таким духом и жизнью, какие отрицаются часто их творцами и часто во имя осознанной и преднамеренной борьбы с Ним принципиально отрицаются, чтобы как бы через голгофу уничтожения воскреснуть».

Если остановиться здесь, то может показаться, будто епископ говорит о том, что сегодня у нас в стране принято именовать церковным возрождением и даже «вторым крещением Руси». Однако нет ничего более несхожего. Потому что епископ Герман, высказав уже сходную с суждением митрополита Евлогия мысль о сложившемся в Церкви к

началу революции контрасте между мощными внешними формами и ослабеванием самого духа христианской жизни внутри нее, переходит к главному. Именно в становящейся вокруг него советской жизни – жизни, в которой для него самого не нашлось места, – он из губительной бездны, *de profundis*, слагает подлинный гимн всему, что в ней, пусть и бессознательно, не называя имени или даже отвергая его, следует за Христом. И, стало быть, богопричастно.

«Посмотрите, – пишет он далее, возможно, в последний раз наставляя своих близких, – как жизнь фактически стала аскетична, как самоотреченна, небывалое самоотречение становится не исключением, а правилом каждого человека и почти во всех самых разнородных по содержанию областях жизни идет к единству через коллективизм... Вы скажете, но все это не во имя Его, а против Него. Да, это верно. Сейчас все с Его печатью в скорби, в Гефсимании и на Голгофе. Это верно, но так же несомненно, что все усилия и творчество направлены на создание таких форм жизни, какая в своей принципиальной идейной части вся Им предуказана, без Него не может быть осуществлена и неминуемо приведет к Нему»¹⁶.

Это признание подлинного духовидца мне представляется удивительно сходным с тем видением, которое на Азовском море некогда явилось герою платоновского рассказа «Афродита» Назару Фомину: «...Он был на берегу, и одинокое парусное рыбачье судно уходило вдаль по синему морю под сияющим светло-золотым небом. Судно все более удалялось, белый парус его своим кротким светом отражал солнце, но корабль долго еще был виден людям на берегу; потом он скрылся вовсе за волшебным горизонтом. Назар почувствовал тогда тоскующую радость, словно кто-то любящий позвал его за собою в сияющее пространство неба и воды, а он не мог еще пойти за ним вослед. И подобно тому кораблю, исчезающему в даль света, представилась ему в тот час Советская Россия, уходящая в даль мира и времени».

Платонов говорит: «простое видение». И в неузнаваемо изменившейся стране оно, как все, доступное простецам, но сокрытое от глаз слишком искушенных, не столь уж у многих сможет вызвать даже не отклик, а смутное воспоминание о тех чувствах и стремлениях, которыми жила и дышала страна, некогда приковывавшая к себе взоры всего мира. Еще немного – и она вообще забудет, что когда-то видела этот «корабль», а может быть, даже и плыла на нем, так и не ответив самой

¹⁶ *История Русской Православной Церкви. 1917–1990. Учебник для православных духовных семинарий. Московская Патриархия: издательский дом «Хроника», 1994. С.103–104.*

себе на вопрос, почему она не смогла пойти «вослед» за ним, а может быть, даже и покинула его, и куда он держал курс, и что за свет золотил его паруса.

Ясно одно: когда в 1991 году советская эпоха завершилась, а перед Церковью открылся путь нового и стремительного восхождения, именно от нее – более чем от кого-либо другого, – от «человеческой воли» возглавивших ее иерархов зависело, на какую часть своего собственного наследия она обопрется и как, следовательно, определит свое отношение к наследию советскому. Признает ли Россию советскую неотъемлемой и достойной уважения частью исторической России, о необходимости восстановления единства которой, еще пребывая в сане митрополита, говорил патриарх Кирилл над гробом усопшего год назад своего предшественника, или отторгнет, как скверну? Назовет ли богопричастной или объявит богоотверженной?

ПРИГОВОР

Конечно, для того, кто хоть сколь-нибудь внимательно следил за жизнью Церкви, вчитывался – или вслушивался – в праздничные патриаршие послания, интересовался ее инициативами в самых разных областях общественной жизни и не был склонен слишком поддаваться иллюзиям, не могла быть тайной, уже на первых порах обретенной свободы действий, ее нескрываемая холодая неприязнь к ушедшей советской жизни. По многим и, в общем, вполне понятным причинам это не могло слишком удивлять, к тому же представлялось почти бесспорным, что со временем неизбежно придет и более спокойный, менее пристрастный взгляд на эту часть отечественной истории – взгляд, которым умели смотреть на нее иные из людей Церкви с пугающе близкого расстояния. И уж совсем невозможно было подумать, что, вопреки обычному ходу процессов, отмечающих эпохи резких общественных перемен, неприязнь с течением времени не только не уменьшится, но сменится ожесточением, а ожесточение – яростью, непрерывным сведением счетов с теми, кто уже никак не может ответить.

Так казалось, но оказалось не так. Постепенно, но неуклонно с самой высоты церковной иерархии в общественное сознание внедрялись ныне уже ставшие штампами словесные обороты «семидесятилетнее лихолетье», «богоборческая власть», «богоборческий катаклизм»¹⁷ и даже «ду-

¹⁷ Это, заметим, не о Февральской революции, свергшей с престола помазанника Божия, а об Октябрьской.

ховно ослепший народ» (встретился мне и такой перл в окологерманской публицистике). Ослепший, естественно, за те же роковые семьдесят лет. Все активнее именно РПЦ начинала выступать с инициативами переименования улиц и сноса «неподобающих» памятников, о чем немало сообщали с мест. И ей же принадлежит бесспорное авторство идеи отмены праздника 7 ноября. Именно из уст лица, облеченного духовным саном, мы услышали, что «Ленин – вонючка»; тут особенно восхищает¹⁸ сам уровень полемики. Если это, конечно, можно так называть.

Рождество Христово. VI век. Иерусалим

Не сидела сложа руки и православная общественность: это из среды людей, именующих себя «православными гражданами», зазвучали призывы снять с кремлевских башен «сатанинские пентаграммы». При этом невежества здесь было ничуть не меньше, чем ненависти к стране, в которой они родились и выросли. Ведь пентаграмма – очень древний и многозначный символ, и ее можно видеть, например, на раннехристианских изображениях Рождества Христова, а также в храмовой христианской архитектуре (и чтобы убедиться в этом,

вовсе не нужно ехать за тридевять земель – достаточно подняться на плато Мангуп в Крыму). А что до красного цвета, то война с ним порою принимает формы прямо-таки карикатурные. Вот, например, сюжет из программы «Вести»¹⁹. Корреспондент рассказывает о Краснодарском крае, где развивается движение за обратное переименование столицы края в Екатеринодар. И вот комментарий священника: мы не хотим этого слова, можно, конечно, толковать «красный» как «красивый», но – с непередаваемой умешкой – «мы-то ведь знаем, к чему оно относится». Так обычно говорят о чем-то грязном, низком, а то и преступном, чего любая семья должна избегать и сторониться, а уж коли случилось – до конца дней стыдиться. Неужели ненависть и впрямь так ослепляет? Неужели этот священнослужитель и впрямь забыл: красный – это цвет Пасхи в России, что нашло отражение даже в православном быту той самой, лелеемой и воспеваемой,

¹⁸ Независимо от чьего-либо отношения к Ленину – мое, например, совсем не восторженное.

¹⁹ 2006. 8 сентября. 20 часов.

дореволюционной России. Алые лампадки, алые занавеси и ковры – все это описывает столь любимый в «белой» среде (да и не только в ней, потому что и впрямь замечательный писатель) Иван Шмелев. К сожалению, запятнавший себя коллаборационизмом в годы войны.

Ну, да что занавеси и ковры! Красными ведь были и хоругви Московского ополчения 1812 года, и царское знамя под Казанью. До сих пор идут споры о том, под каким стягом сражалось русское войско на Куликовом поле – под черным или под «черным», т. е. красным? Но вот что бесспорно: «...У каждого русского воина на Куликовом поле был и свой личный "флаг" – яловец, лоскут материи на вершине шлема. "Яловцы же шлемов их, как пламя огненное, горят", – читаем в "Сказании о Мамаевом побоище". А в "Задонщине", также рассказывающей о Куликовской битве, упоминаются и красные русские щиты»²⁰.

Невозможно не заметить близость красных звезд – на шлемах, пилотках и бескозырках советских воинов, на броне их танков и на крыльях самолетов, а еще на теперь уже почти исчезнувших пирамидах неисчислимых красноармейских могил – к этому летописному образу. А также и к его прообразу – красной праздничной хоругви, знамени Спасения. «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя Победа?» – так с полным правом могли бы вопрошать, вослед за Иоанном Златоустом, и самые молодые из отмеченных Красной звездой, те, кто, вернее всего, никогда и не слышал его Огласительного слова. Истории же (а для людей верующих – Богу) было угодно распорядиться так, что на сей раз священный пасхальный огонь Спасения, словно высвобожденный из подавлявших его и ставших слишком обывотленными форм религиозной жизни прежней России, был добыт и принесен миру воинами Красной Армии, народами советской страны. И верная исторической правде Анна Ахматова, которую, надо думать, никто не заподозрит в избытке любви к советской власти, писала в своем посвящении «Победителям»:

*Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «берт».
Вот о вас и напишут книжки
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки, –
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, –
Внуки, братики, сыновья!*

²⁰ Макин С. Цвет России – красный // Наука и религия. 2001. №11. С.31.

Это, конечно, эпитафия; эпитафия, написанная в феврале 1944 года, когда больше года оставалось до Победы. Но веяние ее уже ощущалось в воздухе – том особом воздухе, который многие из вдохнувших его, даже детьми, не могли забыть до последних лет своей жизни. Она эхом отзывается словам тогда еще митрополита Сергия (Страгородского), уже 22 июня 1941 года призвавшего народ на защиту Отечества и благословившего его на грядущий подвиг – подвиг и жертву: «...Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: "Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя..." (Ин. 14, 13)». Итак, здесь призывание исполнить завет Спасителя, у Ахматовой – торжественно-печальное коленопреклонение перед уже исполнившими его. Но неизменно одно: совершен был подвиг любви, принесена была жертва любви. Это центральное смысловое ядро всей памяти о Великой Отечественной войне изначально придало ей черты евхаристические, черты, которых не смогли стереть даже самые беспощадные атаки на нее, наполнившие последнее двадцатилетие.

Все бесчисленные рассуждения – о вине Сталина, о будто бы не умевших воевать (но почему-то при этом победивших) советских военачальниках; все потрясения невероятными и ничем не подтвержденными цифрами человеческих потерь, все рассуждения о том, что нужно было сдать Ленинград (как документально известно, и в этом случае приговоренный к полному уничтожению), и еще многое в том же роде, отнюдь не нуждающееся в перечислении, – не пересекали черту, за которой коренным образом изменялась вся «оптика» вопроса. За этой чертой виновным становится весь народ, понесший заслуженную кару. А само слово «жертва», многозначное в русском языке, где оно может обозначать и самопожертвование, и погибшего по вине чьей-то злой воли или несчастного случая, и языческую жертву всеожожения, утрачивает как свой первый, сопряженный с таинством Евхаристии, так даже и второй смысл. Нет, на такую территорию не вступил даже А.Подрабинек, шумиха вокруг которого (вкупе с шашлычной «Антисоветская») так сильно переключила на себя общественное внимание, что многие даже и не заметили (или не захотели заметить?) прозвучавших в то же время с высоты церковной иерархии принципиально новых оценок Великой Отечественной войны и понесенных в ней страшно жертв. Таких оценок, которые за все без малого 65, а включая годы самой войны – и 70 лет, ни разу еще не звучали в нашей стране, не звучали даже в мире и даже из самых враждебных уст.

Потрясение, казалось бы, должно было быть особенно велико. Ведь о том, что война была Божьей карой за преступления большевиков против Церкви и богоотступничество народа, а искупительной жертвы – и

немалой – требовал сам Господь, умиловленный все-таки этой гека-томбой, мы узнали от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси. Мысль эту Патриарх Кирилл высказал еще накануне Дня Победы, 6 мая. А 3 июня, возможно, в ответ на, конечно, несоразмерную событию (весьма сдержанно, чтобы не сказать – смиренно, отозвалась даже КПРФ), но все-таки не оставшуюся незамеченной тревожную реакцию общества, вновь вернулся к этой теме. На сей раз расставив точки над «i» с такой определенностью, которая не оставляла места ни для малейшей уклончивости, ни для каких ускользаний за проблему теодицеи вообще или попыток смягчить сказанное рассуждениями вроде «но он же не сказал, что война была наказанием за большевиков». Нет, он именно это и сказал. Негоже, не замечая сказанного, проявлять тем самым неуважение к самому Патриарху, с такой прямоотой высказавшему свои, видимо, не один день вызревавшие мысли. И яростные атаки на статью Подрабиника именно той части православной общественности, которая именуется себя патриотической²¹ и которая всегда весьма болезненно реагирует на все попытки принизить образ Великой Отечественной войны, а вот теперь промолчала, имели ярко выраженный компенсаторный характер.

В сущности, Подрабинек лишь повторил, конечно в особо безобразной форме, то, что уже многократно звучало на протяжении последних двадцати лет. Но он не затронул сокровенного, духовного и религиозного, ядра памяти о Великой Отечественной войне, как не затрагивала его и вся либеральная публицистика даже тогда, когда опускалась до самого низкого глумления над этой памятью. И не потому, чтобы у глумящихся не было такого желания, думаю, оно было, и даже очень сильное. Однако сделать это не позволяли им привычный для этого круга людей язык и тип аргументации, их система приоритетов и весь склад мышления. А также – отсутствие сколько-нибудь общезначимой санкции на вынесение подобных приговоров. У Церкви же она есть, и об этом со всей откровенностью заявил Предстоятель РПЦ 3 июня 2009 года: «У каждого есть право на свое собственное толкование истории, и ученые объясняют ее по-своему. У Церкви есть право духовно прозревать исторические пути народа... Война была наказанием за попрание святынь, за кощунства и издевательства над Церковью. Если бы вместо страшно-го (!) наказания наступило материальное процветание и победа идеоло-

²¹ Потому что есть ведь и другая, согласно нашему политическому лексикону, либеральная или даже демократическая.

гии, тогда каждый здравомыслящий человек спросил бы: а где суд Божий?»²²

По правде сказать, мне не очень понятно, почему право на суждение о событиях, жестоко затронувших миллионы людей, имеют только ученые и Церковь. Которая, как следует из сказанного, «духовно прозревая» судьбы народа, с выводами и доводами ученых склонна считаться не больше, чем с чувствами и памятью самого этого народа. Но я как человек, принадлежащий к поколению «детей войны», по которому так тяжело прокатилось ее колесо, принимаю к сведению, что для кого-то и эти детские страдания, и изломанные судьбы наших матерей, и совсем уже страшное – старики и дети, младенцы даже, заживо сжигаемые в белорусских деревнях, удушаемые в газовых камерах, травимые овчарками, – и еще многое-многое подобное могло быть источником глубокого морального удовлетворения. Ведь наказание и должно было быть страшным – так сказано с амвона, таково слово Предстоятеля. А между тем 7 мая 2009 года бывший министр обороны СССР маршал Д. Язов огласил данные созданной им еще при жизни Советского Союза комиссии по подсчету потерь в рядах Красной армии и гражданского населения в годы Великой Отечественной войны, и, согласно этим данным, на фронтах погибли 8, 64 млн. советских граждан, что вполне сопоставимо с потерями Германии, и, стало быть, опровергает расхожую ложь о том, что «мы врага завалили своими трупами». А вот потери среди гражданского населения составляют 27–28 млн. человек, «точные же цифры не поддаются учету»²³. Страшные цифры, но, кажется, еще страшнее эта последняя, внешне такая сухая констатация. Разумеется, в Патриархии не могли – да и просто не имели права – не знать этих сведений, но, как видим, они нисколько не повлияли на позицию Предстоятеля РПЦ. А потому мы, по крайней мере, те, кто, видимо, не является настолько «здравомыслящими», чтобы не ужасаться им, вправе сделать свои выводы и заключить, что Церковь реальность, стоящая за оглашенными комиссией цифрами, не только не ужасает, но представляется ей оправданной в высшем смысле и даже богоугодной. Вот только помнится, что того бога, который любил обонять дым, восходящий от горящих младенческих тел, звали не Христос – иначе.

А коли так, то перед нами даже нечто большее, нежели то, что мы до сих пор подразумевали, говоря о пересмотре итогов Второй мировой войны, имея в виду, главным образом, ставшие ее результатом геополити-

²² *Цит. по: Независимая газета. 2009. 16 июня.*

²³ *Газета. 2009. 8–11 мая.*

тические изменения и – в меньшей мере – оценку или переоценку роли той или иной из стран-участниц антигитлеровской коалиции и их лидеров. Но до сих пор не поколебленной оставалась моральная и религиозная оценка событий, ни разу не предлагалось взглянуть на чудовищные страдания миллионов людей как на страшное, но заслуженно понесенное ими наказание, а на нацистскую Германию как на орудие Божьего промысла. Теперь слово сказано.

Но пусть даже и представители Церкви, предложившие столь радикально новый взгляд на вопрос, и те, кто безгласно и покорно согласился с ним, готовы теперь назвать богоотступниками (читай, преступниками) своих отцов и дедов, о которых еще недавно знали, что только благодаря им живут на свете сами они, живет и страна. Пусть решились убить их предсмертное слово – ведь то, что сами писали они в своих фронтовых треугольниках о смысле войны и своей жертвы, в свете новой концепции ничего не стоит. И даже хуже: если до слова Патриарха над их советской пафосностью и наивностью (а такими в обществе, глубоко пораженном цинизмом, слишком часто предстают многие непреложные истины и самые искренние сердечные порывы) уже было разрешено смеяться, то теперь их можно с фарисейским сознанием собственной праведности судить: безбожники! Пусть они, «согласившиеся», готовы даже принять жертву младенцами, виновными, видимо, только в том, что родились от богоотступников или имели несчастье оказаться их соотечественниками. Пусть. Но тогда им придется пойти еще дальше.

Ведь война-то была мировая, и в ней миллионами гибли люди, никак не причастные к разрушению храмов в России, а возможно, даже и осуждавшие его. Гибли не только глубоко православные сербы, но и католики поляки; гибли малайцы и китайцы, иудеи и мусульмане, цыгане и англичане – да неужели же нужно все это, давно хрестоматийно известное перечислять? Неужели нужно напоминать о том, чем закончилась эта всемирная бойня – Хиросимой и Нагасаки? Так что же – все это тоже богоугодная расплата за разрушение храмов в России? Не слишком ли дорогая цена? И потом, мы ведь знаем слова Стефана-первомученика: «Всевышний не в рукотворенных храмах живет» (*Деяния, 7, 48*). Но горели-то, задыхались в газовых камерах, падали в расстрельные рвы, гибли те, обращаясь к кому апостол Павел сказал: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и дух Божий живет в вас?». . . (*1 Кор, 3, 16-17*). И разве не о том же такие простые на первый взгляд, даже обыденные строки Ахматовой:

*Победа у наших стоит дверей...
Как гостью желанную встретим?
Пусть женщины выше поднимут детей,
Спасенных от тысячи тысяч смертей, –
Так мы долгожданной ответим.*

Однако теперь, будучи последовательными, называть богоотступниками надлежит именно тех, кто, жертвуя собой, спасал от уничтожения эти, самые драгоценные, храмы.

А ведь оснований объявлять их таковыми – посмертно, словно все они были подняты из могил, как на Страшный суд, и заведомо не могут оправдаться, – не дает и жизнь этих людей. Такая, какой она была еще до того, как они были призваны на подвиг. Не дает, даже если мы взглянем на нее не с той духовной высоты, с которой смотрел епископ Герман, а гораздо более заземленно. С точки зрения их готовности открыто назвать себя верующими – в условиях, когда такое признание, в соответствии с теперь массово усвоенными представлениями, прямоком вело в ГУЛАГ. Между тем согласно данным переписи 1937 года, в которую включен был и вопрос о религиозных убеждениях, верующими назвали себя 2/3 сельского, составлявшего тогда большинство, и 1/3 городского населения страны. Тут уж, воля ваша, одно из двух: либо страх был не очень силен, либо народ был очень отважен – в чем, впрочем, вскоре предстояло убедиться всему миру. Но разве можно называть богоотступником, даже с сугубо церковной точки зрения, народ, так смело свидетельствующий о своей вере? А ведь это именно он отправился на фронты уже близящейся войны, потому что, разумеется, не весь был тотчас же после своих ответов вывезен на Колыму, в противном случае и призывать на фронт было бы некого. И, конечно же, в законченных вероотступников превратиться тоже не мог за те два года новых гонений на Церковь, которые последовали за переписью, но к 1939 году стали затихать.

Как бы то ни было, эти данные не дают решительно никаких оснований обвинять народ, вынесший на себе войну, в повальном богоотступничестве, ставшем – согласно предложенной Предстоятелем РПЦ историсофии – причиной всемирного бедствия, поразившего не только Россию. Правда, до Второй мировой войны была Первая, до основания сотрясая вроде бы глубоко благочестивую и не оскверненную коммунизмом Россию; и хотелось бы, конечно, узнать, почему же это-то несчастье с нами, равно как и со всей, тоже совсем не коммунистической, Европой, приключилось. Но задавать такой вопрос не имеет смысла, заведомо зная, что ответа на него не последует, как не было его и на

другие, сходные, например, о войне 1812 года, уже звучавшие на страницах печати. Как не было ответа на отчаянное вопрошание В.Бушина: «...У вас ни одного мученика самого тяжкого страдания России за всю историю. А у вас только свои по разнарядке»²⁴. Равно как Церковь не были приняты во внимание давно известные данные переписи 1937 года (ведомые, разумеется, и клиру; ведь мною они взяты из уже упоминавшегося пособия для духовных семинарий).

Вопросы же остаются без ответа, а любые сведения, не совсем вписывающиеся в предложенную концепцию, игнорируются потому, что и сама эта концепция сложилась не на основе непредвзятого изучения эпохи, а исходя из заранее принятой и не требующей ни доказательств, ни даже обсуждения аксиомы. Для утверждения последней в качестве некоего общезначимого абсолюта потребовалось предложить стране (повторяю, согласно Конституции светской) всего лишь несколько элементарных уравнений. А именно: личную нравственность человека отождествить с его религиозностью, религиозность – с пребыванием в Церкви, пребывание в Церкви – с пребыванием в рукотворенном храме, равнодушие же к этому храму, тем паче разрушение его – с богоотступничеством и, стало быть, с безнравственностью. И даже не просто безнравственностью, но с греховностью столь страшной, что без страшного же наказания ее «не может быть бытия мира», – именно это ведь сказал Предстоятель Русской Православной Церкви 3 июня уходящего года. А коли так, то мир был спасен не потому, что весь советский народ – христиане и нехристиане, верующие и неверующие – совершил жертвенный подвиг, но потому, что народ этот, весь целиком, понес пусть и страшное, но вполне заслуженное им наказание.

Такова инверсия самой основы тех представлений о роли Советского Союза во Второй мировой войне, да и истории XX века в целом, на которую до сих пор не отваживался еще никто. Чтобы осуществить ее, потребовалось разорвать (еще негласно) с той традицией, которая не только в культуре, но даже изнутри самой Церкви прокладывала пути к иному пониманию и советской эпохи, и отношений между человеком и Богом, и даже самой революции – «страшного и непостижимого таинства», по словам иеросхимонаха Сампсона²⁵. Разорвать с ней во имя тесного сближения (или слияния?) с другой. Сближения, препятствием на

²⁴ *Завтра. 2009. Март. №12.*

²⁵ *Имя его знакомо многим людям, близким к Церкви. Он был расстрелян в 1919 году – именно расстрелян, т.е. уже упал в ров, но, как это порою случается, выжил (Наука и религия. 2004. №12).*

пути к которому на всем протяжении советского времени оставалось имя Патриарха Сергия (Страгородского). Разумеется, не само имя, но путь служения Церкви, выбранный им в 1927 году, который и принято считать годом окончательного разрыва между двумя Церквями, образовавшимися на руинах старой России. В те же годы возник и сам термин «сергианство», сделавшийся настоящим жупелом. А потому, разумеется, проблема не могла не выдвинуться вновь на первый план, когда, в связи не только падением СССР, но еще в большей мере в связи с радикальной сменой общественно-политического устройства в стране, вплотную встал вопрос о воссоединении РПЦ МП и РПЦЗ, на протяжении многих лет бывшей «антисоветской организацией номер один».

ОБЪЕДИНЕНИЕ ИЛИ РАЗЪЕДИНЕНИЕ?

Определение это принадлежит отнюдь не мне, а Игорю Шитикову, священнику РПЦ, еще до подписания Акта о каноническом общении перешедшему в РПЦЗ. Так что, надо

полагать, он знает, о чем говорит. Впрочем, сегодня эта сторона деятельности РПЦЗ ни для кого не является тайной, а представителями ее клира нередко упоминается даже с гордостью. Однако, поскольку мы по-прежнему «ленивы и нелюбопытны», а теперь, похоже, больше, чем когда-либо, полагаю: не лишним будет напомнить основные вехи пройденного ею пути. Напомнить для того еще, чтобы несколько выправить информационный перекос последних лет, когда вина за раскол, по сути, оказалась возложенной целиком на советскую сторону и, конкретнее, на митрополита, а позже Патриарха Сергия, а о некоторых не слишком приглядных страницах истории РПЦЗ предпочитали не упоминать.

Между тем корни раскола уходят к самым первым годам становления советской власти и, соответственно, первым же попыткам самоорганизации тех русских, кто оказался в эмиграции – будь они активными участниками белого движения или простыми беженцами. Понятно, что для успеха дела во главе его должны были встать люди, обладающие определенным политическим опытом. А в том, что касается Церкви, самой видной фигурой стал бывший глава военного духовенства врангелевской армии митрополит Вениамин (Федченко). 2 декабря 1920 года по согласованию с представителем Константинопольского Патриархата епископы-эмигранты заявили о создании Временного высшего русского церковного управления за границей. Стоит заметить, что согласие Патриарха Тихона на это не было получено, что вносит определенные нюансы в историю раскола. А всего год спустя, 21 ноября 1921 года, в Сремских Карловцах открылось Общецерковное заграничное собрание,

позже переименованное в Русский Всезаграничный Церковный Собор, первым же политическим актом которого стало послание «Чадам Русской Православной Церкви в рассеянии и изгнании сушим».

Его доминанта – открыто выраженные упования на восстановление монархии, и даже конкретнее – династии Романовых. Вот как вспоминает об этом выступивший против обращения митрополит Евлогий: «Гвоздем Съезда было заявление "Собора" о восстановлении в России династии Романовых. Предполагалось направить особое "Обращение" в Лигу наций и ко всем правительствам держав, дабы оповестить о состоявшемся постановлении. В отделе "Духовное возрождение России" Марков прочел доклад, в котором изложил основные мысли проекта "Обращения". Они сводились не только к утверждению самого принципа монархизма, но и подчеркивали политическую миссию Карловацкого съезда – заявить от имени всего русского народа, что Дом Романовых продолжает царствовать...»²⁶.

Разумеется, опытные политики, хорошо образованные люди, руководившие Собором, не могли не представлять себе ответного политического резонанса в России, хотя бы руководствуясь историческими аналогиями и хорошо представляя себе ответ Кромвеля на призывы вернуть трон Стюартам, а Робеспьера – на требование пригласить назад кого-либо из Бурбонов, или, на революционном языке, нового «Капета».

Думаю, каждому, независимо от его собственных пристрастий и антипатий, должно быть понятно, что подобное называется провокацией, цели которой, конечно, могут быть самыми различными, но результат почти всегда одинаков: ответный ход противника. А ведь Собор не остановился на этом, а пошел гораздо дальше²⁷. Было принято обращение к Генуэзской конференции («народам мира») с призывом дать оружие русским людям, дабы помочь им в борьбе с «мировыми злодеями».

С подобным призывом согласились далеко не все участники Собора, многие из которых понимали, что под удар ставится прежде всего и так находившаяся в крайне тяжелом положении Церковь в России. И действительно, ответный ход не заставил себя долго ждать: в 1922 году последовал арест Патриарха Тихона, которому было предъявлено обвинение в организации контрреволюционного заговора. Невзирая на это, созданный примерно тогда же Карловацкий Синод, продолжая считать себя частью Русской Церкви и одновременно не выказывая никакого

²⁶ Евлогий (Георгиевский). Указ. соч. С.363–364.

²⁷ Точнее, не сам Собор, а по окончании работы его канцелярия, что, впрочем, для нас сегодня не имеет особого значения.

стремления изменить свои политические позиции, очевидно, сознательно стремился еще больше ухудшить положение Церкви в России. Иначе трудно объяснить упорный отказ эмигрантского епископата принять предложение митрополита Сергия (сделанное в сентябре 1926 года) об упразднении Карловацкого Синода и переходе их епархий в подчинение местным Православным Церквам, например, в Югославии – Сербской.

Такова вкратце предыстория окончательного разрыва Карловацкого Синода с Церковью, находившейся теперь в Советской России. В ее свете несколько более сложной предстает проблема «Декларации 1927 года» (более упрощенно ее именуют «Декларацией митрополита Сергия»), точное название которой: «Послание пастырям и пастве». Как правило, в широкой печати обычно приводят лишь ту часть «Декларации», где говорится: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»²⁸. Вот ее-то и представляют как свидетельство предательства и Церкви, и России, как жалкую попытку самосохранения и прочее. Но что в процитированных словах митрополита дает основание выносить подобные приговоры? Между прочим, первые христиане в еще языческом Риме были лояльными по отношению к государству гражданами, весьма добросовестно исполнявшими свои обязанности. До тех пор, пока от них не требовали отречения от веры, а вот тогда наступал час их личного выбора.

К тому же митрополит жил не в Югославии или во Франции, а в России, теперь называвшейся Советским Союзом, и видел, что народ и впрямь сделал тот выбор, которого в своем ожесточении не могла если уж не принять, то хотя бы понять эмиграция. У меня не вызывает сомнений, что все ее провокационные действия, тяжких последствий которых для Церкви невозможно было не понимать, предпринимались с расчетом на то, что гонения на Церковь побудят народ к бунту, к новой смуте, а там... Вот почему самую резкую реакцию вызвали отнюдь не слова о «радостях и неудачах», а совсем другое: указ митрополита зарубежному духовенству дать подписку в том, что оно не допустит в своей деятельности «ничего такого, что может быть принято за выражение нелояльности советскому правительству». Вот тогда-то Антоний Храповицкий, самая яркая фигура среди карловчан, резко отвергнув требование митрополита Сергия, назвал его «отпавшим от церковного единства». Между тем советскому правительству все-таки было от чего беспокоиться, предмет этого беспокойства не мог оставлять равнодушной и

²⁸ *История Русской Православной Церкви. С.86.*

Церковь, поскольку речь шла о единстве ее канонической территории, о чем так много говорят сегодня в связи с распадом Советского Союза. А ведь Антоний Храповицкий в 1935 году благословил деятельность «Лиги русских офицеров и солдат запаса за границей». Лига объединяла военнотружущих, главным образом украинского происхождения, и ставила своей задачей освобождение от «советчины» прежде всего Украины, в случае необходимости – даже через отделение ее от СССР. Политические пристрастия тут явно взяли верх над верностью идее «единой и неделимой», так что Храповицкому теперь нечем было кичиться перед Лениным – крайности сошлись. А поскольку эту политическую одержимость разделяла далеко не вся белая эмиграция, то в ней, даже среди епископов, не говоря уже о мирянах, единодушия по отношению к «Декларации» не было: осудить ее вновь отказался митрополит Евлогий, резко и очень ярко выступил против осуждения Н.Бердяев. Поразительно, но в крайне тяжелом для Церкви 1934 году митрополит Сергей вновь предложил зарубежным епископам перейти в юрисдикцию Сербской Церкви – и вновь получил отказ. От своей миссии сокрушения большевизма зарубежники отказываться не собирались, что в полной мере и показала Вторая мировая, а для нашей страны – Великая Отечественная война.

Она еще резче расколола русскую эмиграцию, и не один Бердяев мог сказать, что он делил людей на желавших победы России и желавших победы Германии. Среди желавших победы Германии оказалось немало представителей иерархии РПЦЗ. Сегодня это настолько хорошо известно, что нет никакой необходимости подробно обращаться к этой теме. А то обстоятельство, что подобную позицию заняли не все епископы РПЦЗ, не отменяет главного. РПЦЗ не только не осудила своего сотрудничества с Третьим рейхом, но еще при жизни Советского Союза, на протяжении почти 50 лет упорно продолжала требовать от РПЦ МП осуждения «сергианства». «В этот период, – пишет историк Алексей Беглов, – иерархия РПЦЗ на неоднократные приветствия и обращения священноначалия Московского Патриархата... неизменно отвечала жесткой отповедью»²⁹.

Разумеется, подобная «жестоковость», как и в начале 20-х годов, объяснялась не только твердостью религиозных убеждений, но и вполне конкретными политическими мотивами. Полагаю даже, что после 1945 года соотношение резко изменилось в пользу политики. Ведь если епископы и паства «первой волны» действительно всеми своими корнями были связаны с дореволюционной Россией – несли ее в своей душе, с

²⁹ Независимая газета. 2004. 21 апреля.

детства впитали в себя атмосферу ее жизни (ритм и строй которой был тесно сопряжен, даже на уровне быта, с ритмом и строем жизни Церкви), – то для «второй волны» это было уже далеко не так. Ядро ее составили так называемые «перемещенные лица», а они уже в силу самого своего возраста не могли страдать сводящей с ума ностальгией по жизни, которой, в сущности, не знали. Да и сам формат политической деятельности по обслуживанию холодной войны – а таким обслуживанием занялось немало представителей второй волны – вменял им в обязанность не столько восхвалять Россию, «которую мы потеряли», сколько воспевать «свободный мир» не менее рьяно, чем это делала западническая антисоветская фронда в самом СССР. Зато для этой волны, которая несла с собой немало бывших власовцев, проблема «сергианства» приобретала новое и особо острое звучание. Ведь речь шла о принципиальной оценке минувшей войны; войны, в которой они были предателями даже для многих представителей старой эмиграции. И позиция последних точно соответствовала сказанному в «Послании» митрополита (22 июня 1941 г.) о тех, кто станет искать «возможных выгод на той стороне границы»: «Это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу, поскольку Церкви нужен Пастырь, несущий свою службу истинно "ради Иисуса, а не ради хлеба куса", как выражался святитель Димитрий Ростовский. Положим же души свои вместе с нашей паствой... Церковь благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу»³⁰.

Оценка эта оставалась, разумеется, незабываемой на протяжении всех 50 лет, прожитых страной до распада Советского Союза. По сути своей она не пересматривалась и в Российской Федерации, по крайней мере на официальном уровне, в отличие от того, что произошло даже в некоторых странах СНГ, не говоря уже о государствах бывшей советской Прибалтики. Точно так же, как на своем официальном уровне РПЦ МП не пересматривала ни «Послания», ни «Декларации» митрополита Сергия. Формально, стало быть, они сохраняют свое значение духовного ориентира для паствы. Но что происходило за кулисами видимых для всех событий и слышимых всеми речей?

* * *

К началу 90-х годов прошлого века все политические страсти первой его четверти казались уже делами давно минувших дней, да и само несколько архаически звучащее понятие «сергианство» почти ничего не

³⁰ *История Русской Православной Церкви. С.110.*

говорило большинству советских граждан. Иное дело – власовцы. Но принципиальная оценка событий Великой Отечественной войны, несмотря на множасьи атаки на нее, представлялась неизменяемой в своей основе. Как и отношение к предателям, перешедшим на сторону самого жестокого в истории России врага. И сама мысль о том, что эти предатели могут потребовать покаяния у Русской Православной Церкви за ее сотрудничество с советской властью, представлялась совершенно нелепой, но, как оказалось, далеко не всем. И одним из первых, если не первым, во всеуслышание о том, что старое оружие «сергианства» расчехлено для нового боя, заявил владыка Антоний Сурожский, на протяжении многих лет призывавший священноначалие Московской Патриархии отнестись к русской зарубежной группировке со снисхождением, не требовать от нее безоговорочного покаяния, а матерински призвать к воссоединению. А выступая 12 мая 1991 года в религиозной программе ВВС, он расставил акценты уже иначе.

Именно владыка Антоний Сурожский прямо и резко напомнил зарубежникам об их коллаборационизме, от чего после интронизации Алексея II стала уклоняться сама Московская Патриархия. Именно он без всяких недомолвок и околичностей заявил, что прошлое РПЦЗ не дает ей ни малейшего права требовать покаяния от кого бы то ни было, потому что она предала Россию: «Я имею в виду сейчас, что в начале войны митрополит Анастасий, глава Зарубежной Церкви, обратился к Гитлеру с письмом, где называл его богоданным вождем народов, который освободит Россию от коммунизма. Многие из их сторонников шли против нашей родины; если можно говорить о том, что Русская Православная Церковь была связана с судьбой России, то можно сказать также, что Зарубежная Церковь ДЕСЯТИЛЕТИЯМИ восставала против нее. В Париже во время оккупации были ежедневные молебны о победе немцев...»³¹.

Выделенное слово «десятилетиями» говорит о том, что владыка считал коллаборационизм отнюдь не единственной, но лишь самой низкой и отвратительной формой борьбы зарубежных против их исторической родины. А также о том, насколько владыка был встревожен возможным развитием событий. Сегодня, в ретроспективе, ясно видно, сколь обоснованным было его беспокойство. Знал ли он то, о чем лишь полгода года спустя после подписания Акта о каноническом общении между РПЦ МП и РПЦЗ поведал архиепископ Берлинский и Германский Марк? Либо только догадывался о такой возможности? Либо опасался, что новое напористое заострение зарубежниками вопроса о «сер-

³¹ *Златоуст. С.129.*

гианстве», вызвав ответную жесткую реакцию Московской Патриархии, приведет к тому, что вопрос о воссоединении Церквей снова окажется отодвинутым в неопределенное будущее?

Весь тон сказанного далее митрополитом Антонием убеждает меня в последнем. Тем более, что новое охлаждение отношений между РПЦ МП и РПЦЗ вскоре и впрямь произошло, а начавшийся в 1993 году переговорный процесс был приостановлен. Вот только причиной этого охлаждения стало вовсе не разное отношение к проблеме «сергианства», а конфликт вокруг монастырских владений РПЦЗ в Святой земле, которые Московская Патриархия сумела перевести в свою собственность. Прерванные в 1997 году переговоры возобновились только в 2003. При этом со стороны как раз представителей РПЦЗ не раз высказывалось мнение, что они будут длительными и сложными, что потребуются абсолютно откровенное обсуждение многих весьма сложных вопросов и что пока невозможно предсказать, чем и когда они завершатся.

Архиепископ Марк в 2005 году даже заявил, что не надеется на полное преодоление разрыва при жизни своего поколения и что причины расхождений уходят слишком глубоко: «Надо помнить, что прошедшие 85 лет раздельного существования не могли пройти бесследно. Они оставили свой отпечаток на обеих частях единой Русской Церкви. Народ в России имеет совершенно иной исторический опыт, чем люди в эмиграции». Стало быть, к объявленной цели «можно идти только очень постепенно и осторожно»³². Спорить с мыслью о значении различий исторического опыта не приходится, особенно тогда, когда эти различия через поколения заявляют о себе болью при любой попытке неосторожного прикосновения к ним. Но если Московская Патриархия, чьей первостепенной задачей была, казалось бы, защита исторического опыта своего народа, исключительную щепетильность проявляла как раз по отношению к РПЦЗ, то РПЦЗ, напротив, вовсе не собиралась деликатничать и снижать тон своих требований покаяния за «сергианство». Вот и архиепископ Марк, говоря о тревоге, внушаемой ему возможностью повторения в России того, «что неприемлемо для православного сознания», назвал прежде всего «сергианство».

Естественно было ожидать и со стороны Московской Патриархии слова о том, что она считает неприемлемым для себя. Однако такое слово не прозвучало – во всяком случае, доступно широкой пастве, да и широкой общественности тоже, потому что речь шла о вопросе отнюдь не узкоцерковном. Зато прозвучало нечто другое, В конце сентября в Россию прибыл епископ Манхэттенский Гавриил (Чемодаков), также

³² *Независимая газета*. 2005. 13 июля.

давший интервью, в ходе одного из которых ему был задан вопрос: «Не перешли ли митрополит Сергей и его последователи в своих стараниях найти какой-то общий язык с мирской, абсолютно враждебной Христу властью ту невидимую, но хорошо известную Церкви грань, за которой предметом компромисса становится уже само учение о Церкви Христовой?»³³

Первая часть ответа удивить не могла: конечно, перешли, «богоборческая власть» и прочее, уже многократно слышанное. А вот продолжение оказалось гораздо интереснее. Как сообщил епископ Гавриил (подчеркнув, что это даже оказалось неожиданностью для него), в последнее время «РПЦ МП далеко продвинулась в своей оценке так называемой "Декларации митрополита Сергея"...» Разумеется, означать это могло лишь «продвижение» к долгожданному осуждению «Декларации», а затем и покаянию за нее. Что, в свой черед, означает и согласие РПЦ МП с той оценкой советской власти и всей советской эпохи, на которой упорно, не сдавая своих позиций, настаивала РПЦЗ. А стало быть, и согласие на признание именно зарубежников правой стороной в этом, занявшем три четверти века, противостоянии. Правой, несмотря на некоторые осложняющие обстоятельства – ну, вроде генерала Власова, например. Чемодаков: «...С разными взглядами на роль генерала Власова в войне православные люди вполне могут молиться в одном храме и причащаться из одной Чаши». Как следовало отсюда, «с разными взглядами» на митрополита Сергея и его последователей (вот ведь и какие-то «последователи» уже оказались врагами Христа – кто? Может быть, архиепископ Лука?) никак не могут.

Ясно также и то, что речь-то, в конечном счете, шла уже не только о митрополите Сергии и генерале Власове, но об СССР и Третьем рейхе: ведь коль скоро «сергианство» представало грехом куда как более тяжким, нежели готовность оружием поддержать нацистскую Германию, то, стало быть, последняя представляла собой меньшее зло. А поскольку никакой плюрализм в таком вопросе невозможен и что до РПЦЗ, то она всегда четко, без всякой уклончивости отвечала на него, то, казалось бы, столь же четкий ответ требовался и со стороны Москвы. Ранее она давала его, но теперь времена изменились, и внятного разъяснения со стороны Патриархии не последовало. А оно становилось все более необходимым. После приезда в Архиерейский Синод РПЦЗ архимандрита Тихона (Шевкунова) и последовавшего за ним визита Путина в Нью-Йорк объединительный процесс пошел с резким ускорением, что стало неожиданностью даже для некоторых членов РПЦЗ и не слишком обра-

³³ НГ-религии. 2005. 19 октября.

довало их. Ведь они усмотрели за этим какие-то политические мотивы, угрозу возможного поглощения РПЦЗ Московской Патриархией и отказ от серьезного разговора по всем большим вопросам, который один только и мог стать залогом подлинного воссоединения.

О политических мотивах я гадать не хочу, однако уже тогда это стремительное и внезапное ускорение живо напомнило мне тот бросок к объединению Германии, который, на первый взгляд необъяснимо, осуществили Горбачев и Шеварднадзе. Объяснимым же это стало тогда, когда вполне развернулись последствия броска и стало ясно, что «ускорение» было способом сдачи советских позиций; но что в самой этой сдаче, напротив, не было ничего неожиданного и что она тщательно и давно предуготовлялась. И, как явствует из уже упоминавшегося интервью архиепископа Берлинского и Германского, неожиданной уступка Москвы в принципиальном вопросе о «сергианстве» могла показаться лишь «непосвященным», т.е. подавляющему большинству не только пасты РПЦ МП, но и всех граждан России. А что до «посвященных», то для них отнюдь не было тайной то, что произошло еще в начале 90-х годов и о чем столь видный иерарх РПЦЗ счел нужным поведать лишь после воссоединения Церквей на приемлемых для нее условиях. «Патриарх Алексей II, – сказал он тогда, – еще в начале 1990-х годов сделал достаточно ясное покаянное заявление от имени всей Церкви. Поэтому, я думаю, что нам всем надо принять это раскаяние, которое было им сделано. Кстати говоря, многие архиереи и священники с тех пор тоже выразили свое покаяние за сотрудничество с советской властью...»³⁴. И так, главное было сделано в начале 90-х годов. И важнейшее для исторического самосознания страны решение было принято, так сказать, «келейно», при полной неосведомленности даже пасты, да и рядовых священнослужителей тоже. Возражений со стороны подавляющей части церковного народа, впрочем, не последовало, что, разумеется, раскрывает перед подобным способом действий широкие перспективы.

Но поскольку советская, как и вообще отечественная история не являются достоянием исключительно Церкви (которая сегодня все более настойчиво заявляет о своем исключительном праве на ее истолкование), то мы вправе задаться следующим вопросом. Было ли одностороннее покаяние РПЦ МП за «сотрудничество с советской властью», без хотя бы ответного покаяния РПЦЗ за сотрудничество с нацистской Германией, единственной уступкой со стороны Москвы либо нам следует ожидать и других, о которых мы будем узнавать по мере того, как развернутся последствия «ускорения»? Уже имеющийся у нас горький

³⁴ НГ-религии. 2007. 19 сентября.

опыт развития событий в Восточной Европе на переломе 80-х – 90-х годов, а затем и на территории самого СССР подсказывает, что следует. А если так, то и цепь событий, развернувшихся на протяжении последнего полугодия, слегка встряхнувших даже наше вялое общество и представляющихся трудно объяснимыми с позиций здравого смысла³⁵, предстает в ином свете.

Тогда становится понятным, почему Патриарх, не ограничившись сказанным в мае и начале июня, продолжил развитие той же темы в ходе своих летних поездок в Белоруссию, Украину, Коренную Пустынь. Почему даже в Белоруссии он говорил не о сожженных в Хатыни, а о «катке безбожной власти» – советской, разумеется. Почему в Киево-Печерской Лавре предложил всему православному народу объединяться на основе полного отвержения Октябрьской революции, им представленной как скверное «политическое мечтание», в основе которого лежали только «злоба, противоборство, стремление достичь своих целей, одурачивая людей призывами к счастью»³⁶. Какое уж тут таинство! А поскольку в Патриархии, конечно, прекрасно известно, что, согласно опросам, процент людей, считающих Октябрьскую революцию катастрофой, не превышает 10–12, то, пренебрегая общественным мнением, рисовать такой ее карикатурный (а потому даже не слишком страшный) портрет можно лишь повинувшись глубокому убеждению и следуя к давно и четко определенной цели.

Эти убеждения, доминирующие сегодня в РПЦ, были утверждены как не подлежащие обсуждению Патриархом Алексием II, годовщина смерти которого исполняется в декабре истекающего года и деятельность которого до сих пор остается недоступной для любого критического прикосновения. Это заметно отличает его от других великих³⁷.

³⁵ *В самом деле, зачем в преддверии 65-летия Победы перекодировать самый сокровенный ее смысл? Зачем, пытаясь развернуть общество от потребительства к самоограничению, окончательно разрывать его все еще не до конца разорванные связи с годами, когда «аскетизм, самоотречение и жертвенность», по словам епископа Германа, стали нормой поведения для всей огромной страны?*

³⁶ *Российская газета. 2009. 30 июля.*

³⁷ *И даже невеликих – в буквальном смысле слова: по числу желающих покопаться в его могиле сравниться со Сталиным может разве что несчастный Павлик Морозов. Но вот и Церковь решила сказать свое слово, и, как всегда, веское. Во всяком случае, я была поражена непринужденностью, с какой архимандрит Тихон (Шевкунов), довольно мягко, надо сказать, пожуривший Архиерейский Синод РПЦЗ за его, как можно понять, несколько преждевременную инициативу, поставил рядом генерала Власова и – зарезанного*

Именно при нем был начат и за полтора года до его кончины торжественно завершен процесс воссоединения РПЦ и РПЦЗ на условиях последней, т.е с принесением Москвой покаяния за «сергианство» – без ответного покаяния зарубежников за сотрудничество с гитлеровским Рейхом. Хотя бы только за это, не трогая ни их борьбы против СССР в 20–30-е годы, ни их усердия на ниве борьбы с «империей зла» в послевоенное время. Не хотелось бы также думать, что даже и величание Гитлера «богоданным вождем народов» не является в глазах Церкви чистейшим богохульством. Но приходится – коль скоро подобное «величание» не помешало совместно пропеть Пасху.

А потому есть все основания полагать, что именно искоренение «сергианства» как олицетворения связей РПЦ не просто с советской властью, но с советской историей, даже в самых высших ее свершениях, а не само по себе воссоединение с не слишком многочисленной и не слишком влиятельной РПЦЗ и являлось подлинной целью всей воссоединительной стратегии Патриарха Алексия II. Само же воссоединение, позволяя много говорить на популярную тему «единства», было лишь средством достижения главной цели. И что до меня, то я нахожу совершенно неубедительным разъяснение, которое счел нужным дать архимандрит Тихон (Шевкунов) в своем уже упоминавшемся интервью газете «Известия» (15.09.2009), давая понять, что заявление Архиерейского Синода РПЦЗ о признании генерала Власова патриотом России стало некоторой неожиданностью для Московской Патриархии: «Когда в процессе подготовки к воссоединению с РПЦЗ мы проводили наши собеседования, было принято молчаливое соглашение этот вопрос не поднимать. Слишком по-разному мы на него смотрели. Ведь речь шла порой ни больше ни меньше, как о наших отцах и дедах, сражавшихся по разные стороны фронта...» И далее: «Это как в большой и непросто прожившей долгие годы семье: есть темы, проблемы, которые человек любящий и чуткий никогда не поднимет».

Трогательно, конечно, вот только непонятно, почему же эта чуткость «любящих людей» не распространилась также и на вопрос о «сергиан-

ближайшими родственниками подростка. Разумеется, архимандрит понимает всю несообразность подобного сопоставления – даже с сугубо юридической точки зрения. Но ведь он еще и забыл, что вместе с Павлом был зарезан и его младший брат – совсем дитя, и совсем уж непричастное к тому, что расхожее представление приписывает Павлику. Тут уж не «слеза ребенка», тут его кровь, но о чем не позабудешь в разгаре политической борьбы!

стве», который, конечно же, есть вопрос не только о Патриархе Сергии (Страгородском), но, главным образом, о советской эпохе. Последнюю же именно РПЦ атакует все жестче, отнюдь не намереваясь щадить чьи-либо чувства – даже в том, что касается Великой Отечественной войны. А вот игра на чувствах, попытка столь опытного в вопросах политики человека, как заместитель московского Сретенского монастыря, свести вопрос о сотрудничестве с нацистской Германией к тонкой проблеме «внутрисемейных отношений» лично меня лишней раз убеждают в том, что в Московской Патриархии давно и совершенно сознательно было принято решение о том, на чью сторону склонить чашу весов.

* * *

В траурные дни прошлого года о подписании Акта о каноническом общении говорилось как о главном и великом итоге двадцатилетнего патриаршего служения, и спорить с первым не приходится. А вот что касается второго, то здесь все зависит от точки отсчета. Вот, например, Сергей Антоненко восторженно писал, открывая первый номер журнала «Родина» за 2009 год: «Святейший Патриарх Алексий был плоть от плоти и кровь от крови старой России – и затонувшей дореволюционной "русской Атлантиды", и выживших зарубежных ее осколков... был истинным рыцарем единства». И тут же, говоря о встрече Алексия II (Антоненко называет ее «промыслительной») с митрополитом РПЦЗ Лавром (Шкурло), представляет ее как встречу двух ипостасей дореволюционной России, называя усопшего Патриарха «зарубежником» – «по рождению и воспитанию». Надо полагать, что если бы Предстоятель русской Церкви родился и вырос не за рубежом, а в стране, тогда именованной Советским Союзом, то встреча оказалась бы менее промыслительной. Иначе зачем так настойчиво подчеркивать связь Патриарха именно с дореволюционной Россией, как если бы другой вообще никогда не существовало?

Между тем о, «слава Богу, непричастности» усопшего к России советской много говорили и другие, называя его «человеком из другой страны» (Н. Михалков), «родившимся не просто не в Советском Союзе, а еще и в Эстонии» (священник М. Ардов). С необычайной жесткостью противопоставила две России³⁸ Наталья Нарочницкая, чье интервью на страницах «Литературной газеты» вызвало бурные возражения в блогах и недоуменные вопросы, о каком же «единении» тогда идет речь, коль скоро от него «отъединяется» немалая часть народа России, видимо,

³⁸ *Одна из которых снежно-белая, а другая черная, т.е., простите, красная.*

недостаточно еще очистившаяся от следов «красного прошлого»? Конечно, вопрос этот следовало бы адресовать не столько Н.А.Нарочницкой, сколько архитекторам воссоединения в том виде, в каком оно произошло; Нарочницкая же лишь транслировала его основополагающую идею, притом с той же прямоотой и жесткостью, с какой неизменно отстаивала ее сама РПЦЗ. Ничто в поведении последней никогда не давало никаких оснований считать, что она готова хоть на йоту изменить свою позицию. Она просто ждала своего часа – и дождалась: ее непримиримый взгляд на всю советскую эпоху Московская Патриархия приняла теперь как уже свой собственный. А если тело РПЦЗ было ничтожно мало по сравнению со снова набирающим мощь телом РПЦ МП, то тем больше и торжество: ведь именно мозг повелевает телом. И, по правде сказать, мне до сих пор непонятно, на чем основывались благодушные иллюзии той части нашей, именующей себя патриотической общественности, которая, в общем-то, никогда не была склонна в этом принципиальном споре уступать хоть пядь «красной территории». Тем не менее иллюзии эти распространились довольно широко, и в присущей ему манере наиболее ярко высказал их А.Проханов, который, говоря о зарубежниках, отнюдь не счел возможным умолчать (как умалчивали почти все) ни об их молебнах за победу фюрера, ни о сотрудничестве с Власовым в годы войны, а с Пентагоном и ЦРУ – после нее, и тем не менее оптимистически заключил: «Эти политические огрехи, следствие трагических выражений двадцатого века, были преодолены в братском целовании и прощении, скреплены молитвами праведников³⁹».

Трудно понять, каким образом страшнейший грех предательства собственного народа в тяжелейшем испытании, выпавшем на его долю и без того тяжелой и трагической истории, превратился всего лишь в огрех. Но если таким образом зарубежникам была великодушно протянута рука примирения, то принимать ее они отнюдь не собирались, поскольку не признавали за собой не только никаких грехов, но и «огрехов». И поскольку подлинным грехом, столь страшным, что вровень с ним не может быть поставлено ни одно из злодеяний XX века, для них всегда оставался, как и остается, судя по заявлениям ее священнослужителей, уже сам по себе социально-политический выбор, сделанный народом в 1917 году.

Теперь на такие же позиции открыто становится РПЦ МП, что, несомненно, можно считать главным и общезначимым социально-политическим итогом подписания Акта о каноническом общении. И если под этим углом зрения взглянуть на череду событий весны и лета

³⁹ *Завтра. 2008. №50.*

уходящего года, то более внятной оказывается их внутренняя связь между собой; понятным становится и то, почему, выступая в Коренной Пустыни, Патриарх ни словом не обмолвился о встревожившем общество ходатайстве Архиерейского Синода РПЦЗ за генерала Власова, но зато напомнил, что безбожная власть пала в 1991 году и что в этом явил себя Промысел Божий. Понятно и то, почему архиепископ Марк, напомнив о том, как неустанно свидетельствовала РПЦЗ в «свободном мире» (одно из самых стереотипных выражений времен холодной войны!) о положении Церкви в СССР, продолжил: «Теперь же мы стремимся представлять свободную Россию, избавившуюся от безбожной власти коммунистов. И это тоже нравится не всем». Здесь не место гадать, кто такие эти «все», но по-своему архиепископ прав: зарубежники стремились «избавить Россию от безбожной власти коммунистов» с самого своего зарождения, сама эта лексика (по сути своей являющаяся точным эквивалентом рейгановской «империи зла») принадлежит им, а РПЦ МП была усвоена только в годы патриаршества Алексия II, так почему бы именно им и не представлять Россию в этом новом качестве? Конечно, у Московской Патриархии есть свои заслуги в борьбе с «безбожной властью», то бишь «империей зла». Раньше она предпочитала умалчивать об этом, но теперь почему бы не вспомнить, что сотрудничали с гитлеровцами и принадлежавшие к ее собственной юрисдикции священники и епископы, причем отнюдь не пребывая в относительной безопасности в Париже или тем более Сан-Франциско, но на территориях, где действовали партизаны. А поскольку священники-коллаборанты обязывались доносить на последних, равно как и на всех, заподозренных в контактах с ними, не куда-нибудь, а в гестапо, то могли случиться и неприятности...⁴⁰ Так что вопрос о том, кому должна быть вручена пальма первенства за заслуги в борьбе с «безбожной властью», еще нельзя считать окончательно решенным.

Впрочем, как бы ни был он решен, мне гораздо более важным представляется то, что уже произошла «релятивизация» вопроса о сотрудничестве с Третьим рейхом: можно взглянуть с этой стороны, а можно с той. Между тем таков типичный прием разрушения сколько-нибудь внятной не только политической, но и нравственной позиции огромных масс людей, превращаемых в безвольную игрушку тех, кто, напротив, свою позицию отстаивает очень жестко и к своим целям продвигается неуклонно. Он уже был сверхуспешно применен в ходе перестройки-1 с результатом, теперь внесенным в учебники истории и географии. А потому главным на сегодня становится вопрос о конечных целях вновь

⁴⁰ См. очень содержательную статью В.А.Мальцева в «НГ-религии». 2009. 16 сентября.

запускаемого процесса полной и окончательной десоветизации общества – процесса, в котором Церковь, как видим, намерена играть отнюдь не последнюю роль.

Ведь совершенно ясно, что никакой старой России, кроме той, которая уже была усвоена живым опытом народа и прошла с ним через столетие, не существует. Может, и не надо было когда-то ломать стране кости – сейчас не об этом речь. Перелом уже сросся – возможно, сросся не так, как хотелось бы многим. Но, чтобы срастить его заново, придется заново же ломать кость, т.е. осуществить операцию столь же болезненную, сколь и бесполезную. Невозможно, даже путем отсечения как скверны всей советской истории от России нынешней, воссоздать «старую Россию» такой, какой она была при жизни. Из ее обломков можно будет лишь собрать муляж, но не живую, осознающую свои корни страну, способную принять вызовы не обещающего быть легким нового столетия, – этого не могут не понимать в Патриархии. А коли так, то естественно предположить, что есть цель еще более важная, во имя которой считается возможным пойти даже и на подобный риск. И этой целью является полное перекрытие всех доступов к историческому опыту советской эпохи, чего невозможно достичь, не разорвав все положительные эмоциональные связи общества с ней. Центральным же нервным узлом этих связей является, конечно, память о великой Победе – «его»... К тому же при поражении этого узла сама собой решается и другая задача: наконец-то устраняется Сталин, неустранимый до тех пор, покуда в сознании народа будет брезжить хотя бы тень воспоминания о самом великом подвиге в его истории.

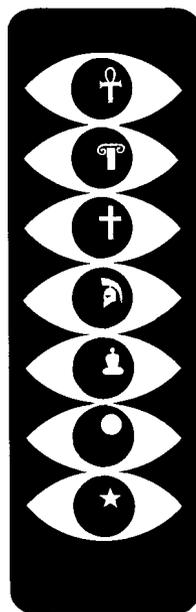
Разумеется, у подобного проекта должен быть заказчик, к определению социально-политической природы которого довольно близко подошел М.Делягин⁴¹. Но, кто бы ни был этим заказчиком, сам проект стать успешным может лишь при условии, что общество позволит это. Сегодня я не вижу для его пассивности тех смягчающих обстоятельств, о которых писала выше, говоря о перестройке-1. Оно далеко не наивно, оно гораздо лучше информировано, к тому же теперь располагает огромным политическим опытом 90-х годов и знает, к чему ведет безразличие к уступкам в самых принципиальных вопросах. А потому, что бы ни решало священноначалие, окончательный выбор – будет ли грубо отвергнуто, все целиком, или творчески освоено советское духовное наследие – зависит только от самого народа. Точнее же, от каждой из слагающих его личностей, если они захотят воспользоваться дарованной им свободой человеческой воли.

⁴¹ *Независимая газета. 2009. 20 ноября.*

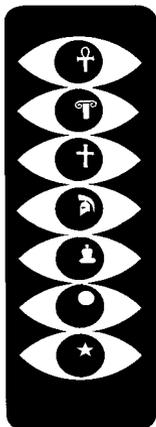
Тем же, что делают люди в повседневной жизни, можно сказать, занят и род людской в целом: освобождает свою память от бремени бесчисленных сведений и сохраняет их вовне, где они становятся документальными свидетельствами, не поддающимися верификации, но все же в целом не утрачивающими статус достоверности. Следовательно, историческое доверие – продукт не телепатии или спиритизма, а разумной экономии, осуществляемой духом. Отсюда активное неприятие искажений и извращений исторической критикой, равно как и ее приверженность достоверным свидетельствам...

История, не опирающаяся на документ, не достоверна, а смысл истории состоит именно в ее достоверности...

Бенедетто Кроче

Исаак Розенталь

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

НИКОЛАЙ II И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА – НОВОЕ СЛОВО?

УДК

93

The author examines the version according to which Nicholas II was not a conservative, he was a moderate liberal, adherent of constitution and of the popular representation. Presumably from the very outset of his reign Nicholas consistently implemented a project of monarchy renewal and acted irrespective of opposition or revolutionary movements. This version presents a special case of Nicholas II idealization connected with the present-day ideological conditions but unconfirmed by sources. The negative attitude of the emperor to the State Duma was determined by his traditionalist outlook, the idea of continuity without changes and of stability as the tranquility. In the early 20th century the autocracy was the real form of government as well as the mythology a part of which was the autocrat's faith in the mythical people. The official concept of the autocracy started to contradict the logic of modernization process. The fate of Stolypin's reforms revealed that the reformist potential of the autocracy had been exhausted. The gap between the authorities and the changing reality coupled with widely spread religious indifferentism brought about the situation when the regime proved to be absolutely insulated at the critical moment.

Ключевые слова: самодержавие – реальность; миф и интерпретация; истоки парламентаризма в России; модернизация; Николай II; традиционализм и его политические последствия.

E-mail: evgeny@rambler.ru

«Государь – это загадка», – заметил однажды П.А.Столыпин¹. Почти столетие историки занимаются ее «разгадыванием», литература о Николае II необъятна, даже без множества сочинений житийных, всецело находящихся в пределах исторической мифологии, и околонучных. Уже поэтому попытка взглянуть по-новому на последнего русского монарха как государственного деятеля заслуживает внимания. Интересна она и как показатель некоторых тенденций развития современной историографии. Речь идет как будто о частности – об отношении императора к Государственной думе. Но в период, когда правил Николай II, на рубеже XIX и XX веков, это была и объективно важнейшая проблема способов преодоления архаики в российской государственности, и «частность», существенно характеризующая императора, его воззрения и действия, явившиеся далеко не последними по своему весу составляющими исторического процесса.

Речь идет не столько о «думской монархии» как объективном результате действий, сколько о самих действиях. Тема представляет поэтому интерес и актуальность как пример ответов на «вызовы времени». Каким было «качество» этих ответов? Даны ли они были своевременно или с запозданием? Насколько зависели от конкретных обстоятельств и насколько – от индивидуальности российского монарха? Или он вообще не считал нужным на такие вызовы отвечать? Или не улавливал их? И т.д. – возможные «подвопросы» на этом не кончаются².

¹ Львов Н.Н. *Граф Витте и П.А.Столыпин // П.А.Столыпин глазами современников. М., 2008. С.151.* – Столыпин произнес эти слова, беседуя с Н.Н.Львовым и А.И.Гучковым после приема их Николаем II 20 июля 1906 г. Мысль Столыпина, характерная для его мировоззрения, в полном виде, как ее приводит Львов, такова: «Да, трудности велики. Государь – это загадка, – сказал Столыпин и, подумав, прибавил. – Нужно служить России, а служить России значит служить государю. В этом наш долг». Столыпин отреагировал так на разочарование Гучкова и Львова фактическим отказом Николая II от формирования правительства с участием представителей общественности. Как всегда, отказ был прикрыт «приветливостью», «ласковостью» и «машинальным» согласием царя с доводами собеседников. Мотив отказа: «...Они не годятся в министры сейчас... Надо искать ближе», то есть среди известных бюрократов, – царь изложил в письме Столыпину (Переписка Н.А.Романова и П.А.Столыпина // Красный архив. 1924. №5. С.102).

² См. об этом подробнее: Розенталь И.С. *Рано или поздно? Заметки на полях известных страниц истории // Россия XXI. 2006. №1;* Тютюкин С.В. *Россия XIX – начала XX вв. и вызовы времени // Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.*

Версия, которую отстаивает петербургский историк С.В.Куликов, расходится со всеми имеющимися в исторической литературе оценками политического мировоззрения и деятельности Николая II. Автор новой версии против того, чтобы руководствоваться «презумпцией виновности» императора, он за научную нейтральность, что никаких возражений вызвать не может, и считает необходимым уйти от «историографического стереотипа», усложнив представление о личности царя. Пока усложнению способствовали, как он полагает, немногие работы. Но, заметим, и эти работы авторов, выдаваемых С.В.Куликовым за своих предшественников, если не союзников, концептуально и в деталях отличаются от того, что пишет он.

Согласно новой версии, Николай II не был, как думали все до сих пор, консерватором и принципиальным противником идеи народного представительства и конституции. Неверно, что Государственная дума, российское воплощение народного представительства, возникла вопреки Николаю II, благодаря оппозиционному и революционному движению. Противник реакционной политики, последователь не К.П.Победоносцева, а Б.Н.Чичерина и Н.Х. Бунге, он задолго до 1905 года, с самого начала царствования, имел свой реформаторский проект, который в дальнейшем и осуществлял поэтапно, начиная с 1895 года, совершенно независимо от оппозиционного или от революционного движения, видимо, также и от динамики общественных настроений и вообще от всего, что происходило в стране. Эти «внешние факторы», хотя бы намеченные пунктирно, в статье отсутствуют, формула самодержавной власти «такова моя воля» понимается буквально, это принцип, а не просто реализация права историка ограничить поле исследования.

Консервативно-либеральный проект Николая II отличался от проектов оппозиционеров большей умеренностью; тем не менее, полагает автор версии, царь стал в полном смысле слова создателем народного представительства в России. При этом он равнялся на пример Германии – конституционно-дуалистической монархии. Если что и мешало воплощению проекта в жизнь, то это отвлекавшие внимание царя Русско-японская и Первая мировая войны да еще некоторые министры («особенно С.Ю.Витте», так как его – в отличие от императора – «вполне устраивала абсолютная монархия»). Покидая в 1917 году престол, царь превратил Думу в полноценный парламент³. Вероятно, имеется в виду

³ Куликов С.В. *Император Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности // Таврические чтения 2007. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века. СПб., 2008. С.15–17, 24, 33, 37, 44–45 и др. –*

удовлетворение Николаем II под занавес своего правления ранее им отвергавшегося требования оппозиции о правительстве, ответственном перед Думой.

Можно восхититься смелостью историка, который решился пойти против течения. Можно, наоборот, без особого труда извлечь из моря фактов один хотя бы, но показательный факт, идущий вразрез с его версией, и поставить на этом точку. Например, такой, С.В.Куликову наверняка известный: Николай II, «создатель», как мы узнали, Государственной думы, за почти 12 лет ее существования посетил ее единственный раз, 9 февраля 1916 г.; визит продолжался 40 минут. Или отослать читателя к одной из работ, оцениваемых С.В.Куликовым положительно, к статье Б.В.Ананьича и Р.Ш.Ганелина, в которой, однако, доказательно утверждается не просто нечто другое, но прямо противоположное тому, что утверждает он. Прочитируем из нее лишь одну фразу: «Николай II с ненавистью относился к Государственной думе с момента ее возникновения»⁴.

Полезно все же проверить новую версию «на прочность», обратившись к совокупности используемого ее автором материала. Это «новые и уже известные (но до сих пор не использованные исследователями) источники». И постараться понять, что дает в качестве основы их осмысления «контекст государственно-правового дискурса», чему автор версии придает первостепенное значение. Пусть извинит нас знающий читатель, придется далее нередко повторять уже многократно сказанное – но, конечно, далеко не все – теми, кто этой темой основательно занимался.

Не может не удивить одно обстоятельство, не удивляющее, правда, автора версии. Ведь в высказываниях царя, официальных и частных, ставших известными раньше или позже, не обнаруживали ту реформаторскую направленность, какую открывает в них С.В.Куликов, в первую очередь современники самых разных взглядов и состояний, а уж затем историки. Не усматривали они в политике Николая II и приписываемой

Ранее эта версия в основном на том же материале излагалась в статье: Куликов С.В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). Материалы научно-теоретической конференции 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004; и в других работах автора.

⁴ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Николай II // Вопросы истории. 1993. №2. С.66–67. См. также: Розенталь И.С., Демин В.А. Николай II // Государственная дума Российской империи. 1906–1917. М., 2006. С.428–430.

ему целеустремленности, последовательности поведения. Получается, что все они заблуждались, когда считали, что монарх сопротивлялся возникновению нового строя и шел на уступки лишь под давлением извне. Автор рассматриваемой статьи так и пишет: постепенность, излишняя с точки зрения оппозиции, «порождала иллюзию»⁵, будто он сопротивлялся и уступал вынужденно, тогда как в действительности все было не так.

Чем же аргументируется избавляющая нас от этой всеобщей иллюзии версия, которую мы изложили почти дословно? Имеем ли мы дело с новым прочтением тех самых хорошо известных исследователям источников, адекватно отражающих, как принято было думать, убеждения и действия Николая II? Тех источников, на которые историк взглянул свежим взглядом?

Естественно обратиться к самому раннему из таких источников – к речи, которую всегда считали программной, несмотря на ее краткость. Молодой царь произнес ее 17 января 1895 года в Зимнем дворце, обращаясь к приехавшим в Петербург на царское бракосочетание депутациям, после чего она была напечатана в «Правительственном вестнике» и с тех пор многократно воспроизводилась и анализировалась. Для нас и для С.В.Куликова это, несомненно, точка отчета – не хронологическая только, но содержательная, и потому есть необходимость на этом эпизоде задержаться.

Напомним ключевую часть речи. «...Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что Я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало Самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный, покойный Родитель»⁶.

Кроме этого официального, канонического текста, имеется не так давно обнаруженная запись, сделанная в момент произнесения речи. Мы можем таким образом узнать по первоисточнику то, что услышали собравшиеся в Зимнем дворце. Речь была напечатана именно по этой записи после того, как ее «исправил» министр внутренних дел И.Н.Дурново; имеется на этот счет пояснение редактора «Правительственного вестника» К.К.Случевского. «Исправление» свелось к восстановлению персона-

⁵ Куликов С.В. *Император Николай II и Государственная дума...* С.45.

⁶ *Правительственный вестник. 1895. №14; Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С.7.*

чального текста; в рукопись («бумажку») с этим текстом, написанным крупными буквами, Николай II заглядывал, но не читал его от начала до конца, чем и объясняются разночтения. Следовательно, окончательная редакция текста речи не отличалась от первоначальной, подготовленной заранее; авторство ее принято приписывать К.П.Победоносцеву (документальных подтверждений его авторства нет).

Не повторяя детального сопоставления двух вариантов, проделанного нами ранее, отметим, что по своей сути они не отличаются друг от друга. В частности, в обоих вариантах имеется знаменитое словосочетание «бессмысленные мечтания», которое современники сочли оскорбительным или, по крайней мере, неудачным. Тем самым опровергаются предположения, высказывавшиеся ранее, будто царь, волнуясь, сам того не сознавая, употребил для характеристики пожеланий земств более резкий эпитет, нежели хотел (в первоначальном тексте будто бы фигурировал эпитет «беспочвенные»). Не была это и «оговорка по Фрейду», хотя 26-летний император и в самом деле волновался; «был в страшных эмоциях перед тем, как войти в Николаевскую залу к депутациям от дворянств, земств и городских обществ, которым я сказал речь», – записал он в дневнике⁷.

Оценивая речь, нельзя не считаться с впечатлениями первых слушателей и читателей, реагировавших как на ее содержание, так и на тон речи. Слушавшие царя свидетельствовали, что слова о «бессмысленных мечтаниях» он намеренно подчеркнул, буквально выкрикнул, их услышали все. В различных кругах, вплоть до высших, речь восприняли как «нахлобучку», «злую выходку», выражали удивление – «к чему же лаяться?» (так отозвался о речи один из депутатов «из глубин России»), она произвела «впечатление самое удручающее». По свидетельству Победоносцева, критически отнеслись к выступлению даже некоторые министры и большинство членов Государственного совета. Ответственность за слова, ставшие «историческими», возлагалась на разных лиц (И.Н.Дурново, великого князя Сергея Александровича, Победоносцева), но мало кто сомневался в том, что царь с ними солидарен⁸.

⁷ Дневники императора Николая II. М., 1991. С.60. См. подробнее: «Слышались голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями». Варианты речи Николая II 17 января 1895 г. / Публ. И.С.Розенталя // Исторический архив. 1999. №4. С.213–219.

⁸ Записки Н.Ф.Бунакова. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб., 1909. С.223; Кони А.Ф. Избранное. М., 1989. С.105; Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896 / Публ. И.А.Дьяконовой. М., 1991. С.126, 148; Письма К.П.Победоносцева к Александру III. Т.II. М., 1925. С.305, 355; Родичев Ф.И. Из воспоминаний.

С точки зрения С.В.Куликова «нахлобучка» была оправданной, он ссылается на воспоминания В.И.Гурко: составленный «земцами-радикалами» адрес Тверского земства, вызвавший наибольшее недовольство царя, заключал-де «прямое указание на необходимость введения в стране конституционного образа правления»⁹, царь же намеревался ввести его постепенно, а не сразу. «Бессмысленные мечтания» – это выступление против парламентаризма, добавляет уже от себя С.В.Куликов. Но Гурко написал неправду, в адресе не было ни прямого, ни косвенного указания на желательность, тем более необходимость конституции, ограничения царской власти, парламентаризма. Якобы подтверждающие оценку Гурко слова земца-либерала Д.И.Шаховского вырваны из контекста, не поняты. Вот самое «крайнее», а на самом деле скромнейшее пожелание из тверского адреса, который С.В.Куликов, по-видимому, не читал или читал невнимательно, доверившись Гурко: «Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выражение потребностей и мысли не только администрации, но и народа русского»¹⁰.

Адрес Тверского земства не шел, таким образом, дальше того, что предусматривал в свое время М.Т.Лорис-Меликов в предложениях, одобренных Александром II и отклоненных после царевубийства и некоторого колебания Александром III. Лорис-Меликов предлагал, чтобы избранные представители губернских земств и городских дум крупнейших городов приняли участие в особой Общей комиссии для обсуждения законопроектов до их внесения в Государственный совет. О конституции он не помышлял и видел в повышении роли земства гарантию от стремлений «весьма незначительной части общества к конституционному строю, столь непригодному для России»¹¹.

наний // *Современные записки. Париж, 1933. №53. С.291–296; Савельев А.А. Два восшествия на престол русских царей // Голос минувшего. 1917. №4. С.102–103 и др.*

⁹ Гурко В.И. *Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника* / Публ. А.Д.Степанского и Н.П.Соколова. М., 2000. С.291. – Куликов пишет, что Гурко сам был гласным Тверского земства, но это не делает его утверждение достоверным, так как гласным его избрали много позже, в 1909 году. Если это не намеренная ложь мемуариста, то повторение консервативной легенды.

¹⁰ Шаховской Д.И. *Избранные статьи и письма. 1881–1895. М., 2002. С.91, 93, 98–99, 102, 108–109.*

¹¹ *Исповедь графа Лорис-Меликова // Каторга и ссылка. 1925. №2. С.120.*

Несмотря на это, многие политические и общественные деятели, даже одобрявший проект Лорис-Меликова Александр II, Александр III, а также Н.Х.Бунге, К.П.Победоносцев, С.Ю.Витте, Л.А.Тихомиров, П.Б.Струве, М.М.Ковалевский и другие считали тем не менее, что указанная мера явилась бы шагом в направлении к конституции, так как впервые в систему высших учреждений самодержавной монархии вводилось выборное представительство¹². Если согласиться с этим (а с этим соглашается и С.В.Куликов, но согласны не все историки), то Николай II, подчеркивая в своей речи спустя 14 лет преемственность охранительного по отношению к «началу Самодержавия» курса, отказывался сделать этот первый шаг. Каким образом можно увидеть здесь хотя бы намек на предполагаемые реформы и начало движения по пути таких реформ? Между тем С.В.Куликов голословно утверждает, что «по большому счету» речь была началом процесса подготовки создания народного представительства¹³.

Бывший министр финансов при Александре III Н.Х.Бунге, как справедливо пишет С.В.Куликов, вернулся в своих «Загробных заметках» (политическом завещании) к проекту Лорис-Меликова. Но речь Николая II не обнаруживает, что он взял завещанию «любимого учителя» и положил взгляды Бунге в основу гипотетического проекта постепенного внедрения элементов народного представительства. Произвольно истолковывается в этом смысле общая фраза царя, сказанная в 1897 году германскому министру иностранных дел: «можно допустить постепенное преобразование земства». Первым шагом к народному представительству почему-то объявляется «повышение авторитета» Государственного совета. Но тут же со ссылкой на И.И.Толстого выясняется, что речь идет о практике отношений между Государственным советом и императорами, существовавшей с момента образования этого, как известно, вовсе не выборного органа; все это время, до 1906 года, он был органом законосовещательным, а не «фактически законодательным» органом¹⁴.

Решение Александра III отвергнуть предложения Лорис-Меликова последовало, когда он, выслушав министров, сделал выбор в пользу

¹² См.: Мамонов А.В. *Граф М.Т.Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности* // *Отечественная история*. 2001. №5. С.45; Он же. *Лорис-Меликов М.Т. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века*. Энциклопедия. М., 2005. С.263–264.

¹³ Куликов С.В. *Император Николай II и Государственная дума...* С.32.

¹⁴ Там же. С.15–16, 21–22; Толстой И.И. *Мемуары*. М., 2002. С.234.

мнения Победоносцева. Обер-прокурор Синода заклинал нового императора не учреждать «по иноземному образцу новую верховную говорильню», «вроде французских états généraux», не идти навстречу «так называемым представителям земства». Неприемлем для Победоносцева был и идеал славянофилов – совещательный Земский собор («народу – право мнения»), который, считал он, явился бы благовидной формой вредного для России представительного начала¹⁵.

Николай II, сообщает С.В.Куликов, поручил подготовить проект своей речи тому же Победоносцеву. Однако он это сделал, оказывается, не по причине единомыслия ученика и учителя, а всего лишь ввиду репутации Победоносцева как выдающегося официального стилиста. Позже, в 1903 году, в такой же неправдоподобной, если не сказать комичной, роли «стилиста», спичрайтера по-нынешнему, но не единомышленника выступал, утверждает Куликов, князь В.П.Мещерский. Для Николая II якобы было существенно прежде всего то, что князь – внук Н.М.Карамзина – обладал «карамзинским слогом» и привлечение его не подразумевало осуществления консервативного курса¹⁶. В противоречии с этими утверждениями оказываются, помимо предположительного авторства речи, одобрение Николаем II составленной для него Победоносцевым записки о самодержавии («отлично», – написал царь на полях)¹⁷ и осуждение Победоносцевым тех, кто критиковал царскую речь. Эти факты определенно говорят о том, что в главном, в признании несовместимости самодержавия и «представительства», царь и обер-прокурор Синода были в тот момент единомышленниками.

¹⁵ Дневник Е.А.Перетца. М.; Л., 1927. С.38–40; Письма Победоносцева к Александру III. Т.2. М., 1926. С.12.

¹⁶ Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума... С.18–19, 26. – Ссылка на Н.С.Таганцева неосновательна, Таганцев, указывая, что из-под пера Победоносцева «вышли почти все торжественные акты реакционной эпохи Александра III и первой половины царствования Николая II» (Таганцев Н.С. Пережитое. Вып.1. Пг., 1919. С.38), не объяснял это лишь его репутацией стилиста. Относительно Мещерского ограничимся указанием на то, что Николай II поддерживал с князем доверительные отношения, невзирая на «скверную» его репутацию, а императрица называла его «помощником» и «советчиком» (См.: Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007; Черникова Н.В. Князь Владимир Петрович Мещерский (к портрету русского консерватора) // Отечественная история. 2001. №4.

¹⁷ Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия / Публ. Ю.Б.Соловьёва // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С.312–313.

С.В.Куликов же объявляет ссылки Николая II на преемственность политического курса – и в речи 1895 года, и позже, в манифесте 26 февраля 1903 г., – ритуальными, то есть сделанными не всерьез. Государь-де изображал себя традиционалистом, будучи на практике либералом и продолжая политику вовсе не отца, а деда¹⁸. Тезис, мало сказать, сомнительный, он крайне уязвим исследовательски. Если признается заранее, *a priori*, что содержание всех или большинства исходивших от императора источников сугубо тактическое, маскировавшее подлинные взгляды и намерения монарха, можно себя не утруждать анализом этих источников по существу. Николай II предстает перед нами конспиратором от всех, чуть ли не заговорщиком на троне. Но это достигается, как будет далее показано, путем весьма избирательного и произвольного использования имеющихся данных.

Допустим, что многие заявления императора о самодержавии представляли собой всего лишь «ритуал», диктуемый положением самодержца. Если бы даже дело обстояло так, все равно наличие у Николая II таинственного, скрываемого реформаторского проекта нуждается, чтобы не остаться просто гипотезой, в каких-то доказательствах. Увы, их нет, несмотря на то, что первому десятилетию царствования, до 1905 года, уделена большая часть статьи С.В.Куликова. При этом обращение с источниками, предьявляемыми в качестве таких доказательств, мягко говоря, вызывает вопросы.

Количество привлеченных источников велико, но они часто «не работают» на предлагаемую версию. То, что сплошь и рядом объявляется очевидным, вовсе не очевидно. Этапы якобы последовательного осуществления проекта выстраиваются искусственно, каждому приписывается одинаково важное значение. Например, «народным представительством в зародыше» объявляется «небольшой кружок из постоянных сотрудников и местных деятелей», но и он лишь «планировался»¹⁹. Существование проекта не доказывают ни размышления царя в 90-х годах о конституции, над вопросом о которой он, по его признанию, «душой переболел», ни его естественная осведомленность о политических системах в странах Запада, ни перепечатки в России из иностранных газет, ни либеральные, «чисто конституционные» взгляды молодой царицы, «полуангличанки», в начале царствования (кстати, как долго? Признается, что позже ее взгляды эволюционировали в сторону, как известно, консерва-

¹⁸ Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума... С.21, 26.

¹⁹ Там же. С.22.

тизма; изменялись ли одновременно и таким же образом взгляды Николая II?).

Далее, почему нельзя верить программной речи Николая II, но следует принимать как «адекватную информацию» все заявления, сделанные задним числом генералом А.Г. Елчаниновым, автором официальной истории царствования Николая II, изданной в 1913 году, к 300-летию Дома Романовых, в том числе об «обширных и всесторонних преобразованиях», которые государь император якобы наметил, вступив на престол? Потому что это сочинение было Николаем II то ли отредактировано, то ли проверено, то ли написано под его диктовку?²⁰ Гарантирует ли эта заинтересованность в книге ее первого читателя (или соавтора) достоверность всего, что там сообщается? И почему в других случаях можно не считаться с прямыми царскими высказываниями, включая более ранние и – в отличие от книги Елчанинова – синхронные событиям, о которых идет речь?

Куликов приводит слова Николая II, сказанные в начале 1900 г. П.В.Жуковскому, но, как ни странно, не обращает внимания на их бесспорный смысл: «Мне с разных сторон заявляют о неблагоприятии России и о настоятельности приступить к коренным реформам. Россия будто бы переживает кризис... Мне хочется знать правду и помочь – но чем?» То есть не только в 1895 году, но и в 1900-м никакого проекта коренных реформ, обширных и всесторонних преобразований, в том числе государственного строя, нет и в помине, к ним еще не приступили. И в том, что они нужны, как и в наличии кризиса, да и в «неблагополучии России», царь далеко не уверен; он признается, что не знает ни правды о положении страны, ни чем ей «помочь».

Сообщается, что после этого, «уже в 1900 г.», Николай II «непосредственно приступил к подготовке созыва народного представительства»: представители общественных учреждений (земств, Академии наук, университетов и т.д.) должны были обсудить политическое и экономическое положение России. Совещание, при всей важности повестки дня, – никак не постоянный представительный орган. Но и оно создано не было, через три дня этот тайный указ Сенату был отложен.

Лишь год спустя дело дошло, наконец, до все того же скромного «первого шага», соответствующего отвергавшимся на протяжении 20 лет идеям Лорис-Меликова, то есть до намерения образовать при Госу-

²⁰ Там же. С.16, 32, 41. О книге Елчанинова и ее специальном назначении см.: Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992. С.27–28.

дарственным совете особые совещания и подготовительные комиссии (из выборных? – прямо об этом все еще не сказано, да и нет еще реальных совещаний и комиссий, опять только декларация в виде новой статьи в Учреждении Государственного совета)²¹. Это ли постепенное, но неуклонное движение к однажды избранной цели? Скорее топтание на месте, видимость движения. О том же говорит, например, «высочайшее неудовольствие», переданное в мае 1902 г. умеренным либералам Д.Н.Шипову, П.А.Гейдену и М.А.Стаховичу – инициаторам совещания земцев, которое всего-навсего сочло неправильным устранение земств от участия в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности...²²

Наступает 1904 год. Согласно версии С.В.Куликова, в это время царь якобы дозрел до идеи создания Государственной думы, и, таким образом, он шел дальше министра внутренних дел П.Д.Святополк-Мирского, о чем тот почему-то не знал. Царь планировал создать особый высший орган, «наподобие финляндского Сейма», и царское решение «дать народное представительство было бесповоротным»²³. Основание для такого вывода – сообщение А.В.Богданович, узнавшей то, о чем Святополк-Мирский не подозревал: император собирается «дать конституцию, вроде финляндской»²⁴. Но это всего лишь слух из салона генерала Е.В.Богдановича, известного средоточия политических сплетен, включающих в себя, если по Пушкину, «быль и небыль». Действительное отношение Николая II к финляндскому «образцу» выразила тогда же им изобретенная издевательская формула «парламентриляндия адвокатов», да и весь политический курс, направленный на ликвидацию автономии Финляндии. Не допускают разных толкований слова, с которыми царь обращался уже в думский период к П.А.Столыпину, «о сомнительной пользе самого существования или созыва сейма», или – в связи с просьбой Столыпина об отставке: «Помните, что мы живем в России, а не за границей или в Финляндии...»²⁵.

А главное, как примирить утверждение о планируемом создании подобия финляндского сейма (как видим, ни на чем не основанное) с тем,

²¹ Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума... С.23–24.

²² Шевырин В.М. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Андреевич Гейден. М., 2007. С.88–96.

²³ Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума... С.28–29, 30–31.

²⁴ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С.316.

²⁵ Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? СПб., 2002. С.67–68, 72, 82–83; Переписка Н.А.Романова и П.А.Столыпина. С.120.

что из уже готового указа 12 декабря 1904 г., согласованного с министрами, Николай II вычеркнул самый важный, «пресловутый»(?) пункт куда более умеренного свойства? Это опять тот же старый минимум – о привлечении выборных от местных общественных учреждений к участию в разработке законодательных предначертаний до рассмотрения их Государственным советом, а вовсе не о парламенте и не о представительном образе правления, как пишет С.В. Куликов. Вычеркнул его после того, как выразил с этим пунктом согласие и готовность немедленно подписать весь указ. Вычеркнул, несмотря на то, что «планы П.Д.Святополк-Мирского полностью совпадали с планами Николая II» (а как же с утверждением, что «в это время царь шел дальше»?). Так или иначе, но и Куликову изъятие из указа центрального пункта кажется парадоксальным²⁶. В царском дневнике оно названо, – по обыкновению, невнятно – «некоторыми переменами» в тексте указа²⁷.

Может быть, и на этот раз царь «играл роль консерватора»? Но зачем это делать наедине со своим министром? Царь «хочет, чтобы поняли, что никаких перемен [в государственном строе] не будет». В ответ на призыв министра – «вы должны быть либеральны» – он заявляет: «Отчего могли думать, что я буду либералом? Я терпеть не могу этого слова... Перемены хотят только интеллигенты, а народ не хочет». О земцах, также желающих перемен: в их «разговорах» выражается «эгоистическое желание приобрести права и пренебрежение к нуждам народа» – заявление облыжное, его тут же Святополк-Мирский опровергает. И в довершение всего: «Нужно запретить собираться и говорить» (либералам, участникам «банкетной кампании»)»²⁸.

Мы привели отдельные записи из источника, давно известного и С.В.Куликовым используемого, – из дневника Е.А.Святополк-Мирской, жены министра, делавшей записи со слов мужа. Но как раз эти записи наш автор почему-то не приводит. Между тем никто из историков никогда не сомневался в том, что именно такими были убеждения Николая II, вполне откровенно здесь высказанные. Ведь и сам С.В.Куликов пишет, что царь всегда ориентировался на народное большинство, на «мужика», который «конституции не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки...»²⁹. И в 1904 году, когда решалась судьба указа,

²⁶ Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума... С.30.

²⁷ Дневники императора Николая II. С.241.

²⁸ Святополк-Мирская Е.А. Дневник / Публ. А.Л.Сидорова // Исторические записки. 1966. Т.77. С.247, 258–260, 271.

²⁹ Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума... С.20–21.

влияние Александры Федоровны на супруга не либеральное, а, по оценке Святополк-Мирской (то есть ее мужа), «дурное», так же, как влияние В.П.Мещерского. И мнение автора дневника – царь «слаб и виляет», «он всегда неискренен» – подкреплено фактами делового с ним общения и таким же мнением другого сановника, И.Л.Горемыкина, записанным в дневнике: «Это самый фальшивый человек»³⁰, – репутация, оспариваемая С.В.Куликовым, но она прочно закрепилась за Николаем II, в том числе в бюрократических кругах, близких трону, и это была не «иллюзия».

Тем не менее после афронта, который потерпел Святополк-Мирский, проходит короткое время, и в 1905 году продвижение к «конституции», к созыву представительного органа власти ускоряется и становится заметным. Вследствие чего? Если царь хотел обнародовать «конституцию» по окончании Русско-японской войны, то почему решение – рескрипт новому министру внутренних дел А.Г.Булыгину о законосовещательной, «булыгинской», Думе – состоялось еще до окончания войны, 18 февраля 1905 года? О Государственной, а не Государевой думе, как хотелось ему. По Куликову, Николай II видел в Думе «не нечто новое, а лишь модификацию традиции, существовавшей еще в древней Руси» (ссылка на Елчанинова). И тут же следом: думскую монархию царь на самом деле считал «фактором вестернизации»³¹. Так как же все-таки – считал он, что это нечто новое или не новое?

О причинах же составления и издания рескрипта Булыгину даются два объяснения. Одно официальное, ретроспективное, из книги того же Елчанинова: тогда, в начале 1905 года, выяснилось (вдруг!), что за почти полвека «народ русский стал понемногу образовываться и навязывать в делах общественных и государственных», вот почему «стало возможным воскресить во всем объеме обычай первых царей Дома Романовых...» и т.д. Но ведь только что царь был убежден в том, что народ

³⁰ *Святополк-Мирская Е.А. Указ. соч. С.248–249, 251, 261. – Можно привести не одно такое показание современника, вот лишь два из них. 1903 год, в это время, записывает в дневнике военный министр Куропаткин, «государь непременно против кого-то интригует» – так, уже год он держит у себя постановление Государственного совета об отмене круговой поруки и о других мерах, облегчающих положение крестьянства; он «хитрит с нами», так как еще не окреп «опытностью и разумом» (Дневник А.Н.Куропаткина. Н.Новгород, 1923. С.35–36). Но и в 1907 году «всякий чувствует, что все, что обещано царем, непрочное, что на него надеяться нельзя» (Богданович А.В. Указ. соч. С.439). И т.д. Неужели сановники руководствовались в своих оценках «презумпцией виновности»?*

³¹ *Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума... С.42.*

перемен не хочет. Противоречия С.В.Куликов опять не замечает, но сам объяснением Елчанинова, видимо, удовлетвориться не может и на вопрос о причинах отвечает так: это произошло «под влиянием последовавшего вскоре обострения внутривосточной ситуации». Слово «революция» не употреблено, но все же на сей раз исходный тезис о полной независимости царя от «внешних факторов» забыт³².

Остается непонятным, почему он забыт только в этом случае. Почему не говорится о влиянии более раннего «внешнего фактора» – предреволюционного общественного подъема начала 1900-х годов – на разработку планов В.К.Плеве и П.Д.Святополк-Мирского, которые царь якобы тогда превзошел. И о влиянии более поздних революционных событий 1905 года на замену «дарованной» только что, в августе, законосовещательной Государственной думы Думой законодательной.

На этот раз указанный принцип проводится «железно». Все дело в царской воле, в августе царь будто бы уже наметил скорую замену (зачем?) столь тщательно обсуждавшегося на Петергофских совещаниях и принятого варианта Думы на манер Земских соборов, «булыгинской», – другим вариантом, исторических аналогов в России не имевшим³³. Манифест 17 октября преподносится как решение, принятое независимо от контекста времени, от главного события – всероссийской политической стачки, куда более опасной, чем «обострение ситуации» в начале 1905 г. Причем вопреки не только «историографическому стереотипу», но вопреки тому, чем сам Николай II тогда же объяснил издание Манифеста в известных письмах Д.Ф.Трепову и императрице Марии Федоровне. Объяснил, трактуя его именно как уступку, вовсе не запрограммированную заранее.

Действительные причины, побудившие его принять это решение, он назвал совершенно недвусмысленно. Из писем явствует, что оно было не добровольным, а вынужденным сложившейся в стране обстановкой и соотношением сил в царском окружении. Но, поскольку названные «неудобные» источники разрушают концепцию Куликова, их содержание дезавуируется указанием на английское воспитание и психологию царя, терпимость (неужели беспредельную?) его к разным взглядам, вследствие чего он якобы писал и говорил лишь то, что было приятно прочитать и услышать его корреспондентам и собеседникам³⁴. Стало быть, буквальным смыслом можно и на сей раз пренебречь.

³² Там же. С.31, 32.

³³ Там же. С.36–37.

³⁴ Там же. С.39.

Итак, Николай II пишет Трепову – еще раз заметим, пишет с полной определенностью: «Немного нас было, которые боролись против нее» (конституции), «всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное!»³⁵ А С.В.Куликов комментирует, не замечая смехотворности своего довода: царь, употребляя местоимение «нас», не имел в виду себя, эту фразу нужно понимать лишь как проявление благосклонности к «верному слуге» Трепову!³⁶ Царь ясно, без всяких экивоков (ведь письмо – не публичный «ритуал»), утверждает, что он не хотел даровать конституцию, чем явился Манифест 17 октября, что он боролся вместе с немногими против такого решения, да и число этих немногих, его единомышленников, сокращалось. Но историк верить ему не хочет...

С письмом Николая II матери от 19 октября 1905 г. С.В.Куликов поступает еще проще: о том, что там написано о причинах «страшного решения», он умалчивает. А эти названные здесь причины таковы: «Петербург и Москва оказались отрезанными от внутренних губерний... После железных дорог стачка перешла на фабрики и заводы, а потом даже в городские учреждения и в департамент железных дорог Министерства путей сообщения...». И далее о сложившейся ситуации выбора из двух вариантов – военной диктатуры и конституции и о том (как в письме Трепову), что «почти все», к кому царь обращался, находили «так же, как Витте», что, кроме конституции, нет другого выхода»³⁷.

Из этих двух писем следует, что в намерения Николая II не входило заходить так далеко, он предпочел бы остановиться на рубеже законосовещательной Думы. Этот рубеж он не рассматривал как конституцию и к ней до этого не стремился. С.В.Куликов полагает, что в историографии значение Манифеста 17 октября «чрезмерно преувеличивается»³⁸. Это неверно, но если бы даже дело обстояло так и современники (не

³⁵ «Вы единственный из моих слуг, на которого я могу совершенно положиться» (Из переписки Николая II и Д.Ф.Трепова. 1905–1906 гг. / Публ. И.И.Глебовой // Исторический архив. 2003. №4. С.177.

³⁶ Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума... С.39.

³⁷ Переписка Николая II и Марии Федоровны // Красный архив. 1927. Т.3 (22). С.167–168.

³⁸ Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума... С.43. – Ср. оценку С.Ю.Витте (которому Николай II не простил издания Манифеста 17 октября): Манифест «отрезает вчера от сегодня, прошедшее от будущего. Можно и должно было не спешить с этой исторической операцией, сделать ее более осторожно, более антисептически, но операция эта, по моему убеждению, была необходима. Это неизбежный ход истории, прогресса бытия» (Витте С.Ю. Воспоминания. Т.3. М., 1960. С.47).

одни историки!) ошибались, Николай II не воспринимал это событие как лишь один из «этапов» «длительного процесса». Решение, принятое 17 октября, он назвал «страшным» именно потому, что обязательство «проводить всякий законопроект через Государственную думу» в сочетании с предоставлением населению гражданских прав явилось, как он написал Марии Федоровне, «в сущности конституцией», нежеланной и непредполагавшейся. Тогда как решение о совещательной Думе в его глазах конституцией не было – так же, как не считал когда-то конституцией свои предложения Лорис-Меликов.

Поэтому та «приверженность» Николая II Манифесту 17 октября, о которой далее пишет С.В.Куликов, не могла быть искренней, сколько бы царь об этом ни говорил, якобы «жестко дистанцируясь» от консерваторов». О том, каким было истинное отношение царя к манифесту, свидетельств более чем достаточно. Определенно выразил это отношение уже в 1908 году, в период деятельности III Думы, самой приемлемой из всех, дворцовый комендант В.А.Дедюлин, обращаясь, кстати, к консерваторам, крайним правым: «Сам царь болеет за этот манифест и хотел бы его отменить. Но манифест 17-го октября ведь дан. Основные законы существуют. Ну, как же теперь назад это взять?»³⁹ – свидетельство, которым С.В.Куликов пренебрегает, как и прочими такого рода свидетельствами.

Точно так же вынужденным было признание царем того, что его власть перестала быть неограниченной. О том, что дело обстоит теперь так фактически и юридически, ему говорили еще в тот момент, когда обсуждался проект булыгинской думы, в июле 1905 г., участники обсуждения Н.С.Таганцев, Д.Ф.Трепов, П.К.Шванебах. Об этом С.В.Куликов сообщает, но он умалчивает о том, как на это реагировал Николай II – тогда и позже, в апреле 1906 г., при обсуждении специальным секретным совещанием проекта новой редакции Основных законов, представленной Советом министров. Он, пишет С.В.Куликов, «по сути согласился с разведением понятий "самодержавный" и "неограниченный"»⁴⁰. Но после чего? Умолчание тем более странно, что Куликов детальнейшим образом, привлекая новые документы, изучил весь процесс подготовки Основных законов⁴¹.

³⁹ *Власть и крайне правые партии. Запись беседы дворцового коменданта В.А.Дедюлина (1908 г.)... / Публ. Ю.И.Кирьянова // Исторический архив. 2000. №1. С.90–91.*

⁴⁰ *Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума... С.42–43, 35–36.*

⁴¹ *См.: Куликов С.В. Власть науки и наука власти в России начала XX века // Россия XXI. 2001. №6. С.45–62; и другие работы автора.*

Восстановим же этот момент обсуждения, известный и до опубликования нового материала. По свидетельству близкого Витте чиновника А.А.Спасского-Одынца, «отношение... к термину "неограниченный" самого государя было двойственно, как двойственен был и характер государя...»⁴². Царь заявил 9 апреля, что в получаемых им «со всех концов и углов земли Русской» телеграммах и адресах содержится благодарность за права, дарованные Манифестом 17 октября, «вместе с мольбой не ограничивать свою власть». Он не убежден в том, что должен «отречься от самодержавных прав».

Ему снова разъясняли К.И.Пален и М.Г.Акимов, что он уже ограничил свою власть в области законодательства, раз не может, как прежде, издавать законы, не прошедшие через Государственную думу и Государственный совет. Но и выслушав эти компетентные разъяснения старейших сановников и юристов (кстати, вовсе не сторонников Манифеста 17 октября), царь взял время на раздумье. Лишь на заключительном заседании 12 апреля, отвечая на прямой вопрос председателя Государственного совета графа Д.М.Сольского, заданный дважды, он согласился, наконец, с тем, что слово «неограниченный» должно быть из «Основных законов» исключено⁴³. Так что рассуждение Елчанинова в 1913 году о единстве двух Манифестов – 18 февраля и 17 октября 1905 г., восстановивших «"истинное самодержавие", какое было в древней Руси», принимать за чистую монету наивно. Рассуждение не столько раскрывало, сколько скрывало взгляды Николая II, тосковавшего по несостоявшейся в 1905 году законосовещательной думе. Напомним, протоколы обсуждения Основных законов 1906 года, не говоря уже о царской переписке, были до 1917 года секретными и недоступными.

К версии, которую мы рассматриваем, С.В.Куликов пришел в процессе изучения российской бюрократической элиты предреволюционного периода⁴⁴. Николая II он считает не только «высшим чиновником», но и «настоящим интеллигентом» – определение довольно экстравагантное, хотя и сопровождаемое оговоркой: «при деполитизированной

⁴² Ганелин Р.Ш. С.Ю.Витте – первый председатель Совета министров Российской империи в воспоминаниях А.А.Спасского-Одынца // *Английская набережная, 4. Ежегодник. СПб., 1997. С.338.*

⁴³ Таганцев Н.С. *Пережитое. Вып.2. Пг., 1919. С.86; Царскоесельские совещания. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. №4 (26). С.204, 206, 245.*

⁴⁴ Куликов С.В. *Бюрократическая элита России накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.*

трактовке этого феномена». В пользу такой аттестации приводятся многочисленные свидетельства об уме, памяти и образованности царя, знании им иностранных языков, интересе к истории⁴⁵. Все это, впрочем, никто в наше время не отрицает (хотя известно также, что русскую классическую литературу он знал слабо). Однако сами по себе перечисленные качества не могут служить ключом к объяснению особенностей политического поведения самодержца, и, вероятно, это ясно и С.В.Куликову.

Если оставить в стороне влияние «внешних» факторов и черты психического склада, которому Куликов также не придает значения, остаются в качестве такого ключа взгляды императора. После всего, что сказано выше, можно усомниться в том, что «государственно-правовой дискурс начала XX века преломлялся прежде всего в мировоззрении и деятельности Николая II»⁴⁶. Верно, конечно, что для Николая II всегда был неприемлем парламентаризм, существовавший в Англии и во Франции, где правительство формировалось по результатам выборов и отвечало перед нижней палатой парламента. Это так, и уже поэтому «конституционное» влияние императрицы на супруга крайне сомнительно. Но, как мы видели, какой-то иной парламент тоже не планировалось «даровать». Взгляд на самодержавие был у обоих единый.

Самодержавие без какого бы то ни было парламента рассматривалось всегда массой консервативно настроенных дворян, образованных и не очень, знакомых и незнакомых с учеными трудами, как не просто самобытная, но единственно разумная, безусловно наилучшая форма правления. Одна лишь иллюстрация: когда после реформы 1861 года появились сторонники введения в России так называемой аристократической (олигархической) конституции, чтобы возместить урон, нанесенный дворянству реформой, им возражали другие помещики, и таких было гораздо больше: «Ну что же вы хотите, чтобы у нас завелась такая же гадость, как английская королева, которая не только ничем не может распорядиться, но даже и говорит-то по указке министров»⁴⁷. Высоко-

⁴⁵ От «феномена» русской интеллигенции при этом мало что остается. Ср., напр., что писал об этом «совсем особом» «духовно-социальном образовании» Н.А.Бердяев: «Интеллигенция была идеалистическим классом, классом людей, целиком увлеченных идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, каторгу и на казнь. Интеллигенция не могла у нас жить в настоящем, она жила в будущем, а иногда в прошедшем» и т.д. (О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С.64). Имеет ли в виду С.В.Куликов «жизнь в прошедшем»?

⁴⁶ Куликов С.В. Государственно-правовой дискурс... С.284.

⁴⁷ Пантелеев Л.Ф. Из недавнего прошлого Вологды // Вологда. Историко-краеведческий

мерное или презрительное отношение к такой «гадости» воспитывалось в членах династии Романовых из поколения в поколение, внушено оно было и Николаю II.

Внушено вместе с убеждением в превосходстве самодержавия как «исторической» власти: Россия благодаря самодержавию крепнет, а государства, устроенные иначе, из-за этого слабеют. Победоносцев, отрицавший органичность для России представительной системы в любом виде, считал ее пригодной лишь для небольшого числа европейских стран (кроме Англии, для Голландии и Бельгии), а также для США и искусственной, непрочной во всех остальных странах, где она есть, включая Францию. После заключения франко-русского союза Франция сочувственно изображалась в консервативной публицистике жертвой масонских козней, выражались надежды на успешную в конце концов реставрацию в этой стране монархии. Более того, находились публицисты,⁴⁸ утверждавшие, что и Англия уже «погибла» из-за парламентаризма.

Тем не менее Государственная дума стала частью российской действительности. Уместно поставить вопрос: чем же и после этого, какими устойчивыми чертами мировоззрения императора было обусловлено неприязненное, а то и прямо враждебное его отношение к этому институту? Мы не касаемся здесь конкретных подробностей взаимоотношений его с Думой каждого из четырех созывов, поведения думских фракций и т.д., они изучались и будут изучаться, – подробности эти, несомненно, важны, но суть поставленного вопроса не в этом.

Понять взгляды Николая II на соотношение самодержавия и народного представительства невозможно, если рассматривать их только через рационалистическую призму – классификацию существовавших тогда в Европе и Америке государственных устройств. Устройств, из которых император с помощью советников и экспертов мог выбирать самое подходящее для России, не обращая никакого внимания на происходящее вокруг. Нельзя игнорировать религиозно-мифологическую основу этих взглядов, во-первых, и вытекавшие из нее политические приоритеты, во-вторых. В представлениях императора о своей власти как служении Богу и об ответственности только перед ним находил выражение не просто консерватизм, тем более «творческий консерватизм», а традиционализм – идея преемственности без перемен, стабиль-

альманах. Вып. I. Вологда, 1994. С.310–312.

⁴⁸ Суворин А.С. *Дневник*. М., 2000. С.364. – Суворин излагал содержание статей князя Э.Э.Ухтомского в «Санкт-Петербургских ведомостях».

ности как неподвижности, исключая необходимость совершенствования самодержавия даже для его укрепления. Нет большого преувеличения, когда определяют эту идею как первый в новое время фундаментализм. Ничего близкого ему Европа, включая Германию, в то время не знала.

Личностно-мировоззренческий момент во многом определял специфику российского авторитарного режима в конце XIX – начале XX века. Этот режим и его идеология вступали в противоречие с тем новым, что вошло в жизнь страны после того, как стали осуществляться некоторые назревшие преобразования, – с логикой модернизационного процесса. Как убедительно пишет В.В.Шелохаев, «обновленный внутривластный курс авторитаризма пытался реализовать в системе координат и под флагом именно традиционной идеологии» «в рамках старой идеологической парадигмы, уже явно не соответствующей модернизирующемуся общественному сознанию»⁴⁹. Согласно точному описанию Н.Н.Берберовой, Николай II верил, «что, прочитав в день коронации молитву "помазанника", он, принимая символ за реальность, стал действительно этим "помазанником"...», он «жил в убеждении, что Бог... строго запретил делить власть с кем бы то ни было...»⁵⁰. Религиозное ядро концепции государства было в его сознании непоколебимым на протяжении всего царствования, самодержавие, которое он так ощущал, не нуждалось в дополнении совсем иного происхождения – в народном представительстве.

Современные поклонники самодержавной монархии, отдающие предпочтение «ответственности не перед смертными (как происходило в некоторых западноевропейских странах), а перед Богом»⁵¹, предпочитают не замечать, что оборотной стороной такой власти, ставшей к тому времени анахронизмом, явился отрыв от действительности, проявлявшийся как во внутренней, так и во внешней политике.

Приведем два более поздних примера. Уже после того, как удалось миновать самый острый момент первой революции, встретившиеся с Николаем II в Петергофе деятели – сторонники реформ – обратили внимание на благодушное настроение императора, «ощущение спокойствия», его уверенность в том, что отныне «можно без новшеств обойтись». По словам А.И.Гучкова, «насколько Столыпин хотел введения

⁴⁹ [Шелохаев В.В.]. *Послесловие // Модели общественного переустройства России...* С.558–559.

⁵⁰ Берберова Н. *Курсив мой. Автобиография.* М., 1996. С.109.

⁵¹ Боханов А.Н. *История России. XIX – начало XX в. М., 1998. С.10.*

новых элементов, настолько государь перестал этим дорожить», а по впечатлению Н.Н.Львова от той же встречи с царем в июле 1906 г., «между маленьким, почти игрушечным дворцом Александрия и ужасом русской жизни лежала целая пропасть»⁵². Тогда-то Столыпин, только что вступивший в должность главы правительства, выслушав рассказ Гучкова и Львова, назвал царя «загадкой», подобно, впрочем, многим другим современникам.

Гучков и Львов – умеренные либералы, но журналист иной, консервативной ориентации, идеолог русского национализма М.А.Меньшиков писал то же самое в другой момент, в 1912 году, возлагая, правда, вину на «ничтожных придворных», которые извращают действительность и тем самым «успокаивают» «единственного человека, который должен быть воплощенной тревогой»⁵³. Иначе говоря, Николай II, по мнению Меньшикова и не его одного, такой «воплощенной тревогой» не был. Он и не считал, что должен ею быть, и не мог быть по своей натуре. Помимо всего прочего, если взять лишь одну, но решающую сторону его психического облика, он не обладал «инстинктом власти». Для России он хотел «тихого и безмолвного жития»⁵⁴. Но Россия менялась, постепенно утрачивая черты прежней патриархальной большой семьи с непрерываемым в глазах подданных авторитетом главы этой семьи.

Историк В.П.Буддаков, нарисовавший психологический портрет Николая II, приходит к обоснованному обобщению: «...Вялая "энергетика" правителя не соответствовала возросшей пассионарности России. Идеалом императора была стабильность, в то время как устойчивость российской имперской системе мог дать только рывок в будущее». Николай II «намеревался править по принципам вечного застоя и удивлялся, что это не встречает понимания... Константой поведения императора стало своего рода неуверенное упрямство» – между тем «на Руси уважают непредсказуемость уверенного в себе правителя»⁵⁵.

⁵² Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства / Публ. В.И.Старцева, С.Ляндреса, А.В.Смолина. М., 1993. С.49; Львов Н.Н. Указ. соч. С.150. Александрия – дворец в Петергофе, где царь принимал Гучкова и Львова.

⁵³ «Нужны действительные торжества, действительные успехи власти». Отклики на приезд Николая II в Москву в мае 1912 г. / Публ. И.С.Розенталя // Исторический архив. 2002. №5. С.207.

⁵⁴ Дневники императора Николая II. С.245.

⁵⁵ Буддаков В. «Щупленький офицерик». Николай II и съевшие его гиены // Независимая газета. 2000. 27 июля. С.15. См. подробнее: Он же. Красная смута. Природа и последст-

Конечно, этот отрыв от действительности корректировался ходом событий и действиями тех или иных лиц из правящей элиты. Но монарх часто корректировке противился, используя возможности самодержавной власти, слушая, как объяснял он, свой «внутренний голос» и следуя советам других лиц, в том числе «безответственных», но зато по собственному своему выбору, что казалось ему крайне важной привилегией.

Напротив, Государственная дума, когда она появилась, не воспринималась в роли органа, способного «корректировать» политику, на что-то «указывать» императору. Еще до выяснения состава I Думы и начала ее деятельности она квалифицировалась царем как «не помощник, а враг»; II Думу он именовал «проклятой», и по случаю ее разгона у него было «светлое настроение»⁵⁶. С этими двумя Думами вроде бы все понятно: они были резко оппозиционными, требовали фактически отказаться от разработанных без их участия Основных законов. Но III и IV Думы, избранные по новому избирательному закону, императора также не устраивали. До конца правления так и не была выстроена ясная и отлаженная система взаимодействия между монархом и Думой. Общий взгляд императора на Думу влиял на отношение к ней не меньше, чем ее партийный состав и выступления депутатов.

Отрыв от действительности был неизбежен и потому, что существовала подпитывавшая его идеологическая среда, пространство консервативной – при всех вносимых в это время модификациях – утопии, влиявшей на императора больше, чем на его предшественников на троне. Результаты исследований русской консервативной мысли во всем разнообразии ее оттенков⁵⁷ позволяют более точно оценить это влияние и практические его последствия.

Так, до появления Государственной думы, в начале 1900-х годов министры, по мнению Николая II, «задерживали», то есть сдерживали, его в осуществлении «грандиозных планов» («мечтаний») – завоевания Манчжурии, Кореи, Тибета, Персии, Босфора и Дарданелл. Согласно записи в дневнике военного министра А.Н.Куропаткина от 16 февраля 1903 г., одни из этих стран и районов царь намеревался «взять под свою державу» «для России», другие «захватить». Примечательно, что вынужденный пока эти планы, сложившиеся у него «в голове», ограничить

вия революционного насилия. М., 1997. С.45–55.

⁵⁶ *Воспоминания. Из бумаг С.Е.Крыжановского, последнего гос. секретаря Рос. империи. Берлин, [1938]. С.66; Дневники императора Николая II. С.370. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С.408.*

⁵⁷ *См.: Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.*

Дальним Востоком, царь по-прежнему считал, что «он прав», что «вопросы славы и пользы России» он понимает лучше, чем министры, которые-де его «разочаровывают». Государю кажется «более правильно понимающим его замыслы», отметил Куропаткин, «каждый Безобразов, который поет в унисон» (А.М.Безобразов и члены его кружка оказывали в это время решающее влияние на дальневосточную политику России)⁵⁸.

Дело не в частных лишь просчетах, как иногда деликатно выражаются исследователи внешней политики России, а в породившем эти просчеты ирреальном видении интересов России. Вероятно, замыслы царя сложились под воздействием не одного, а сразу нескольких факторов, современных и унаследованных: особенностей воспитания; впечатлений от восточного путешествия 1890–1891 гг., когда царь еще был наследником; территориальной экспансии других великих держав; преувеличения возможностей России и недостаточного знания стоявших перед ней проблем; наконец, мессианской традиции русской общественной мысли и идеализации войн.

Откуда бы ни выводить эту традицию (на этот счет высказывались и высказываются разные суждения)⁵⁹, воздействие ее было ощутимо – начиная, по меньшей мере, с определения глобальных параметров «русской географии» в одноименном стихотворении Ф.И.Тютчева, увидевшем свет в 1883 году, и кончая геополитическими идеями современников Николая II князя Э.Э.Ухтомского, С.Н.Сыромятникова, Л.А.Тихомирова и других. Эти идеи, несомненно, увлекали императора и одновременно дезориентировали. Увлекали явно в большей степени, чем идеи правоведов.

Если Тютчев мечтал о православной империи «от Нила до Невы, от Эльбы до Китая, от Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная», то публицисты, близкие в своем антизападничестве Николаю II, предлагали, с од-

⁵⁸ Дневник А.Н.Куропаткина. С.35–36.

⁵⁹ См.: «...Душевно тянусь». Письма Н.В.Вольского М.М.Карповичу (1956–1957) / Публ. А.Зейде // Диаспора: Новые материалы. Т.9. СПб.; Париж., 2007. С.364–365, 371; Розенталь И.С. В разных измерениях: Верещагин, Круская и «пяточковая публика» // Историк и художник. 2008. №3 (17). С.123–126; Он же. Валентинов и его время // Россия XXI. 2008. №6. С. 94, 111–114; Цимбаев Н.И. Обретение Града. Тютчев: поэт или пророк // Историк и художник. 2004. №2. С.167–168; Янов А. Загадка николаевской России. 1825–1855. М., 2007. Гл.6, 7. – Особый случай: историк не только признает правильными все (!) оценки и предсказания Тютчева, но, сам выступая в роли футуролога, объявляет Тютчева «современным любой эпохе» (Черникова Н.В. Тютчев // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия. С.561).

ной стороны, вполне традиционалистские, проникнутые критикой буржуазности, с другой, – в чем-то новые обоснования необходимости экспансии России именно в восточном направлении, до «естественных» пределов. Они претендовали на роль специалистов по Востоку и пытались доказать, прибегая к аргументам как религиозным, так и псевдонаучным, что эта экспансия будет, как и раньше, принципиально отличаться от экспансии западных колонизаторов в силу коренных различий между Россией и Западом, экономических, политических и духовных.

Не пытаясь изложить в полном объеме их воззрения (это сделано в монографии А.В.Репникова и в других специальных исследованиях), обратим внимание на следующее. Среди этих аргументов в пользу «активной» имперской политики в Азии выдвигались часто крайне неконкретные, но внушавшие необоснованный оптимизм утверждения о духовной близости русским – «последним богоносцам» – арабов, персов и китайцев. Они, писал Сыромятников, «не загнушили в себе Бога и, несмотря на дикость свою и некультурность, не осмеливаются на место головы и сердца поставить брюхо и кошель с деньгами». Поэтому нужно пойти заодно с Азией против Запада, «за бедность против богатства», тем более что российская государственность, по Сыромятникову, – наследница византийской церкви и китайской государственной мысли. «Нет ничего легче для русских людей, как ладить с азиатами»; Восток и Россия – «одно гармоничное в своих духовных основаниях целое», – вторил ему Ухтомский⁶⁰.

Умозрительность этих концепций и прогнозов обнаружилась в скором времени. Результаты первой попытки осуществить вдохновленные ими царские «мечтания» известны. Война с Японией оказалась не «маленькой» и не «победоносной» и потому не оказала стабилизирующего влияния на внутреннее положение страны. Но только ли потому? И

⁶⁰ Репников А.В. Указ. соч. М., 2007. С.222–237.

С.Н.Сыромятников (1864–1933) – журналист, товарищ председателя Русского собрания, с 1906 года редактор правительственного офицюза «Россия».

Э.Э.Ухтомский (1861–1921) – журналист, поэт, издатель, входил в свиту будущего императора в путешествии по странам Востока и составил многотомный отчет о путешествии; учредитель и председатель правления Русско-Китайского банка, член правления КВЖД (См. об Ухтомском: Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С.265–267 и др. – Как пишет автор, Ухтомский «представлял собой тип бойкого, плодовитого, но совершенно беспринципного писака, причем задатки авантюриста сказывались и в его государственной деятельности»).

возможен ли был иной результат, «случись» – представим невозможное при тогдашнем раскладе сил – победа? Вспомним: в это же время, накануне войны, царь откровенно признавал (выше мы приводили этот текст по статье С.В.Куликова), что не знает, в каком положении находится Россия, хотя ему твердят, что оно неблагоприятно и что требуется приступить, наконец, к коренным реформам.

По-видимому, до 1905 года интересы Николая II лежали в большей мере в области внешней политики, где, по его убеждению, можно было приобрести «славу» и «пользу» России. Так что и этот приоритет свидетельствует против версии о целенаправленных усилиях царя в реформировании государственного устройства, включая создание народного представительства по германскому образцу. Как было показано выше, нет оснований сомневаться в том, что реформирование российской государственности как часть модернизации страны началось только в 1905 году, с явным отставанием и от национальных потребностей, и от мировых процессов, под «внешним» давлением.

С.В.Куликов приводит высказывания Николая II конца 1890-х годов, свидетельствующие о том, что переход к парламентаризму он считал опасным вследствие социальной и национальной неоднородности России, малой культурности народа, его консерватизма. Введение конституции, ограничивающей самодержавие, полагал он, могло бы повлечь за собой народный бунт против образованной части общества и гибель России⁶¹. Отсюда опять-таки не следует, что, исходя из этого, царь избрал с начала правления путь постепенного продвижения хотя бы к дуализму. Кроме того, высказывания эти, имеющие немаловажное значение, недостаточны, необходимо выяснить, осталось ли таким же или в какой-то мере изменилось представление царя о народе в последующие годы, в период думской монархии, насколько оно было адекватным и как отразилось на отношении к Государственной думе. Представляется существенно важным сопоставительный анализ традиционалистского начала в трех его конкретных выражениях – в сознании Николая II, во взглядах идеологов русского консерватизма и в массовом сознании. Это задача специальных исследований, но ясно, что ставить между ними знак равенства нет оснований.

В связи с этим, говоря о традиционалистской сущности государственных воззрений Николая II, необходимо сказать еще об одной традиции. К ней он как будто тоже был причастен, когда решился, наконец, на обновление российской монархии. Речь идет на сей раз, как может

⁶¹ Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума... С.19–21.

показаться, о проникновении в его взгляды модернизаторских элементов, о российской традиции представительной власти (традиции парламентаризма, если употреблять это слово в широком смысле). Но донныне остается дискуссионным вопрос о том, имеется ли в России такая политически действенная традиция, преемственно соединяющая Государственные думы XX и XXI веков с институтами допетровской Руси, является ли истоком парламентской традиции вече, а продолжением Земские соборы и, наконец, Государственные думы.

Доводы тех, кто отвечает на эти вопросы отрицательно, убедительны⁶². Такой традиции, не прерывающейся в реальности и в исторической памяти на века, традиции, укорененной в массовом сознании, в России не было и нет. Ее, согласно современной терминологии, «изобретали», когда возникала потребность в соответствующем историческом мифе. Мифотворчеством на эту тему, более или менее осозанным, занимались декабристы, славянофилы, наконец, Александр III, Николай II и их окружение. Но это ряд различных идеологических построений с разными целями, обусловленных разными обстоятельствами. Они не вполне совпадают по содержанию и непосредственно не связаны с прогрессом в научном изучении прошлого России, с более глубоким пониманием природы таких институтов, как вече и Земские соборы.

Императоров вече не особенно интересовало, но Земским соборам – вопреки тому, что писал в свое время Победоносцев и с чем согласился Александр III, – нашлось место на определенном этапе эволюции мифологии самодержавия. Новое состояло в том, что самодержавие стало противоречиво изображаться, особенно при Николае II, явлением сакральным и в то же время народным, связанным в большей мере с допетровским, московским периодом российской истории, чем с петербургским, – вплоть до «патриотического» решения переименовать Петербург в Петроград, – и с одновременной мифологизацией личности монарха. Развитием мифа самодержавия явилась вера самодержца в мифическую Россию XVII века, в мифический народ и мифическую Москву – «хранительницу национального духа» (хотя от идеи переноса в Москву столицы, рассматривавшейся при Александре III, отказались)⁶³.

⁶² См.: Ачкасов В.А. *Существует ли в России традиция парламентаризма? // Таврические чтения 2007... С.211–220. Ср.: Представительная власть в России: История и современность. М., 2004.*

⁶³ Ренников А.В. *Указ. соч. С.121–132, 173–175. Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004. С.9–41; Уортман Р. Николай II и образ*

К этому стоит добавить, что миф о преемственной связи монархического строя XX века с монархией первых Романовых имел и практическое назначение. Оно состояло, в частности, в том, чтобы обойтись в официальном словоупотреблении без терминов «конституция» и «парламент». Депутаты Думы изображались людьми, призванными царем «к себе в сотрудники», в «служители», взамен чиновников, прежде плохо исполнявших свои обязанности; эту идею пропагандировала газета «Россия», направляемая Столыпиным. Пропагандировал ее и генерал Елчанинов в своем официозном труде, когда писал о воскрешении Николаем II «во всем объеме» обычая созывать Земские соборы.

Оценивать такого рода пассажи как всего лишь «традиционалистскую риторику», которая не могла скрыть модернистского смысла царских решений⁶⁴, неправильно. Не потому, что риторика, как и сопутствовавший ей ритуал, не были традиционалистскими, но потому, что им отводилось важное место в политике, они не просто служили, как отмечает Р. Уортман, «цветистым задником на сцене политической жизни», но являлись необходимым «аспектом политической власти»⁶⁵.

В дореволюционной России всем было понятно, что заявления с вершины власти, причем не только их содержание, но и форма, имеют далеко не формальное значение. Историки подчас проходят мимо очевидного: идеологически это был шаг навстречу крайне правым – они продолжали твердить, что самодержавие может быть только неограниченным, рассчитывали на возвращение к старой редакции Основных законов, а Думе указывали, что она по царской мысли учреждение законосоветательное и никакое не народное представительство, так как единственный представитель народа – император. Этот взгляд был недалек от взглядов таких признавших законодательную Думу консерваторов, как Сыромятников, который объявлял еще до созыва Думы самодержавие истинной демократией в отличие от западной «лжедемокра-

самодержавия. С.18–30, 291–292; Он же. Сценарии власти: Мифы и церемонии царской монархии. Т.2. М., 2004. – В статьях к юбилею Дома Романовых оппозиционная печать расставляла акценты иначе, не без политических аллюзий. Так, одна из газет писала, что в начале XVII в. земская Россия, «покинутая беспомощной, опустившей руки властью», «сама справилась со смутой», выдвинув народного царя Михаила Романова; последующие Романовы ради внешней экспансии приносили в жертву «иные, более важные для внутреннего совершенствования России цели, настоящие, неотложные задачи» (Утро России. 1913. 21 февраля).

⁶⁴ Куликов С.В. Император Николай II и Государственная дума... С.32.

⁶⁵ Уортман Р. Николай II и образ самодержавия. С.18.

тии»: «Россия – свободная демократия со свободным царем во главе, ответственным лишь перед Богом и совестью»⁶⁶.

От точки зрения редактора правительственного официоза не отличалась по существу характеристика, которую давал самодержавию сам Столыпин, хотя он и не употреблял слово «демократия». Выступая во II Думе, он подчеркнул, что «историческая самодержавная власть и свободная воля монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности». Он публично заявлял – вразрез с новой формулировкой Основных законов, откуда эпитет «неограниченная» (власть монарха) был в 1906 году удален: неверно, что появление Государственной думы «что-либо урвало от царской власти». Признав «святой истиной» слова министра финансов В.Н.Коковцова «У нас парламента, слава Богу, пока еще нет» (то есть нет парламентаризма типа английского, французского или итальянского), он назвал бесплодными «споры о том, самодержавие у нас или конституция», отрицая, таким образом, в согласии с Николаем II и правыми кругами, что Россия стала конституционной монархией. Открыто слово «конституция» никогда царем не произносилось⁶⁷.

Имели ли сколько-нибудь важное значение эти «споры о словах»? С.В.Куликов в другой своей работе повторяет мысль Столыпина, он пишет, что «с точки зрения государственно-правовой доктрины подобная недосказанность не имела никакого принципиального значения». Однако тут же он утверждает, что ограниченная монархия – это не только все равно, что монархия конституционная, но и то же, что правовое государство (то есть и оно уже состоялось, стало реальностью). Он находит, что таково было и мнение правоведа кадета В.М.Гессена, писавшего, что Россия – «наименее правовое из всех правовых государств». Между тем мысль Гессена, который теоретически обосновал неразрешимый характер конфронтации Государственной думы и само-

⁶⁶ Сыромятников С.Н. (Сигма). *Опыты русской мысли. Кн.1. СПб., 1901. С.44.*

⁶⁷ Цит. по: Аврех А.Я. *П.А.Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С.44, 135.* – Ср. типичное заявление В.М.Пуришкевича в 1913 году: «Ни о какой конституции у нас речи быть не может. Наша конституция – это крестное целование. Государь Император целует крест в знак того, что он дает ответ за свои действия только перед Господом Богом и своей совестью, народ целует крест Царю на верную службу – вот наша конституция» (*Правые партии. Документы и материалы. Т.2. 1911–1917 гг. М., 1998. С.316*). При этом, в отличие от дубровинцев и других «неумеренных правых», Пуришкевич и ему подобные деятели правомонархических организаций не отказывались от участия в Государственных думах.

державной монархии («дуалистическое государство живет под дамокловым мечом государственного переворота»⁶⁸), гораздо ближе к оспариваемому Куликовым мнению Макса Вебера об Основных законах 1906 года как «лжеконституции». Ведь и правый либерал П.Б.Струве констатировал: «конституция существует в праве (законе) и отсутствует в правосознании правящих»⁶⁹, естественно, не считая возможным игнорировать реалии российского бытия, практику правоприменения.

В основе мнения Вебера (и его русских единомышленников), утверждает Куликов, не научная, а политическая мотивация⁷⁰. Можно подумать, что у Столыпина не было политической мотивации и он, подобно Куликову, оперировал юридическими категориями и только. Практика прохождения реформ, связываемых с именем Столыпина, показала, что близость позиций монарха и его премьера в оценке самодержавия не способна создать для реформаторского курса прочную почву (при том, что срок премьерства Столыпина был самым продолжительным с момента введения в 1905 году должности председателя Совета министров). К тому же близость оказалась неполной. Столыпин считал, что идти назад, то есть возвращаться к «булыгинской» Думе, нельзя, тогда как царя это желание не оставляло; факты, свидетельствующие о таком желании и даже о шагах в этом направлении, хорошо известны. Тем более не считал Николай II нужным дальнейшее реформирование власти.

При той половинчатости конституционной трансформации государственного устройства, какая успела совершиться, «попытки демонтажа дуалистической системы» и «введения парламентаризма» (понимаемого в узком смысле), которые Куликов усматривает в поведении не одних только кадетов, но и октябристов в III и IV Думах, имели не больше шансов на успех, чем желательный Николаю II откат вспять.

То, что глава правительства и министры, согласно Основным законам (и подобно «классическому дуализму» германской монархии –

⁶⁸ Гессен В.М. *Основы конституционного права*. Пг., 1917. С.417.

⁶⁹ Струве П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С.155.

⁷⁰ Куликов С.В. *Государственно-правовой дискурс...* С.288–289. – Редколлегия сборника, в котором была помещена данная статья, отметила, что рассуждения в современной литературе о строе России после 1905 года как о «правовом самодержавии» и даже о превращении тогда России в «наиболее демократическую страну в мире» (например, в книге акад. А.Н.Яковлева) реанимируют оценки, исходившие от дореволюционных консервативных правоведов и служившие оправданию самодержавной формы правления (См.: *Власть, общество и реформы в России...* С.3).

обычный акцент С.В.Куликова), назначались и увольнялись царем, а не Думой, Николай II не считал достаточным. Его раздражал тот факт, что Столыпин якобы старался царя заслонять: «все он и он, а меня из-за него не видно было»⁷¹. Царем болезненно воспринималась сама непривычная активность главы правительства (по сравнению хотя бы с его предшественником И.Л.Горемыкиным) и та степень взаимодействия с Думой, какую Столыпин считал необходимой в процессе подготовки и осуществления реформ.

Николай II видел, таким образом, опасность прежде всего в возможном умалении его образа «божьего помазанника» и «хозяина земли русской». Он и императрица определяли место главы правительства в системе российской власти, соответствующей их идеалу самодержавия, иначе, чем это было при Столыпине. Что же касается дальнейших реформ из программы Столыпина, то они казались им излишними; связь между этими так и не осуществленными преобразованиями и укреплением государства ускользала от них, опережающая функция реформ была им непонятна. Как не была бы ими понята глубокая мысль В.О.Ключевского о провоцировании общественного недовольства неполнотой реформ, непоследовательностью в их проведении⁷².

Таким образом, продолжение реформ упиралось в инерционность самодержавия, они были обречены, как и сам Столыпин, чья отставка была предreshена до его убийства⁷³. На ненужность дальнейших реформ прямо указала после гибели Столыпина императрица. Новому премьеру Коковцову она посоветовала не придавать большого значения деятельности и личности погибшего, так как «он уже окончил свою роль ...ему нечего было больше исполнять» и он «должен был ступешаваться». Коковцов месяц спустя после назначения удостоился похвалы за то, что он не делал того, что «делал покойный Столыпин» (как говорили, Коковцова и в Совете министров стало не видно)⁷⁴.

Уже после Февральской революции Евг.Трубецкой, политический центрист и философ, на вопрос, «отчего рухнуло царское самодержавие в России», дал, на наш взгляд, пусть неисчерпывающий, но верный

⁷¹ Шидловский С.И. «Убежденный государственник» // П.А.Столыпин глазами современников. С.173.

⁷² Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т.IX. М., 1990. С.341–343.

⁷³ См. подробнее: Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? СПб., 2002.

⁷⁴ Александр Иванович Гучков рассказывает... С.115; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. Кн.2. М., 1991. С.7–8; Шидловский С.И. Указ. соч. С. 173.

ответ: «Оттого, что оно стало идолом для русского самодержца»⁷⁵. С одним лишь, пожалуй, уточнением: идолом (или фетишем) самодержавие было для Николая II всегда. Для него оно не было «только титулом, не имеющим материального наполнения»; уже поэтому не могли, вопреки тому, что пишет С.В.Куликов, смотреть на самодержавную власть как на только титул все сановники⁷⁶. Самодержавие, включая его мифологию, оставалось и в период «думской монархии» вполне осязаемой современниками реальностью, несмотря на то что власть монарха перестала быть неограниченной в законодательстве.

Альтернативными Государственной думе – не как органу власти, но как барометру общественных настроений и средству «обратной связи» между монархом и народом – должны были явиться, по замыслу Николая II, массовые празднества в ознаменование исторических юбилеев в 1909, 1912 и 1913 годах – 200-летия Полтавской битвы, 100-летия Отечественной войны 1812 года, 300-летия Дома Романовых. Ученые, изучавшие отношение к ним Николая II, отметили, в частности, что подобные мероприятия проводились и в странах Запада с целью демонстрации общенационального согласия. Однако в России эта цель была фактически отнесена противопоставлением народных масс, сплоченных вокруг царя, чуждой ему данности – Думе и политическим партиям.

Эти тщательно подготовленные зрелищные мероприятия с участием царя и царской семьи проводились в основном вне столицы, особенно в 1913 году, когда торжествами был охвачен целый район от Нижнего Новгорода до Москвы. Царь вынес из них убеждение, что такие мероприятия позволяют, помимо Думы, непосредственно и наилучшим образом узнавать народ, по-прежнему преданный самодержавию, и что благодаря им налицо необходимое «единение царя и народа». Значение тех проявлений народного энтузиазма, которые царь мог наблюдать, – и заранее умело срежиссированных, и спонтанных, впечатлявших многих, в том числе иностранных наблюдателей, например, французского посла Палеолога, – Николай II, несомненно, преувеличивал⁷⁷. Характерно, что

⁷⁵ Речь. 1917. 4 марта.

⁷⁶ Куликов С.В. Государственно-правовой дискурс... С.289–290.

⁷⁷ См. описание этих мероприятий в воспоминаниях одного из их организаторов: Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т.2. М., 1997. С.6–68, 191–215. Ср.: Розенталь И.С. Москва на перепутье... С.130–155. – Скептическое отношение к «торжествам» с точки зрения их результативности выражали не только либералы, но и некоторые консерваторы, например, националист М.А.Меньшиков. В письме своему шефу А.С.Суворину он отмечал, что происходит «искусственное взбадривание общества», при этом «отыгрываются на

член императорской фамилии великий князь (и историк) Николай Михайлович, также наблюдавший все это вместе с царем, напротив, усомнился в прочности народной поддержки: эти простые люди, заметил он, «совершенно такие же, какими были в XVII веке». Вероятно, он имел в виду события Смутного времени, когда перед тем, как избрать на царство Михаила, народ точно так же с энтузиазмом приветствовал его предшественников, включая самозванца⁷⁸.

Другое явление последнего царствования, субъективно преследовавшее ту же цель сближения с народом, минуя Думу и «бюрократию», – через Распутина – имело, как известно, прямо противоположный результат, окончательно дискредитировав верховную власть. Но это также не было осознано ее носителями (теперь это отрицается теми историками, для которых критика Распутина, от кого бы она ни исходила, носила антигосударственный характер⁷⁹; видимо, того же мнения С.В. Куликов⁸⁰).

Накануне событий 1917 года императрица продолжала верить, что народ «по-прежнему любит нашу семью», в чем она убедилась, объездив всю Россию; «против нас» лишь «Петроград, кучка аристократов, играющих в бридж и ничего не понимающих»⁸¹. Антидумский настрой правящей четы вылился – цитируем известное письмо императрицы мужу – в противопоставление «гнилого, слабого, безнравственного общества», олицетворяемого Думой, которую надлежало, по ее мнению, распустить «на возможно более долгий срок», и «здоровых, благомыслящих, преданных подданных», которых надо слушать, ибо «их голос – голос России»⁸². Этот «голос» в поддержку самодержавия, как устано-

предках, на том, что было, да сплыло...», в ущерб решению важнейших проблем современности, в том числе восстановлению военной мощи России («Нужны действительные торжества...»). С.207). Другой националист, А.И.Савенко, писал, что царь заблуждается, когда думает в связи с «восторгами», с какими его встречали в 1913 г., что «страна правее Думы», дело обстоит наоборот: «страна много левее» (Уортман Р. Николай II и образ самодержавия. С.27).

⁷⁸ Уортман Р. Николай II и образ самодержавия. С.27.

⁷⁹ Платонов О.А. Жизнь за Царя: правда о Григории Распутине. СПб., 1996; Боханов А.Н. Распутин. Анатомия мифа. М., 2000.

⁸⁰ Куликов С.В. Бюрократическая элита России. С. 50–51.

⁸¹ Личность Николая II и Александры Федоровны по свидетельству родных и близких // Исторический вестник. 1917. Т.СXLVIII. С.170–175.

⁸² Переписка Николая и Александры Романовых. Т.5. М.; Л., 1927. С.189–190. См. подробнее: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. Л., 1967.

вили еще в 1917 году, был сфальсифицирован министром внутренних дел А.Д.Протопоповым, инспирировавшим посылку телеграмм отделами Союза русского народа, ничтожными в это время по численности и влиянию. Но министр осуществил фальсификацию потому, что знал: император и императрица предрасположены воспринять ее как истину.

В послереволюционной эмиграции высказывалось мнение (отзвуком его является статья С.В.Куликова), согласно которому Николай II «обладал нужными данными для конституционного монарха». Из всего, что сказано выше, следует, что непреодолимым препятствием для такого превращения было мировоззрение Николая II в фундаментальных его основах, предопределявшее перманентный конфликт с Государственной думой в любом ее обличье, создававшее туниковую политическую ситуацию. Иным Николай II быть не мог. Об этом он говорил сам, причем даже накануне отречения, генералу Н.В.Рузскому: для того, чтобы править, не управляя, надо быть иначе воспитанным или переродиться (С.В.Куликов, излагая содержание беседы, эти слова опускает; взамен их фигурируют загадочные «мистические аргументы»⁸³).

Тогда же, накануне отречения, царь предсказывал, что общественные деятели, которые составят ответственное перед палатами правительство, – «все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей»⁸⁴. Историк М.М.Сафонов ссылается на подтвердивший этот прогноз опыт деятельности Временного правительства⁸⁵. Ссылка нередкая в современной литературе и публицистике и, на первый взгляд, неопровержимая. Однако следовало бы вспомнить о «министерской чехарде» – перетасовке опытных как будто царских министров, происходившей в куда более благоприятной, чем между Февралем и Октябрем, обстановке, а ведь «чехарду» устраивал сам император, фактически признавая тем самым обоснованность критики со стороны оппозиции. Современники отмечали, как общее правило, его «неумение находить людей» и до этой «чехарды». Ясно, что дело здесь не в наличии опыта или в его отсутствии у тех или иных лиц, не в образовательном цензе и т.д., а в принципиальной установке царя не допускать к власти иные силы, кроме прошедших

С.287.

⁸³ Куликов С.В. *Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронунсиamento» // Россия XXI. 2004. №4. С.162.*

⁸⁴ *Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. Репринт. М., 1990. С.153.*

⁸⁵ Сафонов М.М. *Роль Государственной думы в подготовке отречения Николая II // Таврические чтения 2007... С. 165.*

бюрократическую выучку. Этой установки он придерживался до последней возможности.

Будучи самодержцем, Николай II не мог и помыслить о том, что необходимо, как писала впоследствии Н.Н.Берберова, дать возможность «кадетами и социалистам научиться ответственному ремеслу государственной власти или хотя бы ремеслу оппозиции государственной власти»⁸⁶. Разумеется, социалисты, даже умеренные, не испытывали желания этому учиться в условиях самодержавной монархии, пусть даже «обновленной». Но Берберова, вероятно, считала предпосылкой такого «обучения» и последующей трансформации этих партий в реформистском направлении – подобно тому, как совершалась она в странах Запада, – реализацию обещаний Манифеста 17 октября о свободе союзов, включая политические партии, утверждение в России подлинно правового государства. Чтобы такая альтернатива революции в России стала действительностью, требовалось, конечно, слишком многое еще, кроме готовности Николая II, «переродившись», стать конституционным монархом, но позицию его, связанную с основами его взглядов, Берберова определила точно.

Берберова не упомянула в качестве потенциальных «учеников» консервативные политические силы, вероятно, не отделяя их от самодержавного государства. Действительно, к правомонархическим организациям, отождествлявшим себя с народом, Николай II не раз демонстрировал свое расположение; попытка С.В.Куликова опровергнуть факт очевидной симпатии к ним царя неубедительна⁸⁷.

Может показаться странным, почему же тогда правомонархические организации, раз они были близки Николаю II идеологически, в том числе в своем отношении к Государственной думе, не превратились в своего рода «партию власти». Вопрос этот в исторической литературе прояснен. Причин охлаждения к ним несколько, в том числе разочарование в этих организациях, не оправдавших возлагавшихся на них правительство «величайших надежд», как выразился И.Г.Щегловитов. С другой стороны, не могли быть удовлетворены несовместимые с самодержавием претензии их лидеров на исключительное положение в государстве (а не только на «достаточное» субсидирование правых прессы): желание «разыгрывать из себя второе правительство», «давать правительству директивы», иметь прямой доступ к монарху и т.п.⁸⁸

⁸⁶ Берберова Н. Указ. соч. С.108–109. См. также: Розенталь И.С. Рано или поздно?.. С.150–151.

⁸⁷ Куликов С.В. Государственно-правовой дискурс... С.286–287.

⁸⁸ Документы, раскрытые в 1917 году, показали, что «не было ни одного лица или учрежде-

Впрочем, хорошо известно, что в самый критический для монархии момент никакой поддержки от них, как и от церкви, монархия не получила. Если бы правые организации и захотели оказать такую поддержку, сделать это они были не в состоянии. Больше того, выражавшийся и ранее видными деятелями правомонархического лагеря и идеологами консерватизма пессимизм, в частности, в отношении лично Николая II, сознание ими обреченности монархии сменились у многих из них после Февральской революции не только принятием революции как свершившегося факта по выбору, сделанному народом, но и приветствиями этой антимонархической революции и новой власти⁸⁹.

Одной из долговременных причин падения российской монархии был длительный процесс нарастания религиозного индифферентизма, происходивший со времен реформ Петра I. Этот процесс продолжался в XIX веке и особенно в начале XX в., когда он привел к разочарованию широких слоев населения как в официальной церкви, так и в императоре, стоявшем во главе церкви⁹⁰. К 1917 году мало кто из представителей российской элиты не понимал, что миф о народе, служивший монарху неким ориентиром и опорой, не идентичен, как казалось ему, облику и настроениям народа реального.

28 января 1917 года, то есть накануне Февральской революции, Л.А.Тихомиров записал в дневнике, недавно опубликованном: «...Страна полна слухов, что показывает полное падение доверия к управительским способностям Государя», наблюдавшееся у «множества самых обычных "обывателей", даже тех, которые в 1905 г. были монархистами, правыми и самоотверженно стояли против революции». Тихомиров отмечал «какое-то прямо желание переворота», в котором «видят единственный способ уничтожить измену»⁹¹. Свидетельство далеко не

дения в империи, к которому не обращался бы Совет Союза [русского народа] со своими решениями, постановлениями, предложениями и советами» (Власть и крайне правые партии... С.90; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С.292). См. также: Переписка и другие документы правых (1911–1913 годы) / Публ. Ю.И.Кирьянова // Вопросы истории. 1999. №11–12. С.130; Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С.388–403; Розенталь И.С. Москва на перепутье... С.58–64.

⁸⁹ См. обширный материал о послереволюционных взглядах и судьбах лидеров консерватизма: Репников А.В. Указ. соч. Гл.6.

⁹⁰ См.: Андреева Л.А. Феномен религиозного индифферентизма в России // Общественные науки и современность. 2008. №4; Она же. Свержение монархии в 1917 году: крушение Трона и Алтаря // Общественные науки и современность. 2009. №3.

⁹¹ Дневник Л.А.Тихомирова 1915–1917 гг. / Публ. А.В.Репникова. М., 2008. С.331. – Эта и

единственное и в дневнике Тихомирова, и в других, не новых источниках. Впрочем, сейчас модно такие свидетельства игнорировать.

Идее «рукотворности» Февральской революции в конспирологическом смысле отдал дань и С.В.Куликов: если царь будто бы неуклонно и независимо ни от кого, в силу лишь собственных воззрений, шел к «полноценному парламенту», то действия противников самодержавия являются в лучшем случае недоразумением, а в худшем – заговором, где генералы – всего лишь подчиняющиеся заговорщикам марионетки. Как будто политическая изоляция монарха не определилась еще до февральско-мартовских событий. И если бы он попал в Царское Село, все было бы иначе...⁹².

Подведем итоги. «Неизвестные планы» Николая II (как гласит подзаголовок рассмотренной статьи) не стали известными, наличие их не доказано. Похоже на то, как вера в пришельцев из космоса совмещается у верящих в них с применением термина «НЛО», то есть с признанием того, что «летающие объекты» остаются неопознанными. Какие «возможности» были упущены (тоже из подзаголовка), надо догадываться. Судя по всему, что пишет С.В.Куликов, упустил их не Николай II...

Давно прошло то время, когда историку могло грозить обвинение в «монархическом уклоне». Обстановка изменилась «с точностью до наоборот», и, видимо, не поддастся воздействию идеологической конъюнктуры сегодняшнего дня трудно. Поскольку из всех вариантов действий власти ныне оптимальным признается либерально-консервативный вариант, заманчиво разглядеть его в действиях Николая II. Но взгляд «поверх источников» этому не помогает⁹³. Несмотря на эрудицию авто-

другие записи насчет широкой распространенности слухов об «измене» (Там же. С.95, 303–304, 307, 330, 337) совпадают с констатирующей частью думской речи П.Н.Милюкова 1 ноября 1916 г. («...из края в край земли русской расползаются слухи о предательстве и измене...») и т.д.). См. о сочинениях В.А.Никонова, Н.А.Нарочницкой и др., примитивно объясняющих революцию критикой правительства в Думе и вне Думы, что всегда являлось будто бы сознательной «подготовкой» революции: Николаев А.Б. IV Государственная дума и Февральская революция в новейшей отечественной литературе // Таврические чтения 2007... С.200–202. О том, что, как пишет автор обзора, по этому вопросу в литературе «сложился консенсус», если это действительно так, можно только сожалеть.

⁹² Куликов С.В. Февральская «революция сверху»... С.134–179.

⁹³ К способу «доказательств» С.В.Куликова вполне относятся, к сожалению, те критические замечания, которые высказал Р.Ш.Ганелин по поводу выступлений против «увлечения источниками» во имя некоего «нового историзма», необходимым признаком которого объявляется фантазия (Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили

ра и декорум научности, научного прорыва и искомого «усложнения» не произошло. Получилась, увы, лишь новая разновидность безразличной к фактам идеализации последнего монарха и самодержавия.

Да, «наука – это кладбище гипотез» (определение, принадлежащее математику Анри Пуанкаре). Разумеется, выдвигание гипотез и в исторических исследованиях – явление нормальное. Но, во-первых, для Куликова его версия не гипотеза, а аксиома. И во-вторых, требует ли новаторский поиск, – в частности, если преследуется благая цель проникнуть глубже в сложную действительность России начала XX века со всеми ее противоречиями, – непременно отбрасывания того, что установлено ранее? Вопрос, конечно, риторический.

Все сказанное по поводу рассмотренной версии не означает, что проблема взаимоотношений Государственной думы с верховной властью и ее правительством исчерпана имеющимися исследованиями. Она не названа в ряду тех ждущих решения проблем, которые формулирует, заключая свою статью об изучении истории Государственной думы в последние полтора десятилетия, И.В.Лукоянов. Возможно, он ее подразумевает, когда выделяет проблему «Дума и общество». Ведь без того, чтобы проследить с достаточной полнотой и точностью, какой отклик находили в стране действия императора, в том числе его взаимоотношения с Думой, нельзя раскрыть тогдашние представления о том, нужна ли вообще Дума, выяснить, каким было отношение к ней в разных слоях общества и т.д. Тем более не обойтись без этого при написании «сильной обобщающей работы»⁹⁴.

P.S. Настоящая статья была уже написана, когда мы узнали из очередной статьи С.В.Куликова, что Николай II был не только творцом Государственной думы, но инициатором всех реформ без исключения. Подход тот же, именуется он теперь «элитистской парадигмой», применяемой взамен «классовой». Поясняется также, что «проект» – это не написанный текст, это то, что всегда было у императора «в голове». «Новация» одна: автору пришлось переместить статью Б.В.Ананьича и Р.Ш.Ганелина о Николае II из списка работ своих мнимых предшественников на законное место, в список тех, кому ясно, что он был противником необходимых преобразований⁹⁵.

между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2006. С.182–189.

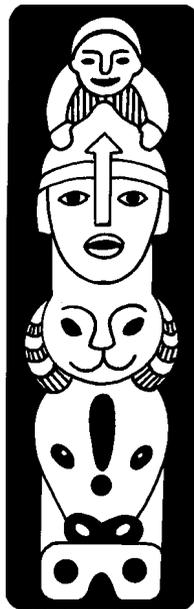
⁹⁴ Лукоянов И.В. *Современная российская историография Государственной думы (наблюдения)* // Таврические чтения 2007. С.193.

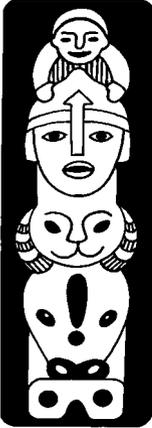
⁹⁵ Куликов С.В. *Николай II как реформатор: к постановке проблемы* // Российская история. 2009. №4. С.45–60.

Хотя «народная культура» и содержит в себе ряд «разрозненных фрагментов культуры ученой», она к ним несводима, а значит, она реально обладает собственной оригинальностью. Когда ученая культура стремится оказать воздействие на культуру народную, народная культура «берет» и «оставляет» из ученой культуры то, что считает для себя полезным. <...> Преимущество подхода к «народному» через культурные

**поведенческие модели состоит
в возможности постичь историю
культуры в ее движении, в ее
функционировании. Функционируя,
культура обретает историю.**

Жак Ле Гофф

Андрей Мороз

**«ШЕЛ МИМО
СТАРИЧОК...»**

**ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ
В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
398.3

The author examines the peculiar nature of veneration in the popular tradition on the basis of sources published earlier (in the 19th and 20th centuries) as well as the most recent unpublished folklore records made by the author and his colleagues and kept in the folklore archives of various scientific establishments. On the basis of the popular myths, beliefs, calendar signs, recitations of the book saints' lives and similar texts the author demonstrates components of a saint's image formation in the popular culture and what attributes, characteristics and deeds of a saint are relevant for the folklore culture and what are irrelevant. Among such features the author points out the appearance and social status of a saint, his deeds and speech behavior, saint's name and its interpretation etc.

Ключевые слова: фольклор; легенды; народная религия; верования; святые; жития святых; святыни; народный календарь; орнаментика; народная этимология.

E-mail: abmoroz@yandex.ru

Культ святых занимает особое место в системе народных верований и религиозных представлений. Знание о них не ограничено сведениями, почерпнутыми из житий и иконографии, а также литургики, но в большой степени передается в собственно фольклорных текстах: легендах, духовных стихах, паремиях, приуроченных к календарным праздникам в честь святых. Святые часто предстают в них в совсем ином виде, чем в письменных житиях и на иконах, не только вследствие специфически фольклорной интерпретации их образов, но и потому, что они играют в народном сознании особую роль, выполнение которой требует от персонажа специфического статуса и облика. Это роль преобразователей окружающего мира, как в целом (тогда святые выступают вместе с Богом, Христом) так и в какой-то его конкретной части, небольшой области. В последнем случае часто особо почитается какой-то один святой, либо прославившийся в данной местности, либо просто в силу каких-либо причин более известный. При создании образа «фольклорного святого» из нефольклорных сведений о нем отбираются те, которые соответствуют фольклорному стереотипу, и дополняются новыми чертами. Таких черт, составляющих фольклорный образ святого, немного, но они крайне важны для его народного почитания и во многом определяют форму самих обрядов, связанных с культом того или иного подвижника.

Говорить о каком бы то ни было единстве принципов изображения святых в народных легендах крайне затруднительно в связи с разнородностью этих текстов, широким кругом источников, к которым они восходят, и вторичностью многих из них по отношению к книжным житиям. Последние хотя и могут (подобно фольклорным текстам) использовать языковые и сюжетные клише, не закрепленные за каким-либо одним текстом мотивы, эпизоды и формулы, но все же в большой степени основываются на реальных биографических фактах и отражают творческую манеру, методы, интенции и информированность конкретного агиографа. Соответственно, несмотря на то что элементы книжных текстов, заимствуемые фольклорной традицией, отбираются и адаптируются, они все же часто оказываются уникальными, связанными с конкретным персонажем и, следовательно, не могут быть рассмотрены как типичные характеристики святых в фольклорных легендах. И все же при рассмотрении большого корпуса текстов могут быть выделены некоторые закономерности, которые в той или иной степени присутствуют в легендах.

ВНЕШНИЙ ОБЛИК И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СВЯТОГО

В фольклорных легендах, посвященных святым, внешность персонажей описывается крайне редко, притом ее описание носит чисто служебный характер. Иногда упо-

минается, как выглядит святой, если это релевантно для дальнейшего развития событий или вытекает из них. Так, согласно белорусской легенде, Бог одаривает Ивана Крестителя золотыми усами вместо тех, которые ему Касьян подпалил свечкой во время совместного богослужения, поэтому Иван получает прозвище *Златавус*. Тот же Касьян, путешествуя вместе с Николой по земле, отказывается помочь мужику вытащить воз из грязи, потому что ему жалко испачкать райскую *зала-тую аджежу*¹. В украинской легенде Параскева (святая Пятница), явившаяся женщинам-нарушительницам запрета на хлебопечение, стирку и расчесывание волос, демонстрирует им свое тело: «Скынула з себе свытку; а пид свыткою нема ни сорочки, ни спидницы – прямо голе тило, та таке попечене, подряпане, поколяне, и по всьому тилу пухыри таки здорови, як хлиб»². В болгарском анекдоте крестьянин, которому обидно, что к нему не приходят в гости, называет своего сына Йоан в честь самого нищего святого на иконе (одет во власяницу, а имя созвучно турецкому *йок* – «нет»). После этого все начинают приходить к нему на именины сына дважды в году, отчего крестьянин беднеет. Теперь он объясняет себе нищету Йоана тем, что тот тоже много гостей принимал³. В огромном количестве текстов, повествующих о явлении святого, который оказывает неожиданную помощь человеку в крайних обстоятельствах, этот святой описывается как старик с большой, часто седой бородой, иногда в облачении. Например, умирающая старуха сказала сыну, что у ее постели стоят старичок со старушкой, которых надо оставить ночевать. Тот снял ее с постели, положил на пол, и она тут же померла – стариком и старушкой были Богородица и Никола⁴. Никола в виде старичка является больному и указывает, что нужно сделать, что-

¹ *Легенды і паданні / Склад. М.Я.Грынблат, А.І.Гурскі. Мінск, 1983. №147, 148.*

² *Ястребов В.Н. Из народных уст // Этнографическое обозрение. 1895. №2. С.147.*

³ *И-д И. Филологически материали от Кичевско // Извори за българската етнография. Т.2. Из българския следосвобожденски печат 1878–1900. София, 1999. С.232–233.*

⁴ «Взойду ли я на гору высокую, увижу ли я бездну глубокую...» *Старообрядческий фольклор Нижегородской области / Сост. О.А.Савельева, Л.Н.Новикова. Новосибирск, 2001. №54.*

бы исцелиться⁵. Никола показывается в виде старика в блестящей ризе, с венцом на голове и посохом в руке⁶.

На такое восприятие внешности святого, естественно, оказала заметное влияние иконография (борода и пожилой возраст – наиболее частотные, хотя и не универсальные характеристики святых, которые не могут не бросаться в глаза). Болгарский анекдот содержит прямую отсылку к иконописному образу Иоанна Крестителя во власянице. В других случаях, как уже было отмечено, внешность святого продиктована сюжетными ходами. Так, «райское» платье св. Касьяна возникает как мотивировка злого нрава этого специфического святого; напротив, Пятница демонстрирует свою внешность как следствие неправильного поведения людей. Наиболее частотная характеристика святого (это видно даже из тех немногих примеров, которые мы привели) – его старческий возраст. Эта характеристика уже была рассмотрена выше, однако хотелось бы высказать еще некоторые наблюдения.

Святые описываются как старики, которые *приходят* откуда-то или *встречаются* на пути, то есть как старики «чужие», подчеркнуто неизвестные, что уже само по себе оттеняет их статус персонажей потусторонних. В принципе, такая характеристика вполне достаточна для того, чтобы персонаж воспринимался как «чужой», могущественный и опасный одновременно. Поэтому в фольклорных легендах, повествующих о святых и совершенных ими чудесах, имя святого и даже упоминание его святости абсолютно необязательно: [В соседней д. Дьяково на месте бывшего когда-то большого озера – заросшее мелкое болото.] *«Было там озеро. Рыбаки ловили рыбку. Подошел один старичок, попросил рыбку. Они не дали. Тогда он сказал: "Живите вы без воды". С тех пор и стало озеро сохнуть. Было ли, нет ли – не знаю*⁷. То, что под стариком подразумевается святой, подтверждается не только характерным сюжетом, но и другими аналогичными текстами, где святой называется (известно множество легенд с таким сюжетом, где называется конкретный святой, например, св. Александр Ошевенский в Каргопольском селе Ошевенск). В македонских легендах старик (св. Климент Охридский)

⁵ Иванова А.А. Великорецкие святые в фольклоре Вятского края // Живая старина. 2004. №4. №1.

⁶ Нижегородские христианские легенды / Сост. Ю.М.Шеваренкова. Нижний Новгород, 1998. №143.

⁷ Архив кафедры устного народного творчества Московского государственного университета (далее – АКФ МГУ), ФЭ-04 (2-7-1962-22). Т.22. Л.6421–6422. Архангельская обл., Каргопольский р-н, с. Лядины.

обучает крестьян письму⁸. В облике старика святые являются и в видениях. Л.Раденкович в работе, посвященной *цркваркам* и *цркварам*⁹, приводит интервью с *цркваркой*, которой явился ночью старик, повел ее с собой и велел откопать развалины церкви¹⁰.

Примечательно, что облик старика типичен не только для святых. Столь же устойчив этот признак при характеристике демонологических персонажей¹¹ (в особенности леших и домовых) – до такой степени, что в качестве эвфемизма для них используется лексема *дедушко*¹².

Часто к характеристике святого-старичка-странника добавляется, что он нищий. Бог (Христос) и святые в легендах, действительно, ходят по земле в виде нищих и останавливаются на ночлег, просят подаяния, а затем исходя из того, как люди с ними обращаются, наказывают или вознаграждают их¹³. Статус нищего в восприятии крестьянской среды – как потустороннего, посланца из иного мира, посредника между этим и тем светом – хорошо описан в литературе¹⁴.

Наряду с такими крайне частотными характеристиками святого, встречаются и заметно более редкие, которые тем не менее могут быть рассмотрены как развитие той же тенденции описания святого в качестве персонажа особенного, чья исключительность носит черты принадлежности его иному миру. Например, при описании св. Иринарха Затворника подчеркивается, что он был физически или умственно ущербен: «Здесь жил человек, физически уродец: у него были очень длинные руки, чуть ли не до пят, ну это... вот такой... Над ним вроде как-то... морально все издевались, ну, надсмехались – ну это естественно»¹⁵. Как

⁸ Врaжинoвски Т. Македонска народна Библија. Скопје, 2006. С.336.

⁹ Визионерaм, котoрым являются святые и повелевaют найти и раскопaть oстaнки цeрквей или другие святые мeстa и устaнoвить их пoчитaниe.

¹⁰ Рaдeнкoвић Љ. Дoдир сa свeтим у нaрoднoм хришћaнству. Нeкe слoвeнскe пaрaлeлe // Свaкoднeвнa културa у пoстсoциjaлистичкoм пeриoду. Eтнoгрaфски институт САНУ. Збoрник 22. Бeогрaд, 2006. С.321.

¹¹ Щeпaнскaя Т.Б. Культурa дoрoги в русскoй мифoритуaльнoй тpaдиции XIX–XX вв. М., 2003. С.173–174

¹² Слoвaрь русских нaрoдных гoвoрoв (дaлee – СРНГ). Вып.7. Л., 1972. С.321.

¹³ Aфaнaсeв A.Н. Нaрoдные русские лeгeнды. Лoндoн, 1859. №1–3, 6, 7 и др.; Русские прoстoнaрoдные лeгeнды и рaсскaзы. Сбoрник 1861 г. / Пoдг. В.С.Кузнeцoвa, O.Н.Лaгутa, A.М.Лaврeнтeв. Нoвoсибирск, 2005. №3.

¹⁴ Щeпaнскaя Т.Б. Укaз. сoч. С.428–472; Слaвянские дpeвнoсти. Eтнoлингвистичeский слoвaрь (дaлee – ЭССД). Т.1–3. М., 1995–2004. Вып.3. С.408–411.

¹⁵ Личный архив автора (далее – ЛАМ). Ярославская обл., Борисоглебский р-н,

указывает Р.Попов, в Лесковацкой Мораве (Сербия) св. Илья считается глухим, поэтому он плохо управляет градоносными тучами и град все время бьет в одно и то же место. В окрестностях Белграда он же представляется одноруким: мать его покалечила, потому что он хотел убить громом людей. В Воеводине по этой же причине Илья не может убить всех бесов¹⁶.

ДЕЙСТВИЯ СВЯТОГО

В конце XIX века А.В.Попов, настаивая на том, что народное представление о святых – это продолжение «церковного учения», отмечал: «Обилие указаний на то, что святые постоянно сопровождают свою деятельность "молением", показывает, что они играют роль второстепенную по Боге, являются только служителями Божиими, исполнителями Его "повелений". Многим из ангелов и угодников народ приписывает только известную, определенную деятельность. В своей области святой действует уже с могуществом; хотя, с другой стороны, он постоянно отдает отчет Богу о своих действиях и постоянно просит Его помощи»¹⁷. Однако автор выдавал желаемое за действительное. Фольклорные нарративы дают как раз обратную картину: святые действуют в основном самостоятельно, если речь идет о взаимоотношении святых и людей или святых и бесов. Лишь в немногих сюжетах, посвященных взаимоотношениям святых и Бога, они занимают подчиненное положение.

Уже было отмечено амплуа странника, в котором обычно появляются святые. В большинстве случаев святой приходит издалека (причем не указывается, откуда именно он пришел) и просит дозволения остановиться. Остановка предполагает краткий отдых (в этом случае святой-странник просит напоить / накормить его, позволить переночевать в доме или помочь продолжить дальнейший путь, например, переправить через реку), долговременную остановку со строительством кельи / часовни / церкви / монастыря (как, например, в легендах об Александре

с. Кондаково, зап. от А.К.Верещагиной, 1934 г.р., мест.

¹⁶ Попов Р. *Светцы и демоны на Балканите. Сравнительно этнологическое исследование. София, 2002. С.192–193.*

¹⁷ Попов А.В. *Влияние церковного учения и древнерусской духовной письменности на мирозерцание русского народа и в частности на народную словесность, в древний донепетровский период. Казань, 1883. С.44.*

Ошевенском, попросившем у жителей села Ошевенск разрешения на постройку монастыря).

Обычно приход и желание остановиться служат лишь преамбулой к дальнейшим событиям, которые могут развиваться по разным сценариям. В ряде случаев приход и остановка просто мотивируют возникновение почитаемых святых мест и не содержат никакого конфликта: святой приходит в некоторое место, останавливается там, поселяется, и с тех пор место становится святым.

Но зачастую ситуация развивается конфликтно. Местные жители прогоняют святого, не дают ему места, ночлега, еды или воды: «Жила старуха, мимо шел святой человек, старик – не то Бог, не то святой. Он попросил ее напиться, она ему грубо ответила, послала напиться к реке. Старик дошел до речки, это была речка Мокловка, и исчез. После этого речка пересохла, осталось болото, а раньше была – дна не доставали, двенадцать ключей питали ее»¹⁸. Вследствие проклятия со стороны святого провинившиеся лишаются жизненно важного: у них пересыхает водоем, они не могут прожить на собираемые урожаи, в округе появляются змеи, засыхают деревья, сгорает деревня: *«Шёл один странник по деревне, и никто раньше не пустил его ночевать. Почему не пустили его ночевать – не знаю, может все... и не ко всем просился или к кому [?], ну вот, и он... а тут ёлка большая была, она лет десять назад, наверно, упала, а то около уже пятнадцати, наверно, – у меня мужа нет уже пятнадцать лет, а мы ещё ездили [озером], дак приметку делали по этой ёлке. Высокая была – это уж поросль от неё растёт тут. Ну вот... по этой ёлке вот ставили сети – примечали всё, на озеро ездили. Ну вот... и он под этой ёлкой ночевал. Ночевал под этой ёлкой. А когда наутро стал, ушёл – вся деревня сгорела. Вся деревня сгорела. И вот в честь его, этого Пан... – а звалса он Пантелеймоном – от в честь его... [Как узнали его имя?] А, видно, уж он говорил в деревне тут кому чего. Вот Пантелеймоном, и вот в честь его поставили тогда часовню сделали, всё опять снова отстроили, и вот этого... вот Пантелеймона у нас тут и празднуют»*¹⁹. Проклятие святого может быть направлено и на самого человека, на его физическое состояние. Так, например, св. Савва Сербский, по сербским легендам, может насыпать болезни (проклял укравших у него ковш из тыквы, из которого он пил: «Будете носить его на горле!») – с тех пор они болеют *од гушавости* – хрипят),

¹⁸ Нижегородские христианские легенды. №50.

¹⁹ Каргопольский архив лаборатории фольклористики РГГУ (далее – КА). Архангельская обл., Каргопольский р-н, с. Труфаново, зап. от Н.П.Макаровой, 1927 г.р.

превращает не угодивших ему людей в животных (мужика, стригшего овец и не давшего ему шерсти, св. Савва превратил в медведя, его жену – в белку; пастуха, который ел лежа, – в собаку и т.д.)²⁰.

Святые, однако, не только карают, но и оказывают помощь человеку в трудном положении, «когда сам он не может найти из него выхода или не подозревает о грозящей ему опасности. Участие сверхъестественных сил в судьбе человека может служить и своего рода ответной услугой за веру и молитвы»²¹ или быть причиной раскаяния и обращения, как в случае, когда Никола спас разбойника, спрятавшегося в шкуре животного²². Есть немало рассказов о чудесных исцелениях вследствие явления святых и их молитвенного призывания.

Еще одна группа действий, производимых святыми, может быть охарактеризована как преобразующая. Отчасти она пересекается с проклятиями, поскольку в результате проклятия (как уже говорилось) меняются ландшафт и природные свойства местности. Однако преобразующая деятельность святых отнюдь не ограничивается результатами действия проклятия. Вокруг места пребывания святого обыкновенно возникают сакральные объекты, связанные не только с самим фактом явления святого в той или иной местности, но и с его целенаправленной деятельностью.

Наиболее регулярно к деяниям святых возводятся почитаемые источники. Появление почитаемых источников (*источник, ключок, колодчик, колодец*) через деятельность святых может быть обозначено словоформами *нашел, открыл, вырыл / выкопал*; но часто в различных регионах используется менее определенное, но более устойчивое обозначение *открыл*. Как правило, при этом не поясняется, как именно святой *открывает* источник, но именно так начинается его почитание. Сюжетно *открытие* источника может быть подано как его выкапывание (аналогично в житиях: *ископа источник*), нахождение, расчистка, омовение или питье из него. Такие легенды связываются, например, со св. Михаилом Клопским, Серафимом Саровским, Сергием Радонежским, Онуфрием Мальским, Пафнутием Боровским, Тихоном Калужским, Макарием Унженским, Пантелеймоном, Варварой, Параскевой Пятницей, Анаста-

²⁰ Раденковић Љ. Свети Сава у народном предању // Лицеум. Књ. 5. Култ светих на Балкану. Крагујевац, 2001. С.97.

²¹ Шеваренкова Ю.М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород, 2004. С.45

²² Зудин А.И. Легенды липован Краснодарского края // Живая старина. 2007. №4. С.49. №10.

сией и многими другими: «*Это Тихон преподобный. Это тож святой был. [...] Он был, ну тож праведник был. Очень сильно верующий. И ушел. Ушел, куда-то там ушел. Вот, и пришел он туда, под Калугу. И в лес. Там большой-большой стоял дуб. И он в этот дуб, в этом дубе себе вырубил, эту самую, ну, как бы самому войти, как. Шел, и перед собой поставил пень. Этот пень у него был как столп. Вот, а уж что он делал, я не знаю, шо он делал. Он никуда не ходил, он молился, молился. Вот, значить, и вот он, это, как его, там стоял. А богачи тоже были, вот, это, барина, у барина был лесник. И он пришел, этот дуб разрубил. Как он там его разрубил, и его в столпе выгнал. И у него отнялась правая рука, какой он пинал его. Отнялась, это как парализовало. Вот. Ну а потом он ушел туда, подальше, там он себе часовенку сам для себе сделал, и колодец сделал. Выкопал колодец, шоб вода была. Вот. И ведь щас это все там»²³.*

Воде в таких источниках приписываются чудесные свойства, сближающие ее с крещенской водой: она исцеляет, дает силы, освящает (ее используют для окропления жилища, хлева и других хозяйственных построек, скота). В качестве основной характеристики такой воды регулярно сообщается, что такая вода может стоять в сосуде в течение года / трех лет / семи лет / просто очень долго и не портиться: «*Берут... воду-ту, она не портится. Нет. Она годами стоит – ничего не делается*» (о Никитском источнике близ Никитского монастыря в Переславле-Залесском)²⁴. Наряду с этими свойствами в современном сознании утвердились новые, «рациональные» признаки, отличающие воду из святых источников: «*Все чаще верующие говорят о наличии в них (в источниках. – А.М.) тех или иных полезных химических элементов (йода, серебра)*»²⁵.

Таким же образом к появлению святых в определенной местности возводится почитание деревьев или рощ. Легенды объясняют это через описание того, как святой остановился под деревом на ночлег или спрятался от непогоды. Вследствие этого дерево становится особенным, приобретает целебные свойства. У таких деревьев, как и у источников,

²³ Личный архив М.В.Ахметовой (далее – ЛАА). Калужская обл., г. Боровск, зап. от А.М.Масленниковой, 1924 г.р.

²⁴ ЛАМ. Ярославская обл., Переславский р-н, с. Никитская Слобода, зап. от П.Г.Дворниковой, 1914 г.р.

²⁵ Местные святыни в нижегородской устной народной традиции: родники, часовни при них / Сост. М.М.Белякова, А.О.Дюкова, Е.С.Курзина, К.Е.Корепова, Ю.М.Шеваренкова / Под ред. К.Е.Кореповой. Нижний Новгород, 2003. С.23.

совершаются обряды: пролезание под висящими корнями, отгрызание зубами кусочков коры, развешивание на них обетных приношений: «Почему в Великоорецком место святое? – Так там, говорят, Николай Чудотворец спустился с небес, и поэтому вроде ходят люди. – А зачем они ходят? – Так надо вот три раза на гору слазить – и болеть не будешь. И пень... надо отковырять руками кусочек маленький. Потом там купаются, вода-то вроде как святая там, крестятся там тоже»²⁶. Как и в случае с источниками, начало почитания деревьев может положить не только сам святой, но и появление его образа: иконы святых часто являются в воде и на деревьях.

Святым приписывается прокладывание троп или дорог. Обычно речь идет не собственно о дороге, которой пользуются все, а о тропе, проложенной обычно труднопроходимыми местами (лесом, болотом) и соединяющей несколько сакральных объектов или сакральный объект с селами или дорогами. О таких тропах сообщается, что святой *ходил* или *прошел* тут и после него осталась тропа. Используется также словоформа *проложил*. В качестве особенности таких троп отмечается, что они никогда *не зарастают* травой и кустами, так что по ним можно ходить и по сей день. При этом в ряде случаев легенды о тропах в контексте действительно актуальной проблематики, связанной с дорогами, и, соответственно, исторических преданий, объясняющих отсутствие или плохое качество имеющихся дорог, применяются и к дорогам как таковым. Так, легенды о св. Александре Ошевенском могут, помимо некоторого количества *Александровских троп*, рассказывать о последнем отрезке дороги Каргополь – Ошевенск, от села Река, более прямом, чем остальная

Обетный крест возле Александровских родничков, открытых св. Александром Ошевенским (село Река Каргопольского р-на Архангельской обл.). Фото автора.

²⁶ Иванова А.А. Никола Великоорецкий в фольклоре и ритуальной практике (материалы и комментарии) // Традиционная культура. 2005. №1. С.51.

часть Ошевенского тракта: «А туды от монастыря-то дорога-то прямая вот это, говорят, Олѣсандр Ошевенской проиѣл эту дорогу. [Куда?] Туды там следующая деревня, Река называется, вот до той деревни. Так прямо-прямо-прямо. Теперь, всё заросло, дак не видно, а раньше как идиешь от Реки, монастырь видно»²⁷.

К деятельности святых возводятся разного рода природные аномалии: пересыхающие водоемы, камни-следовики, расщелины и провалы²⁸. Святые отмечают камни своим присутствием, оставляя на них отпечатки – следы, в которых скапливается дождевая вода, используемая затем так же, как и вода из сакральных водоемов. Следы на камнях выполняют роль границы сакрального пространства, в котором побывал святой.

Камень с отпечатком ноги св. Александра Ошевенского
(село Поздышево Каргопольского р-на Архангельской обл.). Фото автора.

²⁷ КА. Архангельская обл., Каргопольский р-н, с. Ошевенск, зап. от К.А.Быковой, 1924 г.р.

²⁸ Впрочем, бывают исключения. На Русском Севере (и не только там) распространена традиция почитания камней, не связанная со святыми. Так, в окрестностях Переславля-Залесского большой популярностью пользуется Синий камень на берегу Плещеева озера, не менее знаменитый Конь-камень возле села Конеево (Плещеецкий р-н Архангельской обл.), множество других, вплоть до камней в московском парке Коломенское. Камни могут интерпретироваться как древние могилы или дома иноплемеников, как место активности нечистой силы, как знак зарытого клада и др.

И.В.Мельников, например, описывает следовики на территории Карелии, возводимые к святым: 1) камень со следом Ильи пророка в деревне Таржеполь, который жители почитают за знак особого расположения к ним св. Ильи (там совершается обряд заклания животного в Ильин день); 2) следовик в селе Виданы Пряжинского р-на. След на камне образовался от прикосновения ноги св. Николая, прогуливавшегося в окрестностях деревни. Святой переходил через реку и встал одной ногой на камень, а другой перешагивал (Никола почитался покровителем виданчан, оберегал дома, поля и стада)²⁹. Другие природные аномалии относятся, скорее, к разряду объектов, которые напоминают о проклятии святого в адрес окрестных жителей, как, например, пересохшее озеро в с. Лядины Каргопольского р-на Архангельской обл. или кривая сосна на территории разрушенного Кирилло-Челмогорского монастыря в том же районе.

Еще один вид преобразовательской деятельности святых относится к фауне: святой может регулировать наличие / отсутствие разного рода животных, чье присутствие нежелательно: чаще всего изгоняются змеи. Эти действия могут приписываться св. Георгию (очевидное влияние его иконографии) и некоторым другим: «В деревне Кижы существует предание, что св. митр. Филипп до своего пострижения жил будто бы в соседней Жаренской деревне у одного богатого крестьянина работником. Он оставил по себе память. Один раз он заклил на южном конце острова змей, которые развелись там в большом количестве и мешали пастись скотине. С тех пор по сей день на том месте змеи не живут, между тем как во всех окрестных местах их видимо-невидимо»³⁰. «Считается, что... там, когда (Александр Ошевенский. – А.М.) стал строить свою обитель там ёго... во время заготовки этой, древесины, как будто его укусила змея, и он проклял змей, и здесь змей нету»³¹. Иногда устанавливается лимит действия заклания, теоретически недостижимый, и именно достижение этого лимита указывает на повреждение нравов и упадок веры. Александр Ошевенский изгоняет змей до тех пор, пока слышен колокольный звон, соответственно, по легенде, змеи начали появляться с началом разрушения церквей и постепенно исчезают сейчас, с их возрождением. По свидетельству, записанному на родине Ио-

²⁹ Мельников И.В. *Святылища древней Карелии*. Петрозаводск, 1998. С.108, 110.

³⁰ Куликовский Г.И., Х[арузина] В. *Из олонецких легенд // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края*. Вып.4. Петрозаводск, 1902. С.63, №4.

³¹ *КА. Архангельская обл., г. Каргополь, зап. от М.Н.Аганитова, 1912 г.р.*

анна Кронштадтского, он изгнал из округи крыс, а также обошел пастбища, проведя тем самым границу, за которую не могли заходить хищники³².

Св. Никита Столпник регулирует появление комаров своеобразно – они начинают активизироваться со дня его памяти (24 мая / 6 июня). Это объясняется фольклорной интерпретацией эпизода его жития, повествующего о самоистязании Никиты, легшего нагим в болото и терпевшего комариные укусы: по столбу комаров, стоящему над болотом, Никита был найден. С тех пор комары начинают активизироваться со дня памяти святого. Такая приуроченность отсылает нас к устойчивым представлениям о начале / конце разных природных явлений, привязываемых к календарным христианским праздникам. Эпитет *Столпник* в данном случае играет решающую роль и накладывается на широко распространенное в фольклоре представление о толчее, стоянии *столбом* насекомых (комаров, мошек): *«От это там-де тоже, вот это вот Никита Столбник, потому что... как только у это, Никиты-от... Никиты муч... Столбника-то – столько этого... этих... ну, мошек, мошек – прямо столбы-столбы-столбы – так и перевиваются, вот, это и есть-ка»*³³.

Наконец, святые участвуют в образовании местной топонимии. Имя св. Кирилла Челмогорского упоминается в предании о происхождении названий деревень Бутино и Дудкино в каргопольском селе Лядины.

«Ехал Кирилл Челмогорский (монастырь его у нас был) на лодке и вот нашу волость обнаружил, что здесь жило. За двадцать километров, между прочим, он и сам жил; Кирилл Челмогорский как святой считался. Он там проехал по Лекима-реке, значит, вот на этой лодке, на челне. Так услышал пение петуха. Заинтересовался – челнок вытащил на берег и вот:

– Пойду, – говорит, – на пение петухово.

Шел-шел (километр там, два не будет, наверно, полтора даже от реки): стоит хата, тут это у него усадьба, это все, а кругом лес – дикий был. Приходит – там живут люди, старичок живет. Он спрашивает:

– Ты, как тебя звать?

– А меня, – говорит, – звать Бутка.

³² Фадеева Л.В. Иоанн Кронштадтский в рассказах его земляков // Живая старина. 2002. №2. С.42–43.

³³ ЛАМ. Ярославская. обл. Переславский р-н, д. Городище, зап. от М.П.Елиной, 1922 г.р., мест.

– А ты давно здесь?

– Да давно, дак я не один, – говорит, – там еще есть Дудка живет, километра за полтора, до двух, у озера, Дудка...

Тот заинтересовался (понимаешь, интересно) и вот к этому озеру ходил. Действительно, тое так же.

Дак вот эту деревню, Бутка где, – Бутихой зовут. А вот эту, нашу деревню, – Дудкинская; там, Дьякова где, – Дудкинская»³⁴.

Та же роль приписывается св. Александру Ошевенскому, причем в заметно большей мере: «Александр, преподобный отец Александр, шел с Поздышева в Ошевенск, все шел не дорогой, а шел о реку и эти мысы-те все чистил, да. И каждому мысу дал он название: Перемыс там, Перемой, Быстрый – все, и каждому»³⁵. В городе Боровске (Калужская обл.), где прославился св. Пафнутий Боровский, с этим святым связывается происхождение гидронимов: «Есть такое неофициальное, написано, сказано, когда было плохо с водой, Пафнутий наш святой ударил, значит, посохом своим и сказал: "Теки же!" И потекла» (река Тежижа. – А.М.)³⁶.

В сущности, независимо от того, какой характер носит деятельность святого – приносит ли он людям пользу или вред, благословляет он их или карает, – значимость любого действия равновелика, поскольку деяния не подвергаются оценке по шкале, по которой судят поступки людей: в любом случае мы имеем дело с чудом, которое лежит вне моральных критериев. Именно чудо есть показатель присутствия сакрального. Даже топонимическая деятельность святого может быть оценена как чудо и вообще приравнивается фольклорной традицией к культу ртрегерской: название, сохранившееся с древних времен, столь же значимо, сколь и дошедший до нас из прошлого сакральный объект.

Для святых, почитаемых широко (не связанных с конкретной местностью), характерен еще некоторый набор действий: они ведают погодными явлениями – приносят урожай / неурожай, дождь / засуху, грозу / тихую погоду. Причем это может относиться как к прижизненным поступкам святых, так и к функциям святых, которые они осуществляют всегда, вне времени, когда они ходили по земле.

³⁴ Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. №12.

³⁵ Архив Карельского научного центра РАН. Колл.128. №20. Архангельская обл., Каргопольский р-н, с. Ошевенск, зап. от Н.П.Попова, 1887 г.р.

³⁶ ЛАА. Калужская обл., г. Боровск, зап. от Л.Н.Заикина, 1920 г.р.

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СВЯТОГО

Речь святого – это всегда его поступок. Как и Бог, сотворивший мир словом, святые словами преобразуют его. Все плохое делается святыми в гневе, хорошее появляется

вследствие их благословения³⁷. Слова святого заметно более действенны, чем слова его оппонентов, поэтому в значительном числе легенд действия святых и ограничиваются словами: достаточно сказать, чтобы изменилась погода, ландшафт, судьба человека, даже ход истории. В этом смысле номинацию ландшафтных объектов, проклятия, благословения и запреты тоже можно было бы отнести к речевому поведению святого. И все же мы имеем дело с действием, преобразующим окружающий мир.

С другой стороны, в речи святого как таковой тоже может быть усмотрена некоторая специфика. Она определяется вышесказанным: слово-действие, слово, имеющее силу влиять на окружающий мир, должно быть облечено в особую форму, отличаться от обыденной речи. В отношении речи святого, можно отметить ее афористичность. Именно те слова, которые будут иметь последствия для людей, облачаются в образную форму, имеют строгую структуру, часто организованы ритмически и даже рифмованы.

Известная формула, которой св. Александр Ошевенский проклял прогнавших его крестьян – *Будете жить у воды, но без воды*, – звучит парадоксально. И при этом содержит не только проклятие, но и буквальное описание природного явления: река Халуй, на берегу которой стоит одноименная деревня, ушла под землю. Так обстоит и поныне: вода в реке уходит под карстовое дно, вдоль всей деревни русло заполняется водой только весной и осенью, летом же вода выходит вновь на поверхность уже за пределами деревни. Тому же святому приписывается другая формула, произнесенная им в ином селении: *Будете жить ни серо́, ни бело́*. Аналогичным образом св. Геннадий Костромской и Любимградский прокликает жителей Любимского уезда Ярославской губернии, потребовавших у него денег за перевоз через реку: *«Мыкаться вам по белу свету, как евреям, и быть не сытым – не голодным»*³⁸. Результатом становится скудное, небогатое существование жителей.

³⁷ Раденковић Љ. Свети Сава... С.93.

³⁸ Тихомиров Н.А. Легенда о предсказании преподобного Геннадия // Живая старина. 1895. №1. С.121.

Афористически может быть высказано не только проклятие, но и предсказание, что, впрочем, все равно воспринимается как необычная, особая форма речевого поведения. Такие предсказания отличаются закодированностью произносимого текста, смысл которого становится понятным лишь по прошествии определенного времени, после того как происходят / начинают происходить предсказанные события: *«До того мы доживём, что у нас... как оно тут сёдня Москва передавала... Саурский или Савурский [имеется в виду св. Серафим Саровский] <...> Да вот он говорит: "Вот, дело приходит к тому, что у нас буде люда, как на поле колосок" <...> И вот он это... много рассказывал, но это мне запомнилось, что вот мы к цёму приходим: сейчас на полях-то у нас колоска-то не найти. Сено косят. Да ивняк заростаёт, всё бурьяном заростаёт, ницёго не косят, нигде ницёго ни сеется, никакое зёрнышко, вот и приводит пример, что вот... так-то будет. Что вот сколько у нас колосков на поле, и приходит к тому, что вот столько будё у нас и людей»³⁹*. Интерпретация предсказания, предложенная информантом, прямо противоположна той, которая имела в виду изначально: известное пророчество св. Серафима говорит о будущей славе Дивеевского монастыря и о количестве паломников (колосьев в поле много); в ином же контексте и вне традиции почитания дивеевского святого это пророчество трактуется противоположным образом, что, в частности объясняется упадком земледелия в регионе. Афористичность речи приписывалась и Иоанну Кронштадтскому (он еще при жизни почитался как праведник): «Слободы Бутурлымо(в)кы (Бобровского уезда) о(б)чыство собрали грошый, кажут: "Давайте пошлем у город Кронштат отцу Ивану, шоб помолывся об мышах". Узялы, послали пятьдесят руб., напысали: "Батюшка! Попростить Бога: у нас багат омышей (sic), ужы и жить низья – пойилы усе". Батюшка о. Иван прыслав назад гроши тай пышы сюды: "Молиться самы: це щы ны мышы, шо йидят хлиб: скоро настанут мышы таки, шо будут людей йисты"»⁴⁰.

Фраза, сказанная святым, реализуется буквально и имеет силу даже над бесами и ангелами. П.Г. Богатырев приводит шенкурскую легенду о святом старце, который переходил реку по бревну, брошенному через нее кем-то для собственных нужд. Старец произнес: «Спаси, Господи, и помилуй того человека, кто это дерево положил. А если он умер, дай ему царствие небесное!» – и ангелы, которые старцу приносили пищу,

³⁹ Ка. Архангельская обл., Няндомский р-н, с. Моша, зап. от А.А. Боровских, 1927 г.р.

⁴⁰ Дикарев В. Толки народа // Этнографическое обозрение. 1895. №1. С.126. №5.

полетели в ад по разбойничью душу, которую вызволяли у *нехорошего* три дня⁴¹.

При этом набор подобных формул достаточно ограничен, одни и те же формулы приписываются разным святым. Так, св. Антоний Сийский проклинает крестьян, не давших ему построить монастырь и пустивших его на плоту по реке, теми же словами, что и св. Александр Ошевенский: «*Жить вам ни серо, ни бело, ни богато, ни голо*»⁴². Формулу Александра Ошевенского «*Будете жить у воды, но без воды*» в заметно редуцированном виде произносит безымянный *старичок*, проклявший рыбаков, не давших ему рыбы: «*Живите вы без воды*»⁴³.

Афористичность, ритмическая организация, рифма, подчеркнутая буквальность в отношении к действительности или, наоборот, закодированность произнесенной фразы – характерные черты речи не только святых, но и других персонажей, понимаемых как потусторонние. «При контактах с человеком персонажи нечистой силы проявляют либо необычное красноречие, способность говорить рифмами, либо крайнее косяноязычие, лаконичность»⁴⁴.

ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ СЯГОГО

Наряду с формализованной речью для святых характерны выразительные жесты, обычно совершаемые параллельно. Они дополняют друг друга, что позволило С.В.Алпатову назвать вербальные формулы, произносимые святыми, словесными жестами⁴⁵. Жест святого столь же резок, энергичен, выразителен и символичен, сколь и фраза. Святые ударяют посохом о землю / камень, в результате чего оттуда начинает идти вода. Такие сюжеты известны о Михаиле Клопском, Серафиме Саровском, св. Спиридоне, Пафнутии Боровском и др., то же действие, но с обратным результатом совершает Александр Ошевенский, повелев реке уйти под землю. Удар ногой о

⁴¹ Богатырев П.Г. Несколько легенд Шенкурского уезда Архангельской губ. // *Живая старина*. 1916. Приложение №6. С.072-073. №4.

⁴² <http://www.pleseck.ru/kp/arh/index.php?id=210&st=4>

⁴³ АКФ МГУ. ФЭ-04 (2-7-1962-22). Т. 22. Л.6421–6422. Архангельская обл., Каргопольский р-н, с. Лядины, зап. от Д.С.Тонких, 1897 г.р.

⁴⁴ Виноградова Л.Н. *Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян*. М., 2000. С.136

⁴⁵ Алпатов С.В. *Николай Чудотворец в русских народных легендах // Традиционная культура*. 2005. №1. С.34.

камень оставляет на нем следы. Св. Савва Сербский крестит место на земле посохом или просто машет над ним, вследствие чего открывается водоем⁴⁶.

ФУНКЦИЯ СВЯТОГО

Широко распространены представления о распределении между святыми функций: каждый имеет свою «специализацию», к нему обращаются за помощью в определенных случаях. Эта традиция – отнюдь не только фольклорная – получила широкое распространение и продолжает развиваться сейчас благодаря большому количеству печатной продукции и другим средствам массовой информации. Так, списки святых с указанием их «специализации» ходят по православным сайтам в интернете. Источники таких списков различные, однако в заметной степени они основываются на фольклорных представлениях, которые, в свою очередь, интерпретируют имена святых или названия икон, жития и иконографию.

Так, при головной боли надо молиться Иоанну Предтече (рекомендация восходит к народному представлению, связанному с интерпретацией праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи), от пьянства – иконе Божией Матери Неупиваемая Чаша (народная этимология названия иконы), об успехах в рыболовстве – апостолам Петру, Иакову и Иоанну (рыбакам). Наряду с этим ряд рекомендаций носит следы вполне отрефлектированного подхода к задаче, когда в житиях святых усматриваются примеры преодоления соответствующих трудностей или борьбы с ними: «когда неверие беспокоит душу [следует молиться] Апостолу Фоме, <...> наставники покаяния преподобный Ефрем Сирий, святитель Андрей, архиепископ Критский, преподобная Мария Египетская»⁴⁷.

Сама эта традиция поиска заступничества у святых достаточно древняя и близкие идеи встречаются еще у Оригена. В дальнейшем «потребность в близком, "своем" покровителе, действующем (в отличие от далекого Бога, объединенного к тому же в трех лицах) в пределах "микросмоса" – церковной общины, в крайнем случае диоцеза, стала одной из причин того, что святых призывали по самым разным поводам, диктуемым жизненными интересами. К XII в. все явственнее прослеживается "специализация" святых, которые стали считаться патронами не только той местности, где покоились их останки, но и покровителями опреде-

⁴⁶ Раденковић Љ. Свети Сава... С.98.

⁴⁷ <http://www.orthedu.ru/books/sviatwe.htm>

ленных занятий и жизненных ситуаций, в которых обращение к данному святому-патрону давало наибольший эффект»⁴⁸.

В крестьянской среде такое распределение функций существенно менее развернуто, чем в современном мире «церковных людей», количество их меньше, тематика уже, а список святых, которым следует молиться в разных случаях, заметно меньше. Вот какой список функций приводит А.Балов: «Св. преп. Нифонту (молятся. – А.М.) – о прогнании лукавых духов. Для той же цели читается 12-я кафизма или даже один псалом "Живый в помощь Вышняго". Св. Иоанну Крестителю – от головной боли. Преп. Марону или Сисинию – от лихорадки. Пророку Науму – при начале учения детей. Зосиме и Савватию – перед выставкою пчел. Георгию Победоносцу – перед выгоном скота первый раз в поле. Иоанну Воину – о возвращении украденного. Св. Власию – о сохранении скота. Св. Фомаиде – об избавлении от блудной страсти. Св. Илии пророку – о подании дождя. Св. Моисею Муруну – об исцелении от запоя. Иконе Неопалимой Купины – о прекращении пожара. Св. Екатерине – при трудных родах. Св. пророку Давиду – об укрощении гнева начальников. Св. Вонифатию – об исцелении от запоя»⁴⁹.

Этот и подобные ему списки ограничены как знанием о святых, так и насущными нуждами повседневной жизни. Ряд святых имеет весьма устойчивые функции, другие же таковыми не обладают. Уже было отмечено, что «делегирование» этих функций объясняется обычно интерпретацией жития, иконографии или имени, причем признак, подвергающийся интерпретации, и ее метод могут быть совершенно случайными и произвольными: «Слыхала, будто бы Егорий Храбрый на лошадях ездил, а как на поскотину лошадей ставили, так говорили: – Святой Егорий Храбрый, спаси мою лошадку, Господи, спаси и сохрани, нашу скотинку»⁵⁰. Часто функция определяется его именем: [Знаете про Николая Чудотворца?] «Чудотворца дак все говорят, он чудеса творил»⁵¹ (подчеркнуто мною. – А.М.).

⁴⁸ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые. Антропология болезни в средние века. СПб., 2004. С.335.

⁴⁹ Балов А. Какому святому в каком случае должно молиться // Живая старина. 1893. №3. С.428.

⁵⁰ АКФ МГУ. ФЭ-04 (2-6-1962-12). Т.12. Л.4826. Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Горушка, зап. от М.А.Кирьяковой, 1876 г.р.

⁵¹ КА. Архангельская обл., Каргопольский р-н, с. Поздышево, зап. от М.В.Редькиной, 1928 г.р.

Македонский исследователь Т.Вражиновский перечисляет следующие функции святых: функция посредника в отношениях человека с Богом, защитная функция (защита мест и храмов), целительная⁵². На наш взгляд, этот список несколько шире. Среди функций святых есть также карающие. Они проявляются в основном тогда, когда человек нарушает запреты или предписания, связанные с календарными праздниками. Повсеместно у православных св. Параскева наказывает тех, кто работает в пятницу; Илья сжигает стога, если их мечут или косят в Ильин день; у греков св. Власий душит скот тех, кто работает в его день; св. Христофор наводит град на поля, если нарушают его праздник и т.д.⁵³

Святые являются людям, с тем, чтобы дать совет, повелеть исполнить что-либо или предсказать будущее: *«Да он (Николай Чудотворец. – А.Ф.) показывался многим. Он и мне показывался. Когда я была еще девочка. И вот он у угла стоит, около мово, у... у дома, и говорит: "Хватит тебе гулять: пора замуж выходить". Так меня... по плечу мне рукой. Такой небольшой, седоватый такой и борода такая красивая. Это было, я еще вот девчонкой... На последнем году — мне замуж выходить»*.

[Соб.]: *А как вы его узнали? Он на икону был похож?*

*Да, да, да. Вот так прямо вот похож прямо был. Такой с бородачкой, так вот седенький. Небольшого роста, вот. Я сказала матери, она говорит: "Это Николай Угодник к тебе был. Тебе пора замуж выходить, значит"..."*⁵⁴.

Среди важных функций святых можно назвать приписываемую разным подвижникам способность спасти часть людей от антихриста / конца света. Эсхатология занимает особое место в фольклорном сознании. Ощущение *последних времен* постоянно присутствует в мифологическом сознании, а поиски и интерпретация примет конца света занимают особое место в народной картине мира. В эсхатологических представлениях, верованиях, легендах особое внимание уделяется двум основным аспектам: а) как определить приближающийся конец света (распознавание и интерпретация примет сродни интерпретации примет

⁵² Вражиновски Т. *Македонска народна Библија...* С.277–281.

⁵³ Варвунис М. *Култ светих у Грчкој традицијској култури // Лицеум. Књ.5. Култ светих на Балкану.* С.179.

⁵⁴ *Традиционална култура Муромскогo краја. Експедиционне, архивне, аналитичке материјалы. Т.1. М., 2008. С.483. №4.*

другого содержания и результатов гаданий⁵⁵) и б) возможность избежать прихода Антихриста / отсрочить его / укрыться от него. В разных конфессиональных группах эта проблема стоит с разной степенью актуальности и решается различными способами, но она всегда на слуху.

Для старообрядцев-бегунов, например, принципиальным был отказ от сотрудничества с государственной властью, понимаемой как власть Антихриста, и, следовательно, от любых общественных институтов: «обязательный отказ от записи в ревизию, вообще – от какой-либо регистрации, отказ от платежа податей, службы в армии, выполнения любых повинностей в пользу царя-Антихриста и "бесовских" начальников, проповедь побега из мира Антихриста»⁵⁶. В сознании современных «церковных людей» священная территория способна стать закрытой для Антихриста, пережить его приход и перейти в вечность. Под священной территорией может пониматься как вся православная Россия, так и места, особо маркированные. Например, Екатеринбург как место мученической смерти Николая II, территория Дивеевского монастыря, основанного св. Серафимом Саровским, ограниченная Канавкой⁵⁷. Схожие представления распространены в других сакральных центрах: Печорах, Почаеве и т.д.⁵⁸

В крестьянской культуре подобное представление тоже весьма распространено, причем в заметно более четко и внятно сформулированном виде: свой святой оградит свою территорию от конца света, живущим там людям и тем, кто приедет туда, можно будет укрыться от пришествия Антихриста, они переживут конец света. Так интерпретируется приписываемое св. Серафиму Саровскому пророчество о Канавке⁵⁹, которое – понятое буквально – получило широкое распространение в

⁵⁵ Белоусов А.Ф. *Последние времена // AEQUINOX. Сборник памяти о. А.Меня. М., 1991. С.11.*

⁵⁶ Мальцев А.И. *Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1996. С.200.*

⁵⁷ *Рвом на территории монастыря, который был вырыт по указанию св. Серафима по следам Богородицы, явившейся святому и обошедшей вокруг монастыря (Ахметова М.В. Конец света в одной отдельно взятой стране (религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф). В печати).*

⁵⁸ Тарабукина А.В. *Фольклор и культура прицерковного круга. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.*

⁵⁹ «Так и не сможет достать вас Антихрист-то, все равно как в Киеве приходили разбойники, а церковь-то поднялась на воздух, достать-то они ее не могли. Так вот, и собор ваш и канавка поднимутся тоже до неба и защитят вас, и не сможет ничего вам сделать Антихрист!» (<http://divevo-sarov.narod.ru/predskazania.htm>).

устной традиции: «И когда враг придет, он через эту Канавку не пере-шагнет»⁶⁰; «Да, здесь престольный праздник двадцать пятого июня, всё время бывает престольный праздник <...> это, Ануфрия Мальского, и вот он воскреснет, Ануфрий Мальский, когда придёт антихрист сюда, и здесь антихриста не будет, в этих местах»⁶¹.

ИМЯ СВЯТОГО И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Имя играет важную роль в почитании и самих святых, и календарных дат, связанных с их памятью. Оно интерпретируется механизмами народной этимологии, то есть посредством паронимической аттракции агнионима и неродственного слова, чья семантика актуализируется в имени. В отношении культа святых важна интерпретация не только самого имени⁶², но и атрибутов, которые сопутствуют агнионимам. В этом отношении принципиальными оказываются как "видовые" атрибуты, указывающие на тип святости (мученик, преподобный), так и индивидуальные. Часто именем определяется функция святого: [Кто такой Николай Угодник?] «Дак вот какой-то святой. <...> Угождал, видимо, народу, раз люди ему молятся и его почитают»⁶³ (подчеркнуто мною. – А.М.).

В связи с разными типами святости существует представление о том, что (в отличие от преподобных) святые мученики приносят несчастье. Это верование создает календарные ограничения на некоторые виды деятельности, которая представляется судьбоносной⁶⁴, и порождает примету о судьбе человека по дню его рождения: если ребенок родился в день мученика, он будет всю жизнь мучиться, если в день преподобного – будет удачливым⁶⁵.

⁶⁰ Шеваренкова Ю.М. Устное народное житие Серафима Саровского // Традиционная культура. 2005. №1. С.81.

⁶¹ ЛАМ. Псковская обл., Печорский р-н, с. Малы, зап. от Л.П.Морозовой, ок. 1930 г.р.

⁶² Значительная часть имен собственных, поскольку совпадает с антропонимами, вообще не подвергается этимологизации.

⁶³ КА. Архангельская обл., Каргопольский р-н, с. Тихманьга, зап. от Г.Г.Есиной, 1938 г.р.

⁶⁴ «В день, когда память мученику, нельзя идти свататься» (Яковлев Г. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах Острогосского уезда // Живая старина. 1905. №1–2. С.162). В дни мучеников не выгоняют скот первый раз весной на пастбище (Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006. С.74).

⁶⁵ Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. С.77.

С другой стороны, взгляд на то же слово с несколько иной точки зрения порождает противоположную тенденцию: «Мученики в целом могли защитить больного от страданий, потому что они сами пострадали»⁶⁶. Мы бы так уточнили эту формулировку: они могут защитить человека от страданий / навлечь на него страдания, поскольку в самом их наименовании заложена тема мучения.

Собственно имена подвергаются этимологической интерпретации в случаях, когда они звучат непривычно, не совпадают с актуальными антропонимами. В остальном же такие интерпретации мало чем отличаются от приведенных выше: они тоже направлены прежде всего на разного рода календарные ограничения. Так, например, «день св. Сосипатра (28 апреля) считается благоприятным для отлучения (ребенка от груди. – А.М.), поскольку в имени святого слышат глагол "сосать"»⁶⁷; согласно календарной примете, «Кузьма закует», то есть с Кузьмина дня начнутся морозы⁶⁸; пророк «Наум наводит на ум», то есть ему надо молиться о помощи при учении⁶⁹ и т.д.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СВЯТЫХ В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

Несмотря на то, что в основном святые взаимодействуют с людьми и основная часть агиографических сюжетов направлена на раскрытие именно этих взаимоотношений, все

же существует ряд сюжетов, в которых описываются отношения святых между собой. В основном это «классические» легенды, выстраивающие своеобразную иерархию святости и объясняющие ее: какой святой главнее, могущественнее, добрее и проч. К таким сюжетам относятся, например, легенда о Николе и Касьяне⁷⁰; легенда о Николе, покровителем в мужику, и Илье, который хочет его покарать за недостаточное почитание⁷¹. Сходный сюжет встречается в легендах о Юрии и Николе, где изображается подобная конкуренция между этими двумя

⁶⁶ Левин Ив. *Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С.91.*

⁶⁷ Кабакова Г.И. *Указ. соч. С.132.*

⁶⁸ Калининский И.П. *Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1997. С.54.*

⁶⁹ Там же. С.62.

⁷⁰ *Призванная объяснить, почему у Николы именины два раза в год, а у Касьяна раз в четыре года и почему он немилосливый (Афанасьев А.Н. Народные русские легенды... №11).*

⁷¹ *Объясняющая суровость Ильи и необходимость праздновать его день (Афанасьев А.Н. Народные русские легенды... №10).*

святыми. В них добрым оказывается Юрий, а Никола зол и мстителен. Или наоборот: конкуренция Петра и Ильи заканчивается тем, что Илья испытал на себе действие собственного проклятья и с тех пор стал мешать мужикам косить сено⁷².

Во всех упомянутых сюжетах имеет место объединение собственно святых с их праздниками⁷³, таким образом, календарный период отождествляется с одноименным святым. Однако отождествляться могут не только святой с праздником, но и одноименные святые между собой. Контаминация оказывается весьма действенным механизмом порождения новых агиографических текстов и верований. Так, св. Александр Ошевенский контаминируется со св. Александром Невским; св. Никита Столпник – с великомучеником Никитой; св. Иоанн Воин – с Иоанном Крестителем; Иоанн Златоуст – с Иоанном Крестителем и т.п. Эта контаминация в календаре не только упрощает его и сокращает список святых, который надо держать в памяти, но и рождает новые легенды, в которых сводятся воедино разнообразные сюжеты и устанавливаются связи между не связанными изначально сюжетами о сакральных персонажах. Эта связь способствует объединению разрозненных текстов в единую систему представлений. Согласно болгарской легенде, «учеников у Христа было 42 человека. У евреев было очень холодное озеро, они их туда загнали, чтобы те там замерзли. Поставили стражу. Двое отказались, 40 остались. Господь в ночи спустил с неба 40 лучей, чтобы они не замерзли. Потом *Палат* (Пилат. – *А.М.*) решил уничтожить их. Осталось только 12, остальные не выдержали испытаний. С ними Христос и провел Тайную вечерю»⁷⁴.

ОБРЯДОВЫЕ ФОРМЫ ПОЧИТАНИЯ СВЯТЫХ

В некоторой мере представления о святых выводимы из народных обрядов их почитания. К таковым можно отнести посещение святынь и получение у них *святостей*, которые затем приносятся домой и используются для исцеления и для освящения внутреннего пространства дома и хозяйства. Святостями могут быть не только купленные у святынь иконы с изображением

⁷² *Легенды і паданні... №136, 138–140, 142.*

⁷³ *Илья мешаает сено косить. Значит, на Ильин день всегда бывают грозы.*

⁷⁴ *Белова О.В. «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды. М., 2004. С.87.*

почитаемого персонажа, но и собственно «народные»: вода из источника, песок или камушки оттуда же, щепки, отломленные или отгрызенные от почитаемого дерева. Наряду с принесением сакральных объектов от святынь в дом практикуется и обратное действие – принесение к святыне предметов по обету (*обвет, завет, завещание*). Обычно это мотивы, в которых закодирована просьба, с которой обращаются к святому: платок, повешенный на икону, дерево или крест у святого места содержит просьбу об исцелении от головной боли; чулки или изображение ноги, например вышитое на кусочке ткани, – от боли в ногах и т. д. Однако к святым местам приносят не только вотивные вещи, но и пищу (подразумевается кормление святых), цветы и травы и другие предметы, что, в конце концов, выливается в опустошение карманов: на кресте у одной из святынь нам как-то пришлось увидеть билет на дискотеку в сельском клубе.

Важнейшая форма почитания святых – это прикосновение к их мощам или сакральному объекту, почитаемому в связи с ними. По замечанию Л.Карсавина, «через тело святого, живого или мертвого, через тело священника метафизическое переходит на и в другие объекты, особенно если человеку дано его много. Все соприкасавшееся с носителем благодати сохраняет ее. Оттого и полезно купаться в Иордане или прикасаться к могиле святого. Оттого и хранят сандалии сожженного префекта, а плащ Петра Мартира изгоняет из желудка больного большого двухголового червя, покрытого черными волосами»⁷⁵. Прикосновение к святыне не только передает «метафизическое» от нее человеку, но и наоборот – зло и болезни, от которых человек хочет избавиться, уходят из него через прикосновение к мощам, реликвиям и другим сакральным объектам.

Сам путь к святыне рассматривается как важный акт почитания святого, поэтому нередко оговаривается, что необходимо проделать путь пешком, не пользуясь транспортом. Таким же значением обладает обход сакрального объекта: обходятся озеро Светлояр в Нижегородской области; обходят озеро Келейное (в это озеро вдается мыс, на котором расположено нынешнее почитаемое святое место Макарий, бывшая Макариевская Хергозерская пустынь в Каргопольском р-не Архангельской обл.).

⁷⁵ Карсавин Л.П. *Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии. (Записки историко-филологического факультета петроградского университета. Ч.СХХV). Пг., 1915. С.59.*

Обетные приношения в полуразрушенной церкви бывшей Макариевской Хергозерской пустыни (Каргопольский р-н Архангельской обл.). Фото автора.

Такой путь часто понимается как повторение пути, пройденного самими святыми, подражание которому тоже есть форма их почитания. Наряду с прохождением пути, которым шел сакральный персонаж, подражание проявляется в особых действиях. Например, наступание в след, оставленный святым в камне; омовение в святом источнике, в котором купался святой; сидение под деревом, под которым он ночевал, и т.п.

Отсутствие действия тоже может быть понято как форма почитания святого: различные календарные даты ограничивают круг хозяйственной деятельности человека большим количеством запретов, обязательность соблюдения которых мотивируется нарративами о святых. Грех работающего в праздники усугубляется тем, что он усиливает страдания святого, в честь которого установлен праздник, или Христа. Например, это видно в полесской легенде, согласно которой св. Варвара, в прошлом *жидовка*, от *жидов* убежавшая в *крещеную веру*. Ее схватили и стали мучить: сажали на горячую сковороду. Поэтому в ее день ничего не пекут, а только варят⁷⁶.

⁷⁶ Белова О.В. Указ. соч. С.95.

Подобно тому, как святые могут быть расположены негативно к человеку и наказывать его за проступки, человек тоже может подвергаться наказанию сакральный объект. «Не только просьбы, да угождения действуют на метафизический мир. Многого можно добиться и угрозами, можно, например, отобрать у статуи Богородицы Младенца-Христа и не отдавать Его назад, пока она не исполнит желаемого. По окончании мессы возят на конях образа, кресты и статую Марии Девы. А в случае дурной погоды, бури и грозы, их волочат по земле, по репейникам и колючкам, осыпая ударами и оскорблениями. Все это простейшие способы заручиться помощью метафизических существ, тем более необходимые, что святые по собственной инициативе помогать не станут. Но желательно найти более верный, безошибочный способ действия. В поисках его и возникает идея договора, *«pactus»*. <...> В отношении к демонам идея договора проявляется очень часто. Но, кажется, она проникает и в отношения к святым и Богу»⁷⁷.

Почитание статуи св. Нила Столобенского на территории Нило-Столобенской пустыни (Осташковский р-н Тверской обл.). Фото автора.

⁷⁷ Карсавин Л.П. Указ. соч. С.167–168.

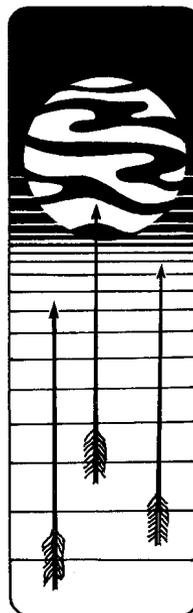
Множество деталей, черт, эпизодов, составляющих образ святого в книжном житии или на иконе, остаются за рамками интереса народной традиции. Она редко обращает внимание на детство святого (которое становится предметом особого интереса книжников-агиографов), мало уделяет внимания посмертным чудесам, часто легенда вообще занимает в сознании носителей традиции такое важное место, что житие просто не вызывает никакого интереса, как существенно менее яркое. Вместе с тем сведения о разных святых, черпаемые из житий, как бы просеиваются сквозь сито фольклорных стереотипов, образы святых «усредняются», подгоняются под описанную модель восприятия, и персонажи, даже подчас крайне непохожие один на другого, становятся подчас просто взаимозаменяемыми. Это – наряду с ограниченным количеством почитаемых святых – способствует простоте восприятия и одновременно делает святых «своими», близкими, понятными.

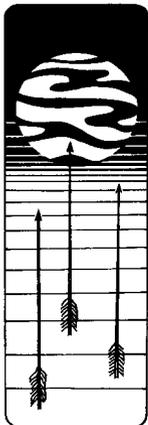
ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

**Рост «индивидуализма»,
т.е. самоопределения
и, следовательно, противопоставления
себя всему внешнему:
традиции, форме, миру,
рост осознающей себя**

**в богатом разнообразии
жизни личности является
существеннейшим моментом
в процессе творческого
саморазложения
средневекового общества.**

Л.П.Карсавин

Сергей Половинкин

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

«НОВОЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»
СВЯЩЕННИКА
ПАВЛА
ФЛОРЕНСКОГО

УДК

091

The article deals with revelation of 'The new Middle Ages' notion which attracted the general attention upon publication of N.A.Berdyayev's book 'The new Middle Ages' (Berlin, 1924). Florenski used the term somewhat earlier in texts that have been published recently. Florenski argued that there were rhythms in history and this rhythm was the rhythm of replacement of the Medieval culture with the Renaissance culture. After the Renaissance epoch and after the culture of the Modern times which developed the Renaissance culture the epoch of the 'new Middle Ages' follows. Florenski guessed the characteristics of the 'new Middle Ages' in the reality which surrounded him. All Florenski's sympathies were in favor of the Middle Ages outlook. He thought that his own outlook was correspondent to the Russian Middle Ages style of the 14th and 14th centuries. Florenski supposed that the Renaissance culture crisis began in the late 19th century and the twilight epoch of transition to the 'new Middle Ages'; transition from the darkness to the light started. Florenski saw the specific omen of the 'new Middle Ages' in growth of apocalyptic moods: his coevals already spoke of destruction of nature and crisis of culture, of depletion of the Earth's bowels, of revolt of elements, of contamination of the air and the waters, of terrible earthquakes. Florenski sought a deeper return to the Middle Ages. It is interesting to think the contemporary life in Florenski's terms: the Middle Ages, Renaissance, the Modern time, the new Middle Ages.

Ключевые слова: Н.А.Бердяев, П.А.Флоренский, история религиозной мысли.

E-mail: s.m.pol@mail.ru

В статье представлена оригинальная историософская концепция Флоренского, которая опровергает распространенное мнение о том, что философ был индифферентен к вопросам истории. Такое мнение возникло из-за отсутствия ключевых историософских текстов Флоренского. По мере же публикации текстов из «Архива свящ. Павла Флоренского» его историософия проглядывала все более и более отчетливо. И, наконец, стало возможным реконструировать ее в достаточно полном, хотя и конспективном, виде. Мне представилось целесообразным, чтобы в ходе реконструкции читатель слышал голос самого Флоренского. Отсюда и обилие цитат. Флоренский отрицал эволюцию и прогресс культуры; он развивал мысль о подчиненности их ритмически сменяющимся типам культуры: средневековой и «возрожденской». «Типы культуры: первая, – опирающаяся на мистическую жизнь, идущую к Богу; вторая, – идущая от Бога; и третья – неопределенная смесь, колебательная, то вверх, то вниз [в зависимости] от двух противоположных культур»¹. На этой основе и на основе фактов из области истории, философии, литературы, искусства, науки и др. Флоренский сделал вывод о наступлении примерно с конца XIX в. эпохи Нового средневековья. Типы культур средневековая и «возрожденская» стали для Флоренского не столько характеристиками соответствующих периодов истории, сколько категориями осмысления истории. К категориям «Средневековье» и «Возрождение» он прибавил категорию «Новое средневековье». Приведем характеристики этих категорий, придерживаясь текстов самого Флоренского. Слова самого автора точнее передают смысл, чем любые переложения его взглядов. После этого будет предпринята попытка реконструкции категории «Нового средневековья» и поставлен ряд вопросов, сформулированных посредством этих категорий.

Средневековье

Прежде всего, следует представить понимание Флоренским культуры средневековой. Культура Средневековья принадлежит к культуре первого типа, она пронизана сакральным началом, она церковно-целостна². Флоренский отметил, что беспристрастные исследователи давно оставили мысль о некультурности Средневековья, которое не бес-культурно, но «ино-культурно», «свое-бытно»³. Во всяком миропонимании есть высшая

¹ Флоренский П. Сочинения. В 4-х томах. Т.1. М., 1994. С.39; Т.3 (2). Уводоразделов мысли. М., 1999. С.442.

² Там же. Т.3 (2). С.441.

³ Там же. Т.2. М., 1996. С.92.

ценность, которая формирует и сердце, и разум человека: «Во всяком миропонимании есть центр, сокровище духа, более онтологическое, чем мы сами. Сердце остается при нем и начинает получать от него соки жизни или смерти. Оно определяет основные линии поведения нашего разума, основные углы зрения, т.е. с известной точки зрения духовные предметы, на которые мы ориентируемся, являются родоначальниками категорий, направлений, по которым устанавливается мысль, как капля имеет тот же состав, как и весь источник»⁴. Это сокровище духа может быть и истинным, и ложным, быть источником либо жизни, либо растрепания и смерти. Высшей ценностью средневекового мирозерцания был Бог. В Средневековье «вся жизнь была устроена по началам духовности, вращаясь около незыблемой оси – Святых Таин Христовых»⁵. Средневековое мировоззрение жизненно и целостно: «Средневековое мировоззрение опирается на чувство жизни и на пребывающее в жизни. <...> Религиозное мышление, музыка, поэзия и особенно церковность есть синтез всех искусств, высшая из всех человеческих деятельностей». Однако Флоренский рисовал отнюдь не сплошь благостную картину Средневековья: «Наоборот, в Средневековье возможны особенно сознательные преступления, так как Церковь – налицо и потому есть возможность действовать особенно зловредно. Именно в Средневековье может быть настоящий сатанизм. Но в нем вместе с тем есть возможность строить свое миропонимание по Христу». Для средневекового мирозерцания характерны онтологизм (не кажется, а есть), «иерархизм бытия», символизм, телеологизм⁶. Интересно, что в своем творчестве Флоренский развивал указанные характерные черты средневекового мировоззрения, написав о себе⁷: «Свое собственное мировоззрение Флоренский считал соответствующим по складу стилю XIV–XV вв. русского средневековья, но предвидит и желает другие построения, соответствующие более глубокому возврату к средневековью».

Возрождение – Новое время

Между Средневековьем и Возрождением «лежит полоса разрушения строя, сначала внутреннего, потом общественного». Это разрушение воспринимается эсхатологически как «смерть зона, конец века». Здесь Флоренский приводит характерные слова Шекспира «время вышло из своих

⁴ Там же. Т.3 (2). С.464.

⁵ Флоренский П.А. Иконостас. М., 1994. С.94.

⁶ Флоренский П. Сочинения. Т.3 (2). С.454, 368, 389, 473.

⁷ Флоренский П. Автореферат // Флоренский П. Сочинения. Т.1. С.39.

пазов». Возрождение предваряла колебательного типа культура (Леонардо да Винчи, Сандро Боттичелли)⁸.

Если Средневековье живет религией, то Возрождение «по существу пытается быть вне религии». Вслед за Возрождением Французская революция провозгласила «права человека и природы», т.е. их автономность от Бога: «Тайная мысль – отрицание прав Бога и Его явления на земле, Его Церкви – протестантство в широком смысле». В итоге: «Суть возрожденской мысли есть восстание против Церкви, бунтарство против Бога». Отказ от теоцентризма привел к катастрофическим последствиям для всей возрожденской культуры и для последующей культуры Нового времени. На место теоцентризма пришли натурализм и гуманизм: «Возрожденческая эпоха – возрождение фарисейства, носящее на новом языке два имени: натурализм и гуманизм, – была провозглашена как автономия человека и природы». Для человека быть автономным «означает уничтожение жизни в Боге, уничтожение непосредственного касания энергии Божией и оставление лишь отвлеченного понятия о Боге, чисто теоретического». Гуманизм порождает парадокс: человек, отделившись от Бога, «хотел дать гуманистическое миропонимание – и уничтожил себя как человека». Соответственно, человек, отделившись от Бога, «хотел образовать натуралистическое миропонимание – и разрушил природу». С упразднением Бога упраздняется природа, с упразднением природы упраздняется и сам человек. При автономии закон жизни дает сама тварь – либо человек, либо природа: «Может быть много оттенков этого стремления, но духовная суть их одна и та же: если мы ценим устав ради устава – вследствие чего бываем вне влияния благодати, если мы делаем добро от всей души, даже до сожжения себя, но вне отношения к Богу и в то же время упиваемся своим подвигом как таковым, то это – фарисейство»⁹. Таким образом, возрожденский гуманизм антиперсоналистичен. Отделение от Бога означает потускнение образа Божия в человеке, его духа, а это для Флоренского и означает уничтожение человека. Самоутверждение человека вне Бога есть грех¹⁰.

Возрожденский человек пытается изгнать Бога из мира, движимый гордыней, он стремится к автономии с целью устроиться так, чтобы никто не вмешивался в устроенный им порядок, даже Бог. Путь к автономии –

⁸ Флоренский П. Сочинения. Т.3 (2). С.388; 389; 442.

⁹ Там же. С.388; 452–453, 459–460, 465.

¹⁰ Флоренский П. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Путь, 1914 (То же // Флоренский П.А. Сочинения. Т.1. М., 1990). С.177.

путь титанический и люциферианский¹¹. Предпосылка этой гордыни – манихейство, дуализм, признание существования злого начала, едва ли не большего, чем Бог, как бы ни назвать это начало – дьяволом, материей или как-нибудь иначе. Это существо есть та основа, которая гарантирует нам возможность автономии. В этом дуализме сочетаются и брезгливость к плоти, и гордость плотью, «и противопоставление ее благодати, что она сильна настолько, что для благодати непроницаема». Возрожденский человек обожествляет себя, и вера его в Бога становится непоследовательной: «Нецерковная культура делается самообожествлением. Если возрожденский человек верует, то он непоследователен. Для западноевропейской культуры естественно изгнание Бога, чтобы быть самим собою, нужно избавиться от всех даров Божиих. Но этим он уничтожает и свою форму и обращается в меоническое состояние»¹².

Реальность одна – «воплощенный Логос», культ. Возрожденское стремление к автономии направлено против этой реальности: «Пафос самоопределения явно направлен против *реальности*, против того, что *заставляет* определиться». Тем самым Возрождение отказалось от онтологии и стало производить иллюзии, «на место Божественной действительности поставило подобие, театр». Цель возрожденского мировоззрения – «не благодатное приятие всякой реальности, не творчество, а создание подобий и жизнь среди них»¹³. А эти подмены Божьего человеческим суть «гниение, распад и почти смерть *человеческой культуры*», а именно: западноевропейской гуманитарной цивилизации, когда «деятельности обратились от *Реальности и Смысла* – к реальности и смыслу, т.е. в своей раздельности от Первых стали реальностями пустыми и смыслы ложными. Вещи стали *только* утилитарными (полезными), понятия, – *только* убедительными. Но утилитарность уже не была заменителем реальности, а убедительность – истинности. Все стало подобным Истине, перестав быть причастным Истине, перестав быть Истиною и во Истине. Короче – все стало светским»¹⁴. Если для античного и средневекового человека было характерно приятие реальности и Реальности, то для человека Нового времени характерно стремление избавиться от реальности и Реальности, и от мира, и от Бога.

¹¹ Флоренский П. *Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии)*. М., 2004. С.142; Он же. *Сочинения. Т.3 (2)*. С.436.

¹² Флоренский П. *Сочинения. Т.3 (2)*. С.436–437, 453.

¹³ Флоренский П. *Собрание сочинений. Философия культа... С.104; Он же. Сочинения. Т.3 (2)*. С.484.

¹⁴ Флоренский П. *Собрание сочинений. Философия культа... С.57.*

Возрождение возрождает тайные науки – магию, астрологию, хиромантию, физиогномику, алхимию и др.¹⁵ Возрожденская магия характерна тем, что человек сам хочет стать источником магических сил.

Противопоставление средневековой и возрожденской культуры показано Флоренским в их характерных чертах. Средневековье живет ночным сознанием, сонной жизнью, где преобладают «мистическое начало, ноуменальная воля, восприимчивость, женственность». Сон «не отсутствие жизни, а жизнь *sui generis*¹⁶ – без сна мы бы перестали питаться душою». С Возрождения начинается дневной период, «где активн[ее] поверхн[остное] воздействие на мир, воля феноменальная, мужественность». Однако деление на ночные и дневные периоды не абсолютно: в дневные эпохи «могут быть проблески ночной культуры, подобно тому как из глубокого колодца можно звезды видеть и в полдень»¹⁷. Философия Возрождения примыкает не к мысли Средневековья, а к «вечереющей мысли древности: в философии александрийской – в неоплатонизме, неопифагореизме и т.д. надо искать истоков ее»¹⁸.

Если в «древнем мирозерцании» мир представлял как «многообразное единство», то в научном мирозерцании мир предстает как «однообразное множество»: «Современное "научное" понятие о *сходстве* явлений не было свойственно древнему миру; там было представление о живом, реальном *единстве* явлений. Будучи единым в существе, элементы бытия представлялись вместе с тем бесконечно запутанным, своевольно капризным и не поддающимся учету многообразием»¹⁹.

Средневековое мировоззрение символично, оно опирается на чувства жизни и в жизни усматривает высшие цели: «Каждым своим элементом, каждой точкой оно связано со всей сложностью жизни. Каждая его точка протягивает щупальца к другому. Его трудно изложить, подобно тому как трудно описать функции живого организма: откуда ни начать, ясно, что это не есть начало, функционально организм есть нечто круглое – он смыкается в себе самом. Религиозное мышление, музыка, поэзия и особенно церковность есть синтез всех искусств, высшая из всех человеческих деятельностей». Возрожденское же миропонимание рационалистично, оно «может быть представлено как цепь силлогизмов и отдельных понятий». Оно «не для жизни», оно профессорское, «каби-

¹⁵ Флоренский П. Сочинения. Т.3 (2). С.365.

¹⁶ Своего рода, своеобразная (лат.).

¹⁷ Флоренский П. Сочинения. Т.3 (2). С.387–388, 392.

¹⁸ Там же. Т.1. С.39; Т.2. С.92.

¹⁹ Флоренский П.А. Священное переименование. М., 2006. С.50.

нетное, журнальное». «Оно бесконечно бедно и просто, а потому легко разделяется на параграфы и главы»²⁰.

Средневековое мышление «впускает в себя жизнь», мышление же возрожденское оторвано от жизни. Соответственно, возрожденское миропонимание есть «миропонимание человека, отпавшего от природы». Современность не только отпала от природы, но насилует ее: «Наше время пытается окончательно завладеть природой, насиловать ее по своему усмотрению, хищничать в ней, вместо того чтобы прислушиваться к ней, хочет рационализировать ее по своим схемам и поработить. Это – признак кончины»²¹.

Средневековое, церковное миропонимание «рождается из культуры общечеловеческой». Оно символично, т.е. несет в себе реальность, жизненность. Возрожденское, научное мышление есть мышление отдельных единиц, кружков, отделившихся от общечеловеческих масс. Эти единицы и кружки претендуют быть «аристократией мысли» и хотят «захватить человечество и подчинить его». Вере народа противостоит вера в учение кружка. Однако это отщепление мысли кружковой от мысли общечеловеческой ведут к ирреальности мысли кружковой²².

Возрожденское миропонимание пребывает в нигилизме. Возрожденское миропонимание имеет «отрицательный характер». Отрицается тайна, Бог. Рационализм отрицает тайну, он «пытается сдернуть завесу с таинственного и все осветить электрическим светом». В мире нет ничего непознаваемого, а есть лишь непознанное. Смесь позитивизма, рационализма и сенсуализма усваивается большинством людей бессознательно из газет, из популярных книг, из школы, и это – «гораздо большее зло, чем прямое богоборство»²³.

Философия Возрождения антиперсоналистична, вечно: «Философия Ренессанса – философия вещи. *Res*²⁴. Теперь – *лицо*. Душа – *res cogitans*²⁵. В философии Ренессанса *нет* места понятию *лица*». В философии Декарта, Спинозы и «всего нового времени нет места для лица: все мыслилось под порядком вещности»²⁶.

²⁰ Флоренский П. Сочинения. Т.3 (2). С.454.

²¹ Там же. Т.3 (2). С.391, 451.

²² Там же. С.451, 455.

²³ Там же. С. 395, 456, 467, 472.

²⁴ Вещь (лат.)

²⁵ Мыслящая субстанция (лат.)

²⁶ Флоренский П. Сочинения. Т.3 (2). С.363, 404.

Возрожденский человек утратил «безусловное условие своего единства», «крепость ноуменального самосознания», и его душа рассыпалась «в сумму помыслов и приражений (искушений. – С.П.), т.е. состояний, навешиваемых случайными ветрами извне». Однако бесконечность стремлений человека есть напоминание ему об утраченном образе Божиим: «Виноватый пред Богом за *растление* в себе Его образа, за разрыв лика и сущности, смысла и мощи – разрыв во имя единства не по причастию, а само-сущностно, – человек имеет в себе, однако, *напоминание* о своей потере: это бесконечность стремлений»²⁷. Возрожденский человек – «человек перспективы», полный вечных порывов вдаль: «Так Возрождение, угасив в сознании Небо, иную, чем Земля, действительность, взамен беспредельно расширяет землю и гонит по лицу этой земли, заранее объявив, что нигде не будет найдено ничего нового сравнительно с окружающим. И потому заранее возвещается бесцельность и бесплодность этого непрекращающегося томительного странствия по беспредельным мирам, везде одинаково не удовлетворяющим»²⁸. Для возрожденской культуры характерны такие герои, как Прометей, Вечный Жид, Дон-Жуан, Фауст, Манфред и др., никогда не насыщающие своего духа. Здесь явное сходство с человеком «фаустовской» западноевропейской культуры у Шпенглера.

Если средневековое мировоззрение было мировоззрением качества, которое связано с формой и целым, то возрожденское мировоззрение – мировоззрение количества. Количество же – понятие аналитическое. В культуре Возрождения господствует «идея непрерывности в противоположность прерывности». Для всего возрожденского зона характерно отрицание формы, как реального начала, отрицание целого. Чтобы отрицать форму разлагают целое на элементы и утверждают, «что если мы постепенно будем прилагать одни элементы к другим, то в результате будет вырисовываться новая форма»²⁹. Однако сложение элементов есть лишь условие, при котором форма могла бы появиться, однако само по себе такое сложение не порождает формы. Декартово разделение материи и духа отрицает цельность человека.

Механицизм отрицает целое по отношению к пространству, эволюционизм – по отношению ко времени. Механицизм не оставляет места духу. Эволюционизм отрицает творчество, ибо целое не может быть создано постепенно, а лишь творческим актом, т.е. вдруг. Все возрож-

²⁷ Флоренский П. Собрание сочинений. Философия культа... С.57, 143.

²⁸ Флоренский П. Собрание сочинений. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С.171.

²⁹ Флоренский П. Сочинения. Т.3 (2). С.369, 397–398.

денское миропонимание ведет «к обездушению мира, механизации и детерминизму»³⁰.

В приемах символической средневековой иконописи Флоренский видел онтологическую основу, видел соборное дело Церкви: «В этих изобразительных приемах ясно мне видятся основоположения общечеловеческой метафизики и общечеловеческой гносеологии, естественный способ видеть и понимать мир». Возрожденское искусство оплотнило религиозный символ, превратившийся в кору, которая «перестала быть знаменем превышей сущности и закреплением религиозной стороны», а «стала рассматриваться как сама по себе истинная и прекрасная», автономная. Здесь «онтологическая умность вещей подменена в мировоззрении эпохи – феноменологической их чувственностью». Если в иконе явлена духовная сущность – лик, то в портрете XVIII в. – нечто периферическое. Художник Возрождения – неонтологичный, условный, феноменальный – законодательствует «в этом мире метафизических призрачностей»: «А характерное в этом мировоззрении сочетание чувственной яркости с онтологической непрочною бытия выражается в стремлении художества к *сочной зыблестности*. Техническим предчувствием этому стремлению были масляная краска и натянутое полотно». Гравюра соответствует рассудочному протестантизму³¹.

Средневековой эпохе соответствует «обратная перспектива», дающая «разноцентренное» изображение, изображение онтологическое, реальное. Возрожденской эпохе соответствует «прямая перспектива», дающая изображение из единственной точки зрения, изображение субъективное, нереальное, иллюзорное. «Прямая перспектива» возникает тогда, «когда стала заподозриваться безусловность теоцентризма, тогда и стали развиваться попытки на место Божественной действительности поставить подобие, театр». «Прямая перспектива» развилась из театральных декораций, пытавшихся дать иллюзию реальности: «Когда развивается иллюзионистическое искусство, когда требуется создать только видимость реальности, а не окно в нее, так является и средство обмана для неподвижного зрителя, – перспектива». Флоренский считал, что «прямая перспектива» есть «живописное выражение кантианского миропонимания»³².

Греческое искусство характеризуется равновесием горизонтали и вертикали, а глубина лишь намечается. Средневековое искусство дает

³⁰ Флоренский П. *Собрание сочинений. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии.* С.168; *Он же. Сочинения. Т.3 (2).* С. 401, 405, 436.

³¹ Флоренский П.А. *Иконостас.* С.100, 102, 122; *Он же. Сочинения. Т.3 (2).* С. 394, 479.

³² Флоренский П. *Сочинения. Т.3 (2).* С.484–485.

полное преобладание вертикали. В возрожденском искусстве господствует глубина: «Возрожденское искусство, сделав попытку вернуться к эллинской уравновешенности вертикали и горизонтали, не удерживается тут и делает постепенно господственной – глубину, которая разрастается в безмерность и дурную бесконечность, постепенно забывая все прочие координаты». Человек Нового времени вечное стремление к истине предпочитает самой истине: «Искание истины новый человек предпочитает истине и методологию – достигнутому знанию. <...> "Страдать", "стремиться", "иметь горячие чувства" новому человеку представляется оправданием жизни, независимо от наличия истины и лжи, как источников всех этих состояний». Человек Нового времени не приемлет «завершенное состояние личности» – «совершенство, святость, мудрость»³³. Симпатию вызывает лабиринт исканий и метаний человека; возглас «нашел!» вызывает скептическую усмешку.

Флоренский полагал Шекспира выразителем сути возрожденской культуры: «Шекспир выражает в эт[ом] отношении самую суть новой, возрожденской культуры – затерянность человека в мире, устранение человека, как начала новых рядов причинности. Человек не творец, человек, смотрящий на мир через замочную скважину, человек, которому нет места в им же придуманном мировоззрении. Этот человек не имеет корней иных, кроме стихийных, и потому он – игральное поле стихий во всем: в нравственности, в личной жизни, в семье, в государстве, в обществе, в экономике и даже в познании и искусстве (натурализм)»³⁴.

В Рембрандте Флоренский видел «ядовитое» «возрожденское самообожествление мира». Источника света в его картинах нет, а есть «флюоресценция гнилушек»: «Иконопись изображает вещи, как производимые светом, а не освещенные источником света, тогда как у Рембрандта никакого света, объективной причины вещей *нет* и вещи светом не производятся, а суть первосвет, самосвещение первичной тьмы, этой Бемовской *Abgrund*»³⁵. Это – пантеизм, другой полюс возрожденского атеизма». Аналогично и картины Рубенса – «пример этого самосвечения тяжелой и грузной плоти»³⁶.

Таким образом, если средневековое мировоззрение – естественное, жизненное, общечеловеческое, народное, религиозное, библейское,

³³ Флоренский П. *Собрание сочинений. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии.* С. 183–184, 191.

³⁴ Флоренский П. *Сочинения. Т.4. Письма с Дальнего Востока и Соловков.* М., 1998. С.379.

³⁵ *Бездна (нем.)*

³⁶ Флоренский П.А. *Иконостас.* С.139.

патристическое, церковное, платоновское, философское, диалектическое, качественное, аритмологическое, то возрожденское мировоззрение – искусственное, извращенное, безжизненное, кабинетное, безбожное, кантовского типа, рассудочное, количественное, аналитическое³⁷.

Такое сопоставление Средневековья и Возрождения порождает массу вопросов, по каждому из которых уже написано и может быть написано еще очень много. Однако столь высокая оценка Средневековья и столь парадоксально низкая оценка Флоренским возрожденской культуры являются уникальным явлением русской культуры. Эти оценки способны побудить исследователей к новым поискам существа рассматриваемых культур. Автор статьи не ставил себе целью дать ответ на вопрос о том, в чем прав, а в чем не прав Флоренский в своих столь контрастных суждениях. Уже сам объем статьи не позволяет этого сделать.

Ритмы истории в Европе и в России

В Европе культуру Средневекового типа сменила культура возрожденского типа. Культуру XVII в. Флоренский считал культурой переломного типа: «Это культура перелома, кризиса, противоречий, мучительных *внутренних* столкновений веры и неверия, острого скепсиса и горячего стремления к Истине, рационализма и скептицизма». В XVIII веке «все это уже улеглось, из внутреннего стало внешним, из души перешло в партии, отупело, стало самодовольным, без внутренней жизни, партийным». XVIII в., «Век Просвещения», есть век интеллигентского просвещения, превозносившего искусственное: «Искусственная природа в виде подстриженных садов, искусственный язык, искусственные нравы, искусственная, – революционная, – государственность, искусственная религия»³⁸. В XVIII и XIX веках возрожденская культура возобладала. Однако в конце XIX – начале XX века появляются ростки «нового Средневековья», начинается поворот к культуре средневекового типа. Флоренский отметил сходство культур XVII и XX веков, сходство «внутренних борений».

³⁷ Флоренский П.А. *Содержание лекций по истории философии, читаемых на I курсе МДА в 1916–17, 1917–18, 1918–19 учебных годах в записи студентов // Архив священника Павла Флоренского.*

³⁸ Флоренский П.А. *Из лекций о Канте // Философские науки. 2007. №1. С.25; Он же. Столп и утверждение Истины. С.295–296.*

Русское Средневековье Флоренский делил на периоды Киевской Руси и Московии. Св. равноапостольному Кириллу Философу явилась София – Премудрость Божия. Она и стала женственным началом всего Киевского периода, воплощенным в Киево-Печерской Лавре. На смену Киевскому периоду пришел период Московский, мужественным началом которого стала Троица, воплощенная в Троице-Сергиевой Лавре. Преподобный Сергей Радонежский – «начало и Данте русского Средневековья»; он был не теоретический мыслитель, а совместил в себе «все стороны культуры, всю полноту русской жизни». Его слово «Троица» было «призывом к единству русской земли во Имя Троицы». Далее следует расцвет русского Средневековья: «В XIV–XV веках и жизнь культурная, и жизнь церковная исходили из *одного* центра – из миропредставления мистического, из той глубины, где культура и Церковь зрятся в своем исходном единстве и не противопологаются друг другу»³⁹.

Московское Царство является уже возрожденским. А со второй половины XVI в. «реет Смутное время, как духовная болезнь русского общества»⁴⁰. В XVII веке начинается борьба Церкви и культуры, «...начинается отщепление их от мистического корня и потому – отщепление друг от друга, а отщепившись – вступают в борьбу, и каждая сторона старается уничтожить другую, вобрав ее в себя и растворив в себе, сперва Церковь культуру (XVI–XVII вв.), потом культура Церковь (XVII–XVIII вв.), в результате чего и то и другое, окончательно выветривая свое *духовное*, мистическое питание и содержание, и все же сохраняя свое самоопределение и самоупор». В XVII веке после Смутного времени началась реставрация, которая была некоторым выздоровлением русского общества. Хотя и здесь происходило «закисание Руси дрожжами Нового времени». Петровские реформы были «новым духовным сдвигом долу»⁴¹. В XVIII веке церковность стала моментом культуры возрожденского типа. Церковное было нужно как начало всех дел; «и мы ничего не поняли бы в XVIII в., если бы думали, что он весь вольтеринанский; да и самое вольтеринанство было борьбою не с Церковью, а [с] трансцендентностью, с самостоятельностью Церкви». Реформы Петра I уничтожили единство русского народа⁴², вестернизировав элиту и оставив народ в исконном его состоянии.

³⁹ Флоренский П. *Собрание сочинений. Философия культа... С.494; Он же. Сочинения. Т.3 (2). С.456–457.*

⁴⁰ Флоренский П.А. *Иконостас. С.113.*

⁴¹ Там же. С.114; Он же. *Собрание сочинений. Философия культа... С.494.*

⁴² Флоренский П. *Собрание сочинений. Философия культа... С.494; Он же. Сочинения. Т.2.*

Создание Священного Союза с его «чувственным и нездоровым мистицизмом» было новой реставрацией, которая деградировала в казенщину. В XIX веке «Церковь и культура стали соперничающими взаимоотражающими сторонами жизни, из которых каждая признает себя реальностью, а другое – своим реальным мнимым отражением». В XIX веке признают, что «Церковь есть только внешнее явление, и потому для внешнего, следовательно, пренебрегаемое и втайне презираемое, и потому требуется что-то *другое*, не Церковь»⁴³. Религиозную потребность пытается удовлетворить внецерковная «мистика» разного рода.

От кризиса возрожденской культуры к «новому Средневековью»

Воспитанный как человек Нового времени, Флоренский, однако, еще в гимназии болезненно ощущал в себе борьбу бесчеловечной научной мысли и безмысленного духа человечности. Он полагал, что эта борьба есть болезнь всего Возрождения, всей мысли Нового времени. Во Флоренском возрожденство было «доведено до последнего напряжения» при выработке научного мирозерцания. Флоренский писал о себе: «... отбивался от воскресающих духов средневековья, как от смерти, хотя духи эти были самым заветным и нежным моим внутренним словом». Окончилась эта борьба «обвалом» научного мировоззрения. В итоге он «ощутил себя пределом и концом нового времени; последним (конечно, не хронологически) человеком нового времени и потому первым – наступающего средневековья»⁴⁴. Житель двух миров, Флоренский видел и разложение возрожденской культуры, и ростки «нового Средневековья».

Флоренский полагал, что кризис возрожденской культуры начался в конце XIX в.: «Наши современные события – одно из явлений, один из кризисов разрушения до конца возрожденской культуры». Флоренский полагал, что мы находимся «на пороге нового бытия». Наступающую новую эпоху он называл «новым Средневековьем». Происходит движение от дневного возрожденского сознания к ночному средневековому, а рубеж XIX–XX вв. есть сумерки: «Сейчас у нас наступают сумерки, уже произошло смещение сознания, которое мы не замечаем только потому,

С.629.

⁴³ Флоренский П.А. Иконостас. С.114; Он же. Собрание сочинений. Философия культа... С.494–495.

⁴⁴ Флоренский П. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. М., 1992. С.218, 220.

что оно совершилось медленно и постепенно». Флоренский считал, что наше время «вечернее»: «Так в наше время – "вечернее" – заметно, с одной стороны, обострение мистической чувствительности, а с другой – снисхождение к нам Божества, миров иных. Сейчас чудо неизмеримо ближе, как и вообще мистические явления, как благодатные, так и темные, как близость уоспших, так и обратно темных сил»⁴⁵.

Флоренский выявил ряд примет наступившего перелома:

– Еще недавно понятия «мистика» и «Церковь» считались уделом людей либо недалеких, либо ненормальных: «Колоссальный сдвиг общественного сознания начался с начала XX-го века. Раньше, напр[имер], понятие "мистика" считалось психопатством и отождествлялось с ним даже среди кругов философских. <...> А сказать: Церковь, Православие – значило совсем дискредитировать себя». Для переходного же времени характерно «обратное возвращение» в христианство. «Люди, ушедшие от Церкви очень далеко, к ней приблизились»⁴⁶.

– Возникло чувство, что «духовный мир близок нам», и обострилась мистическая чувствительность разного рода⁴⁷.

– «Возрождение средневековых споров об энергии и сущности Божества на Востоке». Пробудился интерес к догматическим вопросам, о чем свидетельствует Афонский спор⁴⁸.

– Реставрация томизма на Западе (в 1879 году неотоцизм получил официальное признание Ватикана).

– Сомнения в гуманизме⁴⁹.

– Современное фарисейство, формальная мораль заменены «живым нравственным сознанием», «христианской свободой» у о. Феодора (Бухарева), которые по Флоренскому суть «конец русского Возрождения и начало нового средневековья»⁵⁰.

– Мораль заменяется аскетикой и мистикой⁵¹.

– Усиливаются апокалиптические настроения: «Всякое разрушение культуры есть эсхатология, смерть зона, конец века; отсюда то тревожное чувство, что, может быть, это тот конец, когда все века и весь мир кончается». Удивительно современно выглядит у Флоренского картина

⁴⁵ Флоренский П. Сочинения. Т.3 (2). С. 364, 388, 392–393, 426.

⁴⁶ Там же. С.392, 416, 439.

⁴⁷ Там же. С.378.

⁴⁸ Там же. Т.2. С.92; Т.3 (2). С.367.

⁴⁹ Там же. Т.2. С.92.

⁵⁰ Там же. Т.3 (2). С.367, 456–457.

⁵¹ Там же. С.367.

конца мира: «Истощение питающих недр Земли – разрыв с Матерью Землею. Язва. Стихии вырываются. Губительство от *miasma*, от заражения воздуха, далее вырывается земля (трус), вода (потоп и огонь). – "Время вышло из своих пазов" (Гамлет). Разлагаются, распадаются, восстают против человека и культуры истор[ические] силы. Конец есть взрыв *природы и культуры*». Появляются «историч[еские] схемы *Апокалипсиса*»⁵².

– Наступает время выбора и суда: «Наступает время *суда*, время выбора – Христа или Антихриста». Современная мысль приходит к «утверждению высших духовных ценностей», но это не значит, что эти ценности будут христианскими: «Это не значит, что они будут церковны, а скорее враждебны, и эта вражда будет вытекать не из непонимания, а будет следствием более глубокого и сознательного противления Христу. По этому признаку можно опять назвать наше время эсхатологическим. На Страшном Суде нельзя будет отговариваться неведением, со ссылками на науку, так как это все-таки дает тень оправдания. А я мыслю такое состояние эсхатологии, когда человек будет абсолютно свободным, чтобы сказать "да" Христу или антихристу. Время, благоприятное для этого состояния, приближается»⁵³.

– Аналогично Возрождению «новое Средневековье» является переходной эпохой, и для нее характерно возрождение тайных наук.

– Аналитические (непрерывные) мирозерцания сменяются аритмологическими (разрывными).

– Не строя из Бога, мыслители Возрождения и Нового времени пытаются построить мир из ничего: «Вся наука хочет показать, как из ничто получается что-то, а из что-то – вся полнота бытия. Намеки этого мировоззрения встречаются еще у Лейбница и в немецком идеализме. Отсюда оно перешло в естествознание, а потом эволюционизм завладел всеми объектами нашего познания. Идея эволюционизма связана с идеей бесконечно малого и есть попытка показать, как все вытекает из ничего. Надо утверждать, что это прибавление совершается столь ничтожными скачками, что их можно считать за ничто, подобно дифференциалу». Но из ничто, фантазируя, можно построить лишь воздушные замки, однако эти фантазии опасны, ибо могут душить жизнь: «Беме ли, или Гуссерль, по-видимому столь далекие по духовному складу, да и вообще протестантские философы все строят воздушные замки из ничего, чтобы затем закалить их в сталь и наложить оковами на всю живую плоть мира». Для возрожденско-

⁵² Там же. С. 367, 375, 389.

⁵³ Там же. С.380, 416.

го сознания «первое есть почти пустота», для современности метафизически первое есть форма, целое. Флоренский надеялся, что «наука ближайшего будущего вся будет исходить из идеи творчества и Сверхприродной Силы, все пронизывающей и все делающей живым». Современная наука самым первым должна признать «Космический Логос»⁵⁴.

– Флоренский полагал, что научное мирозерцание есть «душа западной культуры, сердце Европы». Это научное мирозерцание было основано на классической механике, превращенной в «научный символ веры»⁵⁵. Кризис физики рубежа XIX–XX вв. разрушил монополию механицизма и тем самым разрушил основу научного миропонимания. Наука оказалась не объяснением, а лишь символическим описанием мира. Претензии науки стать философией не оправдались.

– На смену научному мирозерцанию («его основные признаки: вещность, аналитичность, отвлеченность, с вытекающими отсюда последствиями. Его противо-Божеская направленность») идет «миропонимание общечеловеческое: народное, символическое, конкретно-идеалистическое, церковное». В 1921 году Флоренский говорил о своем двойственном отношении к судьбе Церкви в России, в котором сочетались пессимизм и оптимизм. Пессимизм обусловлен тем, что русская интеллигенция (хоть и не до конца) вытравила в русском народе религиозное миропонимание. И «еще долгое время будут всасываться в народ привитые ему яды». Оптимизм был связан с верой Флоренского в Церковь и в русский народ: «А по существу я верую, что Русская Церковь устоит в каком-то меньшинстве, выйдет на правильную дорогу, но большими страданиями, потрясениями». Флоренский верил, что русскому народу «предстоят великие религиозные задачи, построение религиозной культуры»⁵⁶.

– Жажда религиозной цельности жизни приведет к «величайшему синтезу всех сторон знания», ростки которого пробиваются в современности⁵⁷.

– Протестантизм понимал религию как интимное дело личной жизни, даже в общественной жизни ей не было места. Современный человек «осознал в себе возможность встать выше мира, ходить над ним, воздействовать на стихии мира», человек осознал себя «творцом в космосе»⁵⁸.

⁵⁴ Флоренский П.А. *Иконостас*. С.107; *Он же. Сочинения*. Т.3 (2). С.399–404, 444.

⁵⁵ Флоренский П. *Детям моим*. С.196–197.

⁵⁶ Флоренский П. *Сочинения*. Т.3 (2). С.360, 461–462.

⁵⁷ Там же. С.439.

⁵⁸ Там же. С.435.

– Флоренский говорил о наступлении «неоматематического периода»⁵⁹, под которым он имел в виду период развития математики, начавшийся в конце XIX в., когда на смену математики непрерывного (аналитика) пришла математика разрывного (аритмология). Это связано с тем, что на основе теории множеств Георга Кантора была переработана большая часть математики.

– В математике происходит кризис инфинитезимальизма, который строил уравнения движения из дифференциалов, т.е. из ничего (так понимал дифференциал Флоренский). Дифференциальные уравнения – универсальное орудие XVIII–XIX вв., способные описывать фатальность, неподвижность, раздробительность, однозначность, конечность, непрерывность. На смену инфинитезимальизму приходят математические дисциплины, которые способны описывать свободу, целостность, многозначность, прерывность. Флоренский указал здесь теорию вероятности и статистику, которые способны описывать свободное течение событий. Указаны также теории интегральных уравнений Фредгольма и Вольтерра, способные описывать целое⁶⁰.

– На смену представлениям Возрождения и Нового времени о бесконечности пространства и времени приходят представления о «конечности вселенной во времени и в пространстве». Флоренский считал, что теория относительности Эйнштейна показала теоретическую возможность существования конечной вселенной, что соответствует представлениям Аристотеля, Птолемея и Данте⁶¹.

– Флоренский отметил, что в конце XIX в. возник персонализм – возрожденское тяготение к «вещи» стало преодолеваться «личностью»⁶².

– Идея творчества становится превалирующей. Личность стала пониматься как «живое творческое начало»⁶³.

– Форму стали понимать как «метафизически первое». «Форма не построится из элементов, а сама их организует»⁶⁴.

– Теория эволюции пытается вывести нечто из ничего, исправление эволюционизма идет путем «признания изначального НЕЧТО». Это «изначальное НЕЧТО» указывают в биологии (витализм, *vis vitalis* –

⁵⁹ Там же. С.367.

⁶⁰ Там же. С.365–366.

⁶¹ Флоренский П. Мнимости в геометрии. М., 1922; Он же. Сочинения. Т.3 (2). С.366.

⁶² Флоренский П. Сочинения. Т.3 (2). С.404.

⁶³ Там же. С.363.

⁶⁴ Там же. С.363, 444.

средневековое понятие), в культуре и т.д. Эволюции Флоренский противопоставлял мутацию (внезапное изменение видов в природе); ее «сначала понимали как самотворчество; теперь же ближе к религиозному пониманию». Именно менделизм научно доказал, что «в природе нет самотворчества»⁶⁵.

– Философия дает «имманентный отпор позитивизму»: «Провозглашены приматы веры, интуиции, ноуменальной воли над *ratio*»⁶⁶.

– В неокантианстве у Германа Когена Флоренский нашел категорию «ориентирование», которую понимал как начало веры: «Коген – венец европейской философии и вместе с тем переход к дальнейшему. До него можно было верить в изначальность разума, а Коген открывает, что разум существует постольку, поскольку он ориентируется, поскольку опирается на что-то другое, определяется неразумным актом, актом веры во что-то другое»⁶⁷. Сам Коген сознательно ориентировался на евклидово-ньютоново естествознание.

– Интуитивизм Анри Бергсона как преодоление рассудочности философии Нового времени.

– Волюнтаризм Уильяма Джемса как преодоление рассудочности.

– Русская философия конца XIX – начала XX века отходит от позитивизма и рационализма и развивает начала христианской философии. Флоренский назвал имена Н.О.Лосского, Л.М.Лопатина, В.С.Соловьева, С.Н.Трубецкого, В.Ф.Эрна, С.Н.Булгакова.

– Выявлены: «Иррациональные корни филос[офии] и науки – из религии, из культа»⁶⁸.

– На смену пассивности натуралистического мировоззрения приходит актуализм (Шеллинг, Гете, Ницше), который хотел переделать мир духовными средствами⁶⁹.

– Л.Н.Толстой и Эдуард Карпентер начали говорить о кризисе науки. Под их влиянием в юности у Флоренского произошел «обвал» его «научного мировоззрения».

– Ощущение, что в мире нет порядка и что следует его переделать (Н.Ф.Федоров, Ницше, Скрябин, большевизм и т.д.)⁷⁰.

⁶⁵ Флоренский П. Сочинения. Т.3 (2). С.382, 401.

⁶⁶ Там же. С.391.

⁶⁷ Там же. С.452.

⁶⁸ Там же. С.364.

⁶⁹ Там же. С.380, 434.

⁷⁰ Там же. С.434.

– На смену идеализации невинного «естественного состояния» человека у Руссо приходит осознание укорененности зла и греха в природе человека, откуда возникает стремление к «духовн[ому] *окультуриванию себя*» (аскетика разного рода, йога, евгеника). «Везде тут *отказ* от возрожденской идеи о благополучности нашего существования. Везде сердце начинает бить вещую тревогу»⁷¹.

– Борьба с естественной смертью (Н.Ф.Федоров, И.И.Мечников, Жак Леб, попытки омолаживания человека)⁷².

– Марксизм реабилитировал бытие перед разумом: «Источник – не *ratio* – а бытие, определяющее сознание». Исторический материализм противостоит идеологизму. Экономический материализм отринул надежды возрожденского человека устроить историю по рациональным схемам: «Религиозный человек может приветствовать экономический материализм, так как он сломил гордыню возрожденского человека, преодолел его и даже уничтожил его, как притязającego устраивать историю, и открыл, что хотя этот воздушный замок и разрушается, однако зато вместо него дается нечто более прочное – некоторое бытие». Флоренский оценил критику марксизмом «буржуазного мышления», т.е. мышления Нового времени: «Марксизм в известном смысле правильно говорит о буржуазном мышлении, что научное миропонимание связано с известным классом и хочет заставить все человечество думать так же. И человечество подчиняется ему вследствие своей рыхлости и податливости». Флоренский отметил, что «экономический материализм – дело прошлого»⁷³.

– Социализм стал пониматься не как организация общества, а как лжецерковь, требующая веры в нее: «Социализм – как лжецерковь, как церковь наоборот, но все же церковь, а не сплошная [?] организация»⁷⁴.

– Большевизм Флоренский полагал «завершением буржуазной культуры». Большевизм есть «попытка преодолеть индивидуалистическую обособленность возрожденского человека»⁷⁵.

– Вместо «механического и рационалистического построения общества – выдвигается идея органичности»⁷⁶.

⁷¹ Там же. С.365, 380.

⁷² Там же. С.365.

⁷³ Флоренский П. *Собрание сочинений. Философия культа...* С.77; Он же. *Сочинения. Т.3 (2).* С.436–437, 364, 449.

⁷⁴ Флоренский П. *Сочинения. Т.3 (2).* С.365.

⁷⁵ Там же. С.367, 381.

⁷⁶ Там же. С.367.

– Вместо идеи «естественного права», идеи *contrat social*⁷⁷ в юриспруденцию проникает «категория силы». Французская революция провозгласила «права человека и природы», которые Флоренский понимал как провозглашение автономии по отношению к Богу⁷⁸.

– «Искусство хочет выйти за грань себя, стать синтезом, сверхискусством», теургией. Эта задача частично люциферическая (А.Н.Скрябин), но по своему строению это задача новой культуры⁷⁹.

Не все приметы «Нового средневековья» Флоренского приуготовляют второе пришествие теоцентрической культуры. Многие приметы свидетельствуют о крушении «научного мирозерцания» и гуманистических идеалов антропоцентризма, что является условием движения к теоцентризму. Интересно было бы проследить, что из примеченного Флоренским получило дальнейшее развитие, а что не получило. Однако такое исследование вышло бы за рамки статьи любого размера.

**«Новое средневековье»
свящ. Павла Флоренского
и Николая Бердяева**

Интересно сопоставить эти взгляды Флоренского с широко известным пониманием «Нового средневековья» Н.А.Бердяевым. В 1924 году в Берлине вышла книга Н.А.Бердяева «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы», имеющая поразительное сходство с этими мыслями Флоренского. Отметим некоторые черты этого удивительного сходства:

– Как и Флоренский, Бердяев говорит о ритмически сменяющихся типах культур, «об эпохах ночных и дневных, сакральных и секулярных»⁸⁰.

– Аналогично Флоренскому Бердяев понимает Средневековье как ночную эпоху, но не как эпоху тьмы: «Душа средневековья – ночная душа, когда раскрывались стихии и энергии, которые закрылись потом для сознания трудового дня новой истории». Ночь божественна, открывена, она метафизичнее, онтологичнее дня⁸¹.

– Если Флоренский полагал гуманизм Ренессанса, по существу, богоборческим, то Бердяев в книге «Смысл истории» (Берлин, 1923) различал в Ренессансе «христианский гуманизм раннего периода» и «гума-

⁷⁷ *Общественный договор (франц.)*.

⁷⁸ *Там же*. С.367, 465.

⁷⁹ *Там же*. С.368.

⁸⁰ *Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002. С.222.*

⁸¹ *Там же*. С.224, 244.

низм антихристианский». Однако пафос критики антихристианского гуманизма Ренессанса и у Флоренского, и у Бердяева был схож. Оба они полагали, что самоутверждение человека вне Бога, автономия человека от Бога ведут к уничтожению человека: «То начало, которое было заложено в христианском духе, возносившее человека, согласно которому он есть образ и подобие Божье, дитя Божье, существо, усыновленное Богом, гуманизм низверг. Христианское сознание о человеке начало слабеть. Таким образом, раскрывается внутри гуманизма самоистребляющая диалектика». Человекобог, т.е. человек, поставивший себя на место Бога, стал противопоставлять себя Богочеловеку. Новая история унаследовала эту «ересь гуманизма»⁸².

– Как и Флоренский, Бердяев полагал, что их современность является эпохой смены культур: «старый мир новой истории» сменяется эпохой «нового средневековья». На смену «безрелигиозной эпохе нового времени» идет религиозная эпоха «нового средневековья», духовным центром которой будет Церковь⁸³.

– Как и Флоренский, Бердяев полагал, что гуманизм Ренессанса и новой истории изжил себя, поэтому «гуманистическая идеология в наши дни и есть "отсталая" и "реакционная" идеология».

– Как и Флоренский, Бердяев полагал, что «гуманистическое царство», которое хотело оставаться нейтральным по отношению к дьяволу и Богу, распалось на «антигуманистический и атеистический коммунизм и на долженствующую собрать в себе всякое подлинное бытие Церковь Христову». Настал час выбора между Христом и Антихристом, от которого уже нельзя уклониться, «безрелигиозности, религиозной нейтральности не существует»⁸⁴.

– Бердяев мог свободно писать, что «революция не восход, не зря, не начало нового дня, а закат, сумерки, конец старого дня». Коммунистическую революцию он считал «реакционной», она есть «лишь гниение разложившихся элементов старого мира»; мир же переживает великую революцию – «революцию духа». Подобных мыслей Флоренский не мог высказать в своих лекциях студентам Московской Духовной Академии в 1921 году, однако был близок к ним, когда говорил о большевизме как о «завершении буржуазной культуры»⁸⁵.

⁸² Там же. С.127, 228–229.

⁸³ Там же. С.222, 230, 246.

⁸⁴ Там же. С.229, 244.

⁸⁵ Там же. С.224, 229; Флоренский П. Сочинения. Т.3 (2). С.367.

– Флоренский полагал, что в эпоху «нового средневековья» *ratio* вытесняется верой, волей, интуицией; и Бердяев полагал, что «новое средневековье» характеризуется переходом «от рационализма новой истории к иррационализму или сверхрационализму средневекового типа»⁸⁶. Борьба Флоренского против «научного мирозерцания» и позитивизма сродни борьбе Бердяева против рационализма.

– Большевики импонировали Флоренскому своим коллективизмом, своей попыткой преодоления индивидуализма Нового времени. Бердяев же предрекал наступление «коллективистической эпохи»: «Человек выходит к общности». Индивидуалистический атомизм новой истории «преодолевается или ложно – коммунизмом, или истинно – церковью, соборностью». «Коммунистический коллективизм» – явление «нового средневековья». В «новом средневековье» будут преобладать не сословия и классы, а «профессиональные группы духовного и материального труда», кооперации, цеха, общественные союзы. «Новое средневековье будет «в высшей степени народно, но совсем не демократично». Бердяев итальянский фашизм, наряду с коммунизмом, считал «единственным творческим явлением в политической жизни современной Европы», близким к «новому средневековью». Идеи монархические, идеи «аристократического гуманизма» суть идеи индивидуалистические. Им противостоит либо «духовная аристократия», либо «сильные люди». Бердяев предрекал появление «особого рода монашества в миру, особого типа монашеского ордена». Стремление к единству общества может вылиться в форму монархии: «Народные массы сами могут пожелать монарха, узнают своего вождя и героя». Возможна и «советская монархия», где власть будет диктаторской»⁸⁷.

– Флоренский полагал социализм не организацией общества, а лже-церковью; аналогично и Бердяев считал: на смену старой теократии придет «новая сатанократия»; «новое средневековье» скорее «родит антихриста, чем гуманистическую демократию и нейтральную гуманистическую культуру»⁸⁸.

– Флоренский полагал, что «экономический материализм» уходит в прошлое. Бердяев считал экономизм современной индустриально-капиталистической системы самоистребляющим себя в милитаризме. Экономизм отрывает ритм человеческой жизни от ритма природы, нарушает «истинное иерархическое соподчинение материального духов-

⁸⁶ Бердяев Н.А. Указ. соч. С.226.

⁸⁷ Там же. С.233, 235, 242, 248–252.

⁸⁸ Там же. С.231.

ному», «направляет жизнь человеческую к фикциям, которые производят впечатление наиреальнейших реальностей». Бердяев вопрошал: «Много ли есть онтологически реального в биржах, банках, в бумажных деньгах, в чудовищных фабриках, производящих ненужные предметы или орудия истребления жизни, во внешней роскоши, в речах парламентариев и адвокатов, в газетных статьях, много ли есть реального в росте ненасытных потребностей?» Социализм есть дальнейшее развитие экономизма, ибо борется лишь за перераспределение собственности, угашает духовное начало в человеке, атеистичен. Бердяев предрекал в «новом средневековье» путь «ограничения похоти жизни», путь ограничения потребностей, путь «новой аскетики»⁸⁹.

– И Флоренский, и Бердяев отметили возрастание в личности живого свободного творческого начала. Для Бердяева «опыт свободы» новой истории войдет в «новое средневековье» и будет там развит⁹⁰.

– Флоренский отмечал, что в переживаемую переходную эпоху обострилась мистическая чувствительность, возросли апокалипсические настроения, возродились тайные науки; и Бердяев писал о распространении оккультизма, магии, теософических учений. Сами наука и техника возвращаются к своим магическим истокам⁹¹ – это и у Флоренского, и у Бердяева.

– Оба они отметили стремление искусства к теургии⁹².

Бердяев призывал в предчувствии ночи «духовно вооружаться для борьбы со злом»⁹³, точнее с теми новыми видами зла, которые возрастут в «новое средневековье». К этому выводу мог бы присоединиться и Флоренский.

И сам термин «новое средневековье», и сходство в его понимании подталкивают к выделению следующих возможностей:

- 1) влияние Бердяева на Флоренского;
- 2) влияние Флоренского на Бердяева;
- 3) для каждого из них их идеи возникли спонтанно;
- 4) существовал общий персональный источник;
- 5) условием появления их идей была общая им обоим атмосфера поиска причин кризиса европейской культуры.

Вот хроника событий, связанная с идеей «нового средневековья»:

⁸⁹ Там же. С.236-238.

⁹⁰ Там же. С.228.

⁹¹ Там же. С.254.

⁹² Там же. С.244.

⁹³ Там же. С.255.

8 мая – 6 июня 1918 г. – Флоренский в Москве читает публичный курс лекций «Очерки философии культа» – неизвестно, говорил ли здесь Флоренский о «новом средневековье».

1919–1922 гг. – В Вольной академии духовной культуры в Москве Бердяев читал курсы лекций «Философия истории», «Философия религии», на основе которых была написана книга «Смысл истории» (Берлин. 1923). Здесь Бердяев писал: «Мы вступаем в ночь нового Средневековья»⁹⁴.

9 марта 1921 г. – Лекция Флоренского об имяславии в Вольной Академии Духовной Культуры, которой руководил Бердяев.

25 августа 1921 г. – Термин «новое Средневековье» появился в [Предварительных планах и заметках к лекциям], названных Флоренским «Знамения эпохи»⁹⁵.

28 октября (10 ноября) 1921 г. – Термин «новое Средневековье» употреблен в лекции, прочитанной Флоренским в Московской Духовной Академии.

Начало 1922 г. – в Москве вышла книга «Освальд Шпенглер и закат Европы» со статьей Бердяева «Предсмертные мысли Фауста», где он писал о ночи «нового Средневековья», грядущей в Европу⁹⁶.

1923 г. – выход в Берлине книги «Смысл истории».

1924 г. – выход в Берлине книги «Новое средневековье».

На основе приведенной хроники однозначно ответить на вопросы 1–4 нельзя. Здесь возможны дополнительные исследования, к которым и призывает хроника. Несомненно влияние на обоих мыслителей общей атмосферы поиска оснований кризиса европейской культуры. Идея Флоренского была погребена на долгие годы в его архиве, книга же Бердяева «Новое средневековье» после публикации была переведена на многие языки и широко обсуждалась.

Здесь возникает ряд вопросов: «Является ли окончательной победа культуры возрожденского типа, соответственно, культуры Нового времени – наследницы возрожденской культуры?», «Пришла ли или еще грядет культура средневековья, или Нового средневековья?», «Не прошла ли уже и эпоха Нового средневековья и не наступила ли снова эпоха Нового Возрождения?»

⁹⁴ Там же. С.173.

⁹⁵ Опубликовано: Флоренский П. Сочинения. Т.3(2). С.364.

⁹⁶ Бердяев Н.А. Указ. соч. С.379.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Гринеvский Олег Алексеевич

доктор исторических наук,
чрезвычайный и полномочный посол в отставке,
руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН,
профессор РГГУ и МГИМО

Мяло Ксения Григорьевна

кандидат исторических наук, политолог, публицист

Розенталь Исаак Соломонович

доктор исторических наук, профессор,
главный специалист Российского государственного архива
социально-политической истории

Мороз Андрей Борисович

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий лабораторией фольклористики РГГУ

Половинкин Сергей Михайлович

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории отечественной философии
философского факультета РГГУ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center»,
Editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Grinevsky Oleg Alekseevich

D. Sci., historian,
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary,
Director of the Center «Europe–USA», Institute of Europe, RAS,
Professor of Russian State University for the Humanities
and Moscow State Institute of International Relations (University)

Mialo Ksenia Grigor'evna

Ph.D., historian, specialist in political sciences, publicist

Rosental Isaak Solomonovich

D. Sci., historian, Professor,
Head specialist of Russian Record Office of Social-Political History

Moroz Andrey Borisovich

Ph.D., philologist, Assistant Professor, Head of chair of the laboratory
for folkloristic studies of Russian State Humanitarian University

Polovinkin Sergey Mikhailovich

Ph.D., philosopher, Assistant Professor of the chair
of russian philosophy history of Russian State Humanitarian University

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2009 г.

Теория и практика политических игр

Кургинян С.Е. Теория развития (тупики бытийные и метафизические). №1

Кургинян С.Е. Синдром бессубъектности (о грозящей катастрофе). №2

Кургинян С.Е. Ревнителю белой правды: о политических издержках покаяния. №3

Кургинян С.Е. Имена и реальность: обратная связь. №4

Кургинян С.Е. Не перейти грань: Россия и стратегия ее безопасности. №5

Кургинян С.Е. Судьба развития в современной России. №6

Геоглобалистика

Гриневский О.А. На краю пропасти. №2

Гриневский О.А. Забытый саммит. №4

Гриневский О.А. Последние судороги политики СССР. №6

Мальков В.Л. Америка: повторение пройденного? №3

Грани катастрофы

Четверикова О. Н. Лаборатории управления будущего: оккультные секты как партнеры ТНК. №4

Ярлыки и мифы

Белова О.В. Фигура служителя культа в народных представлениях. №3

Мороз А.Б. «Шел мимо старичок...»: почитание святых в народной культуре. №6

Шеррер Ю. «Серебряный век» в двойной перспективе памяти. На примере учебников культурологии и цивилизации. №1

Россия в мире

Мяло К.Г. Русская православная церковь и советское наследие. №6

Европейские параллели

Марьина В.В. 1939 год: советская внешняя политика в восприятии современников (на чехо-словацком примере). №4, 5

Мироненко-Маренкова И.К. Об опасности европейских путешествий и изучения французского языка...

(дискуссии о православной и католической вере в России в середине XIX века). №2

Пути духовных исканий

Майзульс М.Р. «Демоном сокрушениче»: архангел Михаил как экзорцист в культуре средневековой Руси. №5

Мильков В.В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята. №2

Мильков В.В. Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский. №4,5

Половинкин С.М. «Новое средневековье» священника Павла Флоренского. №6

Страницы истории

Готоццева А.Г. Российско-американская компания в планах декабристов. К биографии К.Ф.Рылеева. №2

Каджая В.Г. Собибор. №1

Латин В.В. Россия и Европа: погоня на поле технологий. №4

Латин В.В. История России в рамках военных технологий XVII–XXI вв. №5

Латицкий М.И. Банальность зла, или зло глупости. №1

Ненароков А.П. «Не все золото, что блестит»: о некоторых аспектах современного изучения послеоктябрьского меньшевизма. №5

Павлов Д.Б. Япония эпохи Мэйдзи в восприятии западного сообщества: технологии западноориентированного имиджмейкинга. №3

Розенталь И.С. Николай II и Государственная дума – новое слово? №6

Юрганов А.Л. Сталин и Эйзенштейн (дискуссия о фильме «Иван Грозный»). №3

Актуальный архив

Киянская О.И. Декабристы и народ: к постановке проблемы. №1

Максимычев И.Ф. Время разбрасывать камни. Падение берлинской стены 9–10 ноября 1989 года (из записок советника-посланника посольства СССР в ГДР). №3

Редакционная почта

Латицкий М.И. Заметки о Герберте Уэллсе: мечтателе-глобалисте и зорком реалисте. №5

Смирнов И.В. Новая книга в контексте старых споров между «физиками» и «лириками». №1

Трофимова Е.И. «Женский вопрос» в прозе и публицистике Александры Коллонтай. №1

The List of All Published Materials in 2009

Theory and Practice of the Political Games

Kurginyan Sergey. Theory of Development (Existential and Metaphysical Blind-alleys). №1

Kurginyan Sergey. The Lack of an Entity's Properties Syndrome (On the Imminent Catastrophe). №2

Kurginyan Sergey. Zealots of the White Truth: on Political Price for Repentance. №3

Kurginyan Sergey. Names and Reality: a Feedback. №4

Kurginyan Sergey. Not Transgress the Edge: Russia and Strategy of Russia's Security. №5

Kurginyan Sergey. Destiny of Development in the Present-day Russia. №6

Geopolitics and International Policy Issues

Grinevsky Oleg. On the Brink. №2

Grinevsky Oleg. The Forgotten Summit. №4

Grinevsky Oleg. The Last Convulsions of the USSR Policy. №6

Mal'kov Victor. America: Reiteration of the Past. №3

The Faces of Catastrophe

Chetverikova Ol'ga. Laboratories for Control of the Future: Occult Sects as Partners of Multinational Corporations. №4

Labels and Myths

Belova Ol'ga. Figure of a Minister in the Popular Perceptions. №3

Moroz Andrey. 'An Old Man Passed by...': Veneration of Saints in the Popular Culture. №6

Scherrer Jutta. 'The Silver Age' in Duplex Perspective of the Memory: by the Example of Textbooks on Cultural and Civilization Studies. №1

Russia in the World

Mialo Ksenia. The Russian Orthodox Church and the Soviet Heritage. №6

European Parallels

Mar'ina Valentina. 1939: the Soviet Foreign Policy as Perceived by Coevals (Examined by the Czecho-Slovak Example). №4, 5

Mironenko-Marenkova Irina. On Danger of Travels to Europe and the French Language Learning... Discussions about Orthodox and Catholic Faiths in the Mid-19th Century Russia. №2

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Mayzul's Mikhail. 'Daemonum Exterminator': Michael the Archangel as Exorcist in Medieval Russian Culture. №5

Mil'kov Vladimir. The Spiritual Troop of the Russian Autocephaly: Lucas Jeedyata. №2

Mil'kov Vladimir. The Spiritual Troop of the Russian Autocephaly: Ilarion of Kiev. №4, 5

Polovinkin Sergey. 'The New Middle Ages' of Priest Paul Florenski. №6

Pages of History

Gotovtseva Anastasiya. Russian-American Company in the Decembrists' Plans. Addendum to K.F.Ryleev's Biography. №2
Kadhaya Valeriy. Sobibor. №1

Lapin Vladimir. Russia and Europe: Chase in the Field of Technologies. №4

Lapin Vladimir. History of Russia within Military Technologies Framework, 17th–21st centuries. №5

Lapitsky Mark. The Banality of Evil or Evil of Stupidity. №1

Nenarokov Al'bert. 'Not every Shining Piece is Made of Gold': On some Aspects of the Present Day Studies of the Post-October Menshevism. №5

Pavlov Dmitriy. Meiji Japan in the Western Perception: Tokyo External Image-making Techniques. №3

Rosental Isaak. Nicholas II and the State Duma – a New World? №6

Yurganov Andrey. Stalin and Eisenstein (the Discussion about the Film 'Ivan the Terrible'). №3

Topical Archive

Kiyanskaya Oksana. Decembrists and the People: Presentation of the Problem. №1

Maksimychev Igor'. A Time to Throw Stones. The Fall of the Berlin Wall 1989, November 9–10 (from the Diary of the Minister of the USSR Embassy in the GDR). №3

Readers' Letters

'Feminine Issue» in Prose and Publicist Works of Alexandra Kollontai. №1

Lapitsky Mark. Notes on Herbert Wells: a Globalist Dreamer or a Sharp Realist. №5

Smirnov Il'ya. A New Book in the Context of old Disputes between 'Physicists' and 'Lyrists'. №1

.8;

« » , .51/21;

« »8/1, .2;

« »12/27, .3;

« »:

- , .51/21;19;

:8/12;

,76;

. . . .6;

I II ;

. . . .12;

,30/1;

. . . .3/5, 1-

- « **.ru**»

www.politkniga.ru

- «

»

www.ani-books.ru

39363 –

82118 –

«
«

» . (495)500-00-60,
(495)580-95-80,
(495)795-23-00

« » . (495)974-30-79

« – » . (495)603-27-33,
(495)603-27-34

« » –

. (495)906-07-26, (495)906-07-35

. (495)691-74-79

« - »:
. (495) 681-91-37, (495)681-57-15
e-mail: export@periodicals.ru

1 2008 .

: www.elibrary.ru

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Учредитель
Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Главный редактор
С.Е.Кургинян
Редколлегия:
Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),
Каравашкин А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года
Регистрационное свидетельство 011074

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
телефон (495)691-74-79
факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2009
Цена свободная

ISSN 0869—8503

Подписано в печать 18.12.2009. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 12.5 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.
Тел. 554-21-86

6.2009 november-desember

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Destiny of Development
in the Present-day Russia _____ **4**

Geopolitics and International Policy Issues

Oleg Grinevsky

The Last Convulsions of USSR Policy _____ **26**

Russia in the World

Ksenia Mialo

The Russian Orthodox Church
and the Soviet Heritage _____ **56**

Pages of History

Isaak Rozental

Nicholas II and the State Duma:
a New World? _____ 96

Labels and Myths

Andrey Moroz

‘An Old Man Passed by...’:
Veneration of Saints
in the Popular Culture _____ 136

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Sergey Polovinkin

‘The New Middle Ages’ of Priest
Paul Florenski _____ 166

РОССИЯ XXI